

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА SOCIETY AND ECONOMY

№9, 2022

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Временно исполняющий обязанности
главного редактора журнала –
зам. главного редактора **П. Кохно**

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси **Е. Бабосов**, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н. **Р. Джабиев**, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**, академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н. **С. Калашников**, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**, академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам. гл. редактора, д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН **А. Некипелов**, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик РАН **Б. Порфирьев**, д. э. н. **А. Расулев**, академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан **О. Сабден**, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик НАН Украины **Ю. Шемшученко**, д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Егоров. О нормативности мейнстрима (как может выглядеть позитивная экономическая теория)	5
Игорь Николаев, Ольга Точилкина. Цена энергоперехода	19
Виктор Клавдиенко. Государственная поддержка исследований и инноваций в предпринимательском секторе: зарубежный опыт	38
Анастасия Шафранская. Конституционные аспекты формирования системы стратегического планирования	49
Игорь Балюк, Марина Балюк. Институциональные и функциональные противоречия современной мировой финансовой архитектуры	61
Сергей Капканщиков. Банк России против «голландской болезни»: сомнения в результативности избранного курса	79
Андрей Гальченко, Алексей Тегин, Владилен Тегин. Авторитарные страны живут лучше своих периферийных демократических соседей ...	97
Ван Цзилу. Инвестиционно-экономическое сотрудничество Китая и России в условиях украинского кризиса	108
<i>ОБЗОР</i>	
Арина Беляева, Елена Печерица. Внедрение цифровизации в проведение судебно-экономической экспертизы	115

CONTENTS

D. Egorov. On the normativity of mainstream economics (what a positive economic theory may look like)	5
I. Nikolaev, O. Tochilkina. Assessing the costs of transition to low-carbon economy	19
V. Klavdienko. State support for research and innovation in the business sector: foreign experience	38
A. Shafranskaya. The constitutional aspects of the formation of a strategic planning system	49
I. Balyuk, M. Balyuk. Institutional and functional contradictions of the present-day global financial architecture	61
S. Kapkanschikov. The Central Bank of Russia fighting the “Dutch disease”: the effectiveness of the policy chosen is questionable	79
A. Galchenko, A. Teguin, V. Teguin. “Authoritarian” countries live better than their peripheral “democratic” neighbors	97
W. Jilu. On economic cooperation between China and Russia in the context of the Ukrainian crisis	108
<i>OVERVIEW</i>	
A. Belyaeva, E. Pecheritsa. Introducing digitalization in forensic and economic expertise	115

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 22.00.03 – экономическая социология и демография (социологические науки); 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.4.7 – социология управления (социологические науки).

Научно-организационная работа
по изданию журнала осуществляется при поддержке
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Института экономики Российской академии наук

© 2022

Дмитрий Егоров

доктор философских наук, профессор Псковского филиала Академии ФСИН России

(г. Псков, Россия)

(e-mail: de-888@ya.ru)

О НОРМАТИВНОСТИ МЕЙНСТРИМА (КАК МОЖЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ ПОЗИТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ)

Показано, что ни по методам построения, ни по внутренней архитектуре принципиальной разницы между нормативными и позитивными теориями нет. Обосновано, что современная неоклассическая теория в целом не является позитивной. Предложен альтернативный вариант построения позитивной микротехники на основе подхода Мориса Алле: концепция поиска излишка в рамках стоимостного подхода.

Ключевые слова: методологический индивидуализм, методология, нормативная теория, позитивная теория, принцип, стоимость, экономический мейнстрим.

DOI: 10.31857/S020736760021858-2

Со времени выхода программной статьи М. Фридмана [1] неоклассическое течение в экономической теории («экономический мейнстрим») позиционируется как «позитивное», «ценностно нейтральное». По нашему мнению, такая оценка является неправомерным обобщением.

Наши рассуждения начнем с прояснения вопроса о категориях нормативного и позитивного в экономической теории как таковых. Традиции разграничения позитивных экономических теорий (описывающих то, что в реальности есть) и теорий нормативных (предписывающих, какой экономика должна бы быть) как минимум 200 лет: «Примерно во второй половине XIX в. это ставшее привычным различие в экономической теории начали смешивать и практически отождествлять с существующим у философов-позитивистов различием между тем, что “есть”, и тем, что “должно быть” ... стали говорить, что позитивная экономическая теория относится к фактам, а нормативная – к ценностям... За всем этим стоит ужасная логическая путаница» [2. гл. 5]. Соглашаясь, что вопрос о соотношении нормативного и позитивного в экономической науке запутан, отметим, что в цитированной работе М. Блауг полной ясности не достиг, с чем в том числе и связан настоящий возврат к этой теме. Любая теория – это идеальная модель реальности. Очевидно, что модель актуально существующей реальности, и модель реальности желательной – это не одно и то же. Вопрос в том, являются ли эти типы теорий *принципиально разными* не только по своему предназначению, но также и по методам построения, и по своей внутренней архитектуре.

Влияние позитивизма. Обсуждаемая дихотомия была наиболее четко сформулирована в рамках философии логического позитивизма¹, а именно: принципы «позитивной» теории и можно, и нужно получать индуктивно (обобщая факты), а вот нормативные теории строятся иначе – интуитивно находятся некие принципы, из которых дедуцируются следствия, которые и описывают желательное положение дел.

Однако, как показал, например, К. Поппер еще в 1930-е годы, выведение аксиом и принципов индуктивно (общего через единичное) не то чтобы сложно или «неэффективно», а просто невозможно [7. С. 88–93, 124–126], и исследования в области философии науки после Поппера свидетельствуют, что никто с тех пор его аргументы не опроверг (см. [8])². Создание теории (нахождение ее принципов) – процесс неформализуемый, и определенно не является “индукцией из фактов” [10. С. 299, 336].

Иначе говоря: а) любое наблюдение, эксперимент (то есть наблюдение в специально созданных условиях) и вообще любая подборка фактов уже *предполагают* некоторую теоретическую схему, вне которой они просто немыслимы; б) любая попытка вывести общее из групп единичностей противоречива, поскольку образование группы *уже* предполагает общее в качестве своего основания [11].

В силу этого исследователь, провозглашающий, что его теория «выведена из фактов», реально уже на стадии подборки фактов имеет некую теоретическую схему, которая и определяет, какие факты будут отобраны (хотя может этого и не осознавать). Наблюдение всегда целенаправленно: мы исходим из определенной задачи и наблюдаем (в принципиально бесконечно разнообразном мире) только то, что нужно для решения этой задачи. То, что наш гипотетический исследователь может не отдавать себе отчета в наличии у себя предварительной теоретической схемы, ничего принципиально не меняет в том, что он *делает* (хотя довольно сильно влияет на то, что он о своих действиях говорит и думает)³.

Соответственно, ни по методам построения, ни по внутренней архитектуре принципиальной разницы между нормативными и позитивными теориями нет. Любая теория есть система дедуктивно организованных предложений [12], которые можно разделить на:

¹ Термин «позитивизм» зачастую употребляют весьма вольно. Мы понимаем под философией логического позитивизма (неопозитивизма, «3-го позитивизма») концепции Б. Рассела [3], раннего Л. Витгенштейна [4] и философов Венского кружка [5] о проверке научности теорий методом верификации: если теоретическое положение можно свести к фактам, – оно научно, если нет, – оно метафизично, следовательно – ненаучно.

Важно отметить: постпозитивизм (К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд, др.) не является развитием логического позитивизма – постпозитивизм является его антагонистом. К. Поппер прямо, и вполне обоснованно утверждал [6. С. 87–97], что его работа 1934 года «Logik der Forschung» [7] привела к философской смерти логического позитивизма.

² Философия науки Поппера содержала нормативное требование заранее устанавливать критерии опровержения [7. С. 247]; иными словами, К. Поппер предлагал запрет на гипотезы ad hoc («конвенционалистские стратагемы», «иммунизирующие стратагемы»: см. [2. С. 64]). Попперианский нормативизм научным экономическим сообществом был отвергнут, и вполне обоснованно [9. С. 14–15]. Однако это никак не ставит под сомнение данную К. Поппером критику позитивизма.

³ Подробнее см. нашу критику индуктивизма в [13. С. 61–86], [14].

- 1) принимаемые априорно принципы (аксиомы);
- 2) логически следующие из принципов выводные предложения, или теоремы.

В естественных науках (тем более — науках социальных) получение выводных предложений не ограничивается их дедукцией из принципов, но предполагает также ряд мысленных экспериментов над базовыми (идеальными) моделями предметной области теории⁴. Но эти базовые модели есть не что иное, как неформализованные принципы. Все содержание теории следует из принципов, описанных в теории явно, закодированных в идеальных моделях, или же просто интуитивно подразумеваемых (к этому тезису мы еще вернемся ниже).

В чем же различие между теориями нормативными и позитивными? Различие, по нашему мнению, определяется тем, какой предметной области теория соответствует. Теория, взятая *per se*, вне контекста, не является ни нормативной, ни позитивной. Позитивной или нормативной теория становится, когда она (ее принципы) ставится в соответствие: а) либо какому-то фрагменту мира реального, б) либо какому-либо миру идеальному.

Этот критерий противоречит методологии инструментализма, со второй половины XX века являющейся практически стандартом для экономистов-неоклассиков («принципы могут быть какими угодно, лишь бы дедуцируемая из них теория объясняла факты»)⁵. Мы, однако, считаем, что из реальных сложностей философского анализа принципов совершенно не следует, что они могут быть «какими угодно». Что вообще значит: теория проверена эмпирически? Это означает, что теория является адекватной моделью какого-то фрагмента реальности (ее выводы соответствуют фактам). Следуя инструментализму, теория в целом должна быть изоморфна каким-то аспектам реальности, а ее первичные принципы (из которых она целиком и полностью вытекает) могут быть какими угодно? Очевидно, теория именно потому и объясняет факты, что ее принципы отражают какие-то сущностные свойства реальности⁶.

⁴ В физике это идеальные модели абсолютно твердого тела, идеального газа, в экономике — модели «экономического человека», etc. Модели эти могут задаваться явно, но зачастую подразумеваются «по умолчанию». Но даже при явном задании какие-то свойства базовых идеальных моделей могут и не быть определены описанием, а мыслятся, исходя из наших пространственно-временных интуиций. См. [8].

⁵ Основоположителем современного экономического инструментализма считается М. Фридмен [1]. Отметим, что сам Фридмен занимал достаточно взвешенную методологическую позицию, ограничиваясь тезисом, что принципы теории не являются «фотографиями реальности» (с чем мы полностью согласны): «...вопрос о “предпосылках” теории состоит не в том, являются ли они “реалистичными” описаниями, поскольку таковыми они никогда не являются, но в том, являются ли они достаточно хорошими приближениями к реальности с точки зрения конкретной цели» [1. С. 29]. Сомнительная честь доведения умеренного инструментализма М. Фридмена до ультра-конвенционализма («принципы могут быть какими угодно...») принадлежит его последователям.

⁶ При этом «отражать сущностные свойства реальности» — не значит быть «фотографией» реальности. Геометрия отражает сущностные свойства пространства, но совсем не потому, что реальные линии в самом деле бесконечные и абсолютно ровные. Поэтому первичные

Последние десятилетия наблюдается так называемый «эмпирический поворот» в экономических исследованиях, то есть преобладание результатов, полученных с применением методов математической статистики, над теорией: теоретические принципы трактуются как условность, не имеющая отношения к реальности [17]. По нашему мнению, эта тенденция напрямую связана с многолетним господством в экономическом мейнстриме инструментализма: если принципы теории могут быть «какими угодно», то в конечном счете и теория в целом может быть какой угодно. Но зачем тогда теория вообще нужна?

Обратимся к конкретным примерам. Позитивна или нормативна теория общего экономического равновесия (ТОЭР) [18]? Если мы рассматриваем ситуацию электронных торгов с потенциально бесконечно делимым товаром, при большом количестве продавцов и покупателей, отсутствии агентов с доступом к инсайдерской информации и ряде других условий⁷, ТОЭР может рассматриваться как теория позитивная. Но вот в России в 90-е годы XX века при переходе от плановой экономики к рыночной ее роль была, очевидно, нормативной: «главное — форсированная приватизация, а дальше все сделает рынок, ведь он обязательно придет в состояние оптимального равновесия, ибо это “математически доказано”».

Другой пример — теория рационального выбора (ТРВ): «теория рационального выбора является ядром современной микроэкономики, и микроэкономисты всегда считали ее... позитивной научной теорией» [19. С. 53]. Затем в процитированной работе Хэндс приводит ряд примеров нормативной интерпретации ТРВ, и констатирует «склонность все большего числа экономистов рассматривать ТРВ в качестве нормативной теории рациональности и отделять нормативное от этического» [19. С. 72].

Отметим, что Хэндс не обсуждает критериев, при каких условиях та или иная интерпретация ТРВ уместна (ограничиваясь перечислением громких имен интерпретаторов), и понятно почему, выделение таких критериев (а ими может быть только соответствие/несоответствие принципов теории какой-то реальности, эмпирической либо идеальной) очевидно идет вразрез с инструменталистскими установками мейнстрима.

Позитивное, нормативное и принцип Юма. Теперь обратимся к тенденции отождествления позитивных экономических теорий с высказываниями о фактах, а нормативных — с высказываниями о ценностях. На основе этого, опираясь на принцип Юма⁸, зачастую делается вывод об их якобы «несоизмеримости».

принципы не могут быть «какими угодно», — они должны быть изоморфны предметной области теории.

⁷ Более полный список идеализаций ТОЭР мы обсуждали в [15, 16].

⁸ Принцип Юма — утверждение о невозможности вывести этические положения из фактов (эмпирических обобщений). Дэвид Юм в своем «Трактате о человеческой природе» заметил, что во всех известных ему попытках вывести моральные нормы из знаний о сущем неизменно присутствуют логические ошибки, а именно: переход от суждений со связкой «есть» к суждениям со связкой «должен» (что логически невозможно) [20. С. 33]. Иными словами, принцип

Здесь мы отметим, что отождествление нормативной теории с этическим предписанием неправомерно: мы можем этически оценивать как нормативные теории, так и позитивные. Например, теория несовершенной конкуренции описывает ситуацию монополии (имеющей место в реальности, то есть позитивно). Эту реальную ситуацию мы можем оценить этически отрицательно, как являющуюся источником роста неравенства в социуме (если считаем, что такой рост нежелателен). Или дать положительную этическую оценку: если считаем главной ценностью прогресс технологий и убеждены, что источником технического прогресса служат сверхприбыли монополистов (которые, конечно же, будут вложены в научные исследования).

Позитивен ли неоклассический мейнстрим? Неоклассическая теория в целом достаточно давно претендует на то, чтобы быть «позитивной», то есть описывающей реальность⁹. Насколько обоснованна такая претензия?

Пример с трансформацией экономики СССР, когда роль неоклассической теории была очевидно нормативной, уже приведен выше. Пример этот не единичен: в форме «Вашингтонского консенсуса» неоклассическая теория последние десятилетия навязывается как теоретический стандарт для трансформации экономик развивающихся стран (и условие для предоставления кредитов МВФ). Итог такой связанной финансово-теоретической помощи в большинстве случаев плачевен [22–24].

Но, может быть, для «правильной рыночной» экономики (хотя бы в случае экономик G7) неоклассическая теория становится позитивной? Обратимся к анализу базовых принципов неоклассики, в первую очередь субъективизма, или методологического индивидуализма («все экономические феномены понимаются через индивидуальные действия экономических агентов»).

Прежде всего здесь следует отметить, что методологический индивидуализм неоклассики — следствие *философской* позиции отрицания бытия сущностей более высокого уровня, чем индивид: «все такого рода общности [государства, ассоциации, корпорации...] должны трактоваться как результаты и способы организации частных действий индивидуальных личностей, поскольку только последние могут трактоваться как агенты в плане субъективно понимаемого действия» [25. С. 13]. Выбор такой философской позиции (онтологического индивидуализма)¹⁰ — право любого исследователя, но в мейнстриме этот философский принцип принимается как *единственно* возможный¹¹. Тем самым философская гипотеза переносится

Юма запрещает такой вид причинного объяснения, когда *причиной* морального (ценностного) суждения является какой-то факт [21. С. 141].

⁹ Так, это явно сформулировал М. Фридмен в своем известном эссе [1].

¹⁰ Утверждение, что модель общества в целом может быть без остатка сведена к индивидуальному поведению, называет онтологическим индивидуализмом и В.С. Автономов [26. С. 54].

¹¹ Если бы «методологический индивидуализм» был действительно методологическим, то предмета для спора не было бы. Есть два разных способа описания экономической системы; если кому-то нравится описывать систему только через индивидуальные действия, это его личное предпочтение. То есть, «методологический холизм и методологический редукционизм являются частью общей методики научного познания и необходимо предполагают друг

в сферу науки как некий якобы твердо установленный факт: одно это превращает всю неоклассическую теорию в нормативную конструкцию, где навязываемой нормой выступает якобы «единственная научная» модель человека — «компетентный эгоист» (*homo oeconomicus*).

Нормативность «методологического» индивидуализма особенно ясно проявляется в попытках распространения этого подхода на все социогуманитарное знание («экономический империализм»). Так, в построении моделей семьи [29] заключение брака интерпретируется по аналогии с созданием партнерской фирмы: решение иметь детей аналогично другим инвестиционным решениям, а брак заключается, если ожидаемый объем совместно производимых благ превосходит арифметическую сумму благ, производимых порознь, etc.

Семьи, основанные на расчете, существуют, и не только на Западе, — но в традиционном обществе это считается патологией. А вот Гари Беккер и его последователи, похоже, всерьез считают, что вскрывают «суть» семейных отношений. А почему?

Семья (муж и жена) трактуется как единое целое не только в рамках традиционных религий. Таким же образом семья трактуется и в большинстве существующих правовых систем: и имущество, и доходы считаются общими, то есть семья трактуется как единое целое; утеря этого единства (то есть любви, ибо любовь и есть чувство, эмоционально выражающее единство) принимается в судах как основание для развода (нет единства — нет семьи). И. Кант идею единства (в том числе, социального) выразил в форме категорического императива и подчеркивал, что он есть *первичная* данность нашего существования [30]. Люди тысячелетиями заблуждались, находились в плену «метафор», но вот пришел «экономический империализм» (то есть неоклассический экономический подход, доведенный до предела: «все продается и покупается»), — и открылась «истина»? А может быть, наоборот, в основе «методологического» (то есть онтологического) индивидуализма лежит потеря способности ощутить любовь (единство с другими людьми)?

Распространено мнение, что неоклассическую парадигму определяет маржиналистский подход, и, соответственно, принцип предельной полезности. По нашему мнению, субъективизм неоклассической парадигмы не следствие маржинализма, а его причина. Неоклассический переворот в первую очередь характеризовался переходом к субъективистской трактовке предмета экономической науки [31], и, соответственно, к отказу от категории «стоимость». Принцип существования стоимости (центральный для классической политэкономии) постулирует объективное основание для системы цен, то есть предпола-

друга» [27. С. 430]. В тех или иных научных исследованиях они получают конкретное содержание в зависимости от предметного поля, подобно тому, как человек использует очки «для близи» и очки «для дали» [28. С. 85].

гает существование в экономике системных свойств (в частности, надличностной меры, то есть, стоимости). В свою очередь, отрицание существования объективной меры (то есть, отказ от стоимости) принуждает принять принцип равновесия (стремления к равновесию): в отсутствие системной меры никакого другого способа анализировать поведение экономической системы, кроме анализа движения к точке равновесия, не остается¹². Поэтому, чтобы раскрыть сущность обмена с позиции субъективных оценок полезности, создатели неоклассической теории были *вынуждены* обратиться к предельному (маржинальному) анализу (дифференциальному исчислению)¹³.

Но ведь современная экономика, казалось бы, в самом деле такова: основные мировые валюты уже более полувека не имеют эталона, курсы валют плавающие, — все как в неоклассической теории? Здесь мы отметим, что в признании такой ситуации нормой и заключается главный нормативный посыл неоклассики. Если ценность любого товара определяется соотношением спроса—предложения, — а деньги тоже товар, пусть особый, — ценность денег тоже можно определять соотношением спроса-предложения (более того, это теоретически правильно). Этот нормативный посыл, транслируемый в течение десятилетий университетскими курсами экономики, и сделал мыслимым, а затем и возможным, признание мировым общественным мнением отмены обмена долларов США на золото как чего-то, находящегося в поле возможного¹⁴.

Понятно, что банкирам и финансовым спекулянтам такое нормативное переформатирование архитектуры мировой экономики было выгодно. Но выгодно ли оно всем остальным участникам экономических отношений? И второй вопрос, связанный с первым, насколько адекватен неоклассический принцип стремления к равновесию?

Начнем обсуждение со второго вопроса.

При интуитивном представлении экономики как в первую очередь системы обмена, который происходит в короткие промежутки времени (без свя-

¹² Сравнение различных временных состояний системы в отсутствие меры (или при меняющемся эталоне меры) невозможно — по тем же причинам, по которым для того, чтобы имел место закон сохранения энергии, необходимо условие постоянства физических констант [31].

¹³ Иными словами, теория предельной полезности была построена не столько «под реальность», сколько под математический аппарат: «Влияние математического инструментария на формулировки теории предельной полезности у Джевонса и особенно у Вальраса очевидно и признано ими самими. Основные свойства экономического субъекта у маржиналистов выбраны так, чтобы обеспечить однозначное решение задачи на максимизацию полезности. Получить единственное значение аргумента, при котором функция достигает максимума возможно, только если функция полезности нелинейна, а этот удобный вид функции как раз придает закон убывающей полезности» [32. С. 32].

Таким образом, принцип убывающей предельной полезности можно назвать «техническим» — он становится необходим, если мы принимаем позицию онтологического субъективизма.

¹⁴ Как заметил автор самого, вероятно, известного учебника по экономике П. Самуэльсон: «Мне все равно, кто пишет законы страны, если я могу написать ее учебники по экономике» [33. Р. 4].

занных с производством задержек и иных нелинейных эффектов), с более интенсивными, нежели внешние воздействия, обратными связями (которые возвращают систему в *status quo*), принцип равновесия (стремления к оному) становится интуитивно очевидным. Данное интуитивное представление можно поставить в соответствие базовой теоретической модели предметной области экономической теории как диффузии [16]¹⁵. Такую экономику обмена посткейнсианцы называют простой экономической системой [34. С. 91].

Сложная экономика – это система многоотраслевой экономики с глубоким разделением труда. В какой базовой модели можно смоделировать то обстоятельство, что помимо обмена в экономических системах происходит преобразование одних ресурсов в другие (труд)? В данном случае базовой теоретической моделью может стать система «реакция-диффузия»: это множество агентов, на котором заданы отношения не только перераспределения («диффузии») экономических активов, но и их преобразования (труда) [16].

Впрочем, есть и другая модель сложной экономической системы, уже давно получившая всемирное признание: это модель межотраслевого баланса (МОБ). Важно отметить следующее – в основе методологии МОБ лежит гипотеза о постоянстве межотраслевых коэффициентов, но это есть не что иное, как другая формулировка принципа существования в крупных экономических системах объективных ценовых пропорций, то есть существования объективной стоимости. Многолетняя практика применения МОБ убедительно свидетельствует, что эта гипотеза в большинстве случаев адекватна реальности: межотраслевые коэффициенты в долговременной перспективе существенно меняются только с изменением ключевых промышленных технологий.

Далее: атрибутами сложной экономики с глубоким разделением труда являются неэргодичность и нелинейность¹⁶. Средством элиминации этих вредных помех являются долгосрочные контракты [34]. Но что есть множество долгосрочных контрактов? Это есть не что иное, как планирование, основным инструментом которого на макро уровне является как раз МОБ (методология которого, неявно включая принцип стоимости, тем самым отрицает принцип методологического индивидуализма).

А на микро уровне очевидны полная нереалистичность многих других

¹⁵ Диффузия – перераспределение какого-либо компонента в пространстве в результате случайного теплового блуждания отдельных атомов. Дадим интерпретацию диффузионной модели экономической системы: множеству точек пространства соответствует множество экономических агентов; под концентрациями (ресурсов) будем понимать оценки их полезности агентами-собственниками; если концентрации отличаются в соседних точках, происходит диффузия компонента (переход ресурса от агента к агенту).

¹⁶ Посткейнсианцы, развивая идеи Дж. Кейнса [35], обосновывают неизбежность этих факторов, не позволяющих экономике приходиться в состояние оптимального равновесия, наличием а) оборудования с длительным сроком службы и б) временных запаздываний информационных сигналов (оборотной стороной удобства использования денег) [34].

неоклассических принципов и допущений (бесконечной делимости благ, выпуклости функций полезности, полной информированности агентов...) ¹⁷. Наименее реалистичен, по нашему мнению, ключевой (точнее, системообразующий) для маржинализма принцип предельной полезности (уменьшения ценности каждой следующей единицы блага). При а) единичном и б) индивидуальном потреблении падение полезности, конечно, происходит, — но разве это вскрывает сущность экономических отношений? 2-я пачка чая менее ценна, чем первая? Да, если употребить их за один присест. А если в течение недели, то это совсем не так. Но это если оставаться на территории, смежной с психологией (индивидуального потребления).

Однако экономика — это, в первую очередь, система организаций: вторая тысяча тонн угля для электростанции менее ценна, чем первая? Назначал ли кто-либо когда-либо зарплату работникам фирмы, высчитывая «предельную производительность труда»? ¹⁸

Маржиналистские математические модели дают результаты, *похожие* на то, что происходит на реальных рынках с большим количеством продавцов и покупателей. Однако достижение равновесия в такого рода условиях можно смоделировать и с помощью гипотетического аукциониста Л. Вальраса; возможно и построение множества других аналогичных моделей. Очевидно, что на самом деле, сравнения предельных полезностей (во всяком случае, в математической форме) экономические агенты не производят. Менеджеры и экономисты годами учат неоклассическую микротеорию, но только для того, чтобы, начав практическую деятельность, забыть все, что связано в ней с «предельным» подходом. Реально при организации производства никто не максимизирует некую абстрактную полезность — максимизируется денежный доход ¹⁹ или физический выпуск продукции. И здесь плавающие курсы валют, то есть отсутствие стоимостного эталона, являются фактором, существенно усложняющим (а то и вовсе разрушающим) долгосрочное планирование экономической деятельности.

Из всего вышеизложенного не следует, что мы считаем современный неоклассический мейнстрим теорией «неправильной». Мы считаем его теорией, которая неправомерно обобщена — ее предметная область не включает большую часть экономических феноменов и ограничена ситуациями распределения ресурсов, в оценке которых велика роль сугубо субъективных факторов. Уже в XIX веке Дж. Милль отметил, что стоимость природных ресурсов и монопольных товаров зависит от их редкости (это и есть предметная область неоклассики), а для товаров, воспроизводимых потенциально неограниченно

¹⁷ См., например, критику принципов неоклассической парадигмы, данную М. Алле [36. С. 229–235].

¹⁸ См. критику гипотезы предельной полезности как «объяснения» роста зарплат топ-менеджеров, данную Дж. Стиглицем [37. С. 297] и Т. Пикетти [38. С. 312, 328].

¹⁹ На это совершенно оправданно указал еще А. Маршалл: измерить полезность можно только косвенно, через цены, поэтому на практике кривая убывающей полезности совпадает с кривой спроса [39. Кн. 3].

(то есть от основной массы товаров промышленных, ведь любой монопольный товар рано или поздно становится массовым), — от величины издержек производства [40. С. 222–224]²⁰. Для описания этого общего случая (сложной экономики с длинными производственными цепочками) в мейнстриме попросту не хватает категорий и моделей: остается только постулировать априорное равновесие, каковое является скорее исключением, нежели правилом²¹. По нашему мнению, теоретическое ядро мейнстрима (ТОЭР) можно рассматривать как описание идеала (эталона эффективности) экономической системы, а мейнстрим в целом — как частную теорию, описывающую редуцированную экономическую систему (в которой процессы производства незначимы и подчинены процессам распределения).

Поэтому неоклассический мейнстрим в целом, по нашему мнению, — теория нормативная, смысл которой в идеологической защите современного мирового экономического порядка.

Как может выглядеть позитивная микротеория? Обратимся к экономической реальности. На практике управление предприятием (системой предприятий) производится на основе обыкновенного здравого смысла, а отнюдь не по рецептам неоклассической микротеории. Как показывает практика, для этого современное неоклассическое экономическое образование вовсе не нужно. Позитивная микротеория, по нашему мнению, и должна моделировать этот самый экономический здравый смысл.

Главный аспект здесь, по нашему мнению, замена непроверяемого и антиинтуитивного принципа убывающей предельной полезности на принцип существования объективной ценности (стоимость).

Вопрос о стоимости, на наш взгляд, искусственно запутан: с одной стороны, манипулятивной в своей основе критикой апологетов мейнстрима [31], а с другой — схоластическими дискуссиями на темы «как понимали стоимость» Маркс, Рикардо, etc.; «как правильно переводить термин “*wert*”» [42], и т.д.²²

Мы считаем, что вводить стоимость в микротеорию следует аксиоматически: постулируя некое общее свойство, позволяющее проводить сравнение ценностей качественно различных вещей. Ясным аргументом в пользу адекватности такого подхода является существование денег, ибо деньги — не что иное, как инструмент

²⁰ Практически аналогичный тезис сформулировал и А. Маршалл: о том, что в краткосрочном периоде [то есть в ситуации появления нового монопольного товара] цену определяет спрос, а в долгосрочном — издержки производства [которые определяются в конечном счете количеством затраченного труда, ибо и капитал, в сущности, есть овеществленный труд] [41. С. 33].

²¹ Здесь мы, в сущности, повторяем тезис Дж. Кейнса, который в первой главе своей главной работы написал о теориях экономического равновесия, лежащих в основе современного неоклассического мейнстрима: «...теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможным состояний равновесия» [35. С. 224].

²² Такого рода дискуссии, конечно, важны для историков науки, но для экономической теории как таковой в лучшем случае бесплодны.

сравнения ценностей, имеющих качественно различную природу²³. Таким образом, «стоимость» — это не «фотография реальности», а ее модель. Эта модель не на 100% совпадает с экономической реальностью, но для большей части случаев (в первую очередь для ситуации массового производства) является более адекватной, нежели модели на основе принципа убывающей предельной полезности.

Обоснование тезисов: а) никаких объективных научных оснований для элиминации стоимости из экономической теории нет; б) как понятие идеальное, стоимость непосредственному наблюдению и измерению не подлежит, однако имеет эмпирическое истолкование, — содержится в [44]. Там же обосновывается определение стоимости на основе информационного подхода. Следует, однако, подчеркнуть, что раскрытие сущности (указание субстрата) стоимости не является обязательным условием для ее использования: корректно и просто априорное постулирование ее существования²⁴.

Другая интерпретация понятия «стоимость», не противоречащая, а дополняющая сформулированную выше, восходит еще к Аристотелю: система справедливых цен, которая позволяет обществу воспроизводиться [45]. Этот подход может быть формализован при обращении к методологии МОБ как «стоимостное условие роста»: при вычитании из вектора цен вектора затрат должна оставаться «разумная прибыль», достаточная для инвестиций, но не чрезмерная, чтобы исключить бегство капитала из других отраслей [46. Р. 338].

Что предлагается нами взамен предельного анализа? Альтернативный подход, который мы разделяем, был разработан лауреатом Нобелевской премии Морисом Алле: это концепция поиска излишка. Большинство сложностей и условностей подхода Эрроу-Дебре в концепции М. Алле просто элиминируются [36]. М. Алле развивал свою концепцию в рамках субъективного микроподхода²⁵. В рамках стоимостного подхода концепция излишка может быть интерпретирована следующим образом: излишек есть прирост совокупной стоимости ресурсов при их рекомбинации²⁶.

Пропорции распределения излишка между участниками акта лежат внутри

²³ Наше определение денег: легитимный знак стоимости [43].

²⁴ Такая ситуация в науке отнюдь не редкость: так, в физике до сих пор нет согласия по вопросу о сущности гравитации, но разве кто-то отвергает на этом основании понятие всемирного тяготения?

²⁵ Когда любой ресурс переходит от агента, оценивающего его ниже, к агенту, ценящему его выше, суммарная оценка имеющихся в их распоряжении благ возрастает; этот выигрыш, подлежащий распределению между участниками акта, называется излишком [36. С. 14, 204–209].

²⁶ Излишек образуется не при любом перераспределении, а только при таком, когда их объединение в новые комбинации (вместе с другими, уже имеющимися у соответствующих собственников ресурсами) повышает совокупную стоимость новых комбинаций относительно начального распределения. Главной причиной этого являются системные свойства экономических систем (целое может быть больше механической суммы частей). В общем случае экономические системы не ассоциативны: если мы имеем две экономические системы с набором элементов $\{a_1, b_1, v_1\}$ и $\{a_2, b_2, v_2\}$ соответственно, то рекомбинация элементов (например: $\{a_1, b_1, v_2\}$ и $\{a_2, b_2, v_1\}$) может привести как к увеличению, так и к уменьшению совокупной стоимости новых систем.

интервала, ограниченного снизу издержками продавца, а сверху – максимальной ценой, при которой покупатель еще имеет выигрыш в стоимости. В единичном случае внутри этого интервала цена может быть любой; в случае идеального рынка этот ценовой интервал сводится к точке равновесия, и это (также как и наклоны кривых спроса и предложения) можно обосновать без обращения к сложному (и логически избыточному) аппарату предельного анализа.

Важно отметить, что предлагаемое нами «переписывание учебника по микроэкономике» не означает тотального отвержения предшествующих концепций и создания экономической теории «с нуля»; напротив, большинство моделей современной экономической теории (теории несовершенной и монополистической конкуренции, обмена с информационной асимметрией, практически всего неоинституционального подхода и др.) в пределах своей области применимости имеет очевидную ценность. Более детально представления о том, как может быть развита микротеория в рамках классической школы, изложены в [13; 16].

В заключение отметим, что наша предполагаемая позитивная микротеория предполагает нормативную рекомендацию: деньги должны иметь эталон²⁷.

Литература

1. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 20–52.
2. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют // М.: НП "Журнал Вопросы экономики". 2004. 416 с.
3. Рассел Б. Философия логического атомизма / Рассел Б. Избранные труды. // Новосибирск: Сиб. унив. изд-во. 2007. С. 121–221.
4. Витгенштейн Л. Tractatus logico-philosophicus / Витгенштейн Л. Избранные работы. // М.: «Территория будущего». 2005. С. 14–228.
5. Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. // М.: Идея-Пресс. 203. 224 с.
6. Popper K. Unended Quest. // London: Routledge. 1992. 315 p.
7. Поппер К. Логика научного исследования / Поппер К. Логика и рост научного знания // М.: Прогресс. 1983. С. 33–235.
8. Степин В.С. Теоретическое знание // М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
9. Егоров Д.Г. О современной экономической науке с позиции гносеологического реализма // Общество и экономика. 2021. № 5. С. 5–19.
10. Поппер К. Открытое общество и его враги // М.: Феникс, Т. 2. 1992. 528 с.
11. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Новочеркасск: САГУНА. 1994. 354 с.
12. Петров Ю.А., Захаров А.А. Методологические принципы теорий // Озерск: ОТИ МИФИ. 2000. 28 с.
13. Егоров Д.Г., Егорова А.В. О единстве экономической теории // СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений. 2019. 214 с.
14. Егоров Д.Г. Откуда берутся принципы // Философия науки. 2022. № 1. С. 21–31.
15. Егоров Д.Г. Возможность согласования макро- и микроэкономики в рамках подхода Мориса Алле // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 154–165.

²⁷ Какой именно (золотой, энергетический [13. С. 118-122], мультитоварный [47]), – вопрос следующего уровня.

16. *Егоров Д.Г., Егорова А.В.* О построении неравновесной микротеории // Общество и экономика. 2020. № 2. С. 18–33.
17. *Кошовец О.Б.* «Горизонтальный прогресс» экономической науки: между конструируемой реальностью и технонаукой: Научный доклад. // М.: Институт экономики РАН. 2019. 47 с.
18. *Arrow K.J., Debreu G.* Existence of Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica*. 1954. Vol. 22. N. 3. P. 265–290.
19. *Хэндс У.* Нормативная теория рационального выбора: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 52–75.
20. *Юм Д.* Трактат о человеческой природе / Юм Д. Сочинения в 2 т. Т. 1. // М.: Мысль. 1996. С. 53–655.
21. *Максимов Л.В.* «Гильотина Юма»: pro et contra / Этическая мысль. Вып. 12. // М.: ИФ РАН. 2012. С. 124–142.
22. *Хомский Н.* Прибыль важнее людей. // М.: Практикс, 2002. 248 с.
23. *Кляйн Н.* Доктрина шока // М.: Добрая книга. 2011. 656 с.
24. *Чхан Х.* Злые самаритяне. Миф о свободной торговле и секретная история капитализма. // М.: Манн, Иванов и Фербер. 2018. 256 с.
25. *Weber M.* Basic Sociological Terms. Economy and Society / Weber M. An Outline of Interpretive Sociology // Berkeley: University of California Press. 1968. P. 3–62.
26. *Автономов В.С.* Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 53–56.
27. Новая философская энциклопедия // <https://iphras.ru/enc.htm>
28. *Кирдина С.Г.* Методологический индивидуализм и методологический институционализм // Вопросы экономики. 2013. № 10. С. 66–89.
29. *Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход // М.: ГУ ВШЭ. 2003. 671 с.
30. *Кант И.* Критика практического разума / Кант И. Сочинения в восьми томах. Т. 4. // М.: Чоро. 1994. С. 373–565.
31. *Егоров Д.Г.* Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 35–41.
32. *Автономов В.С.* Человек в зеркале экономической теории // М.: Наука. 1993. 176 с.
33. *Samuelson P.A.* Economics // New York: McGraw-Hill Book Company. 1990. 645 p.
34. *Розмаинский И.В.* Введение в посткейнсианство // Идеи и идеалы. 2010. № 1(3). Т. 1. С. 88–105.
35. *Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж.М. Избранные произведения // М.: Экономика. 1993. С. 224–518.
36. *Алле М.* Условия эффективности в экономике // М.: Наука для общества. 1998. 304 с.
37. *Стиглиц Дж.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса // М.: ЭКСМО. 2011. 512 с.
38. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. // М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. 592 с.
39. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 1. // М.: Прогресс. 1983. 415 с.
40. *Милль Дж.* Основы политической экономии. Т.2 // М.: Прогресс. 1980. 480 с.
41. *Маршалл А.* Принципы политической экономии. Т. 2. // М.: Прогресс. 1984. 310 с.
42. *Васина Л.Л.* «Ценность» versus «стоимость» – «за» и «против» // Альтернативы. 2015. № 2. С. 122–154.
43. *Егоров Д.Г.* Деньги – это знак // Экономическая наука современной России. 2022. № 1. С. 7–16.
44. *Егоров Д.Г.* Стоимость в экономической теории – категория излишняя или необходимая? // Общество и экономика. 2020. № 6. С. 25–40.
45. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 4 // М.:

Мысль. 1984. С. 53–293.

46. *Eichner A.S.* The Macrodynamics of Advanced Market Economics // NY: Armonk. 1991. 1075 p.

47. *Гельвановский М.И., Минченков М.А., Водянова В.В., Заплетин М.П.* Мультитоварная база международной валюты как средство обеспечения национальной и глобальной финансово-экономической безопасности // Стратегические приоритеты № 4, 2017. С. 120–130.

Dmitry Egorov (e-mail: de-888@ya.ru)

Ph.D. in Philosophy, Professor,

Pskov Branch, Academy of Federal Penal Service of Russia (Pskov, Russia)

ON THE NORMATIVITY OF MAINSTREAM ECONOMICS (WHAT A POSITIVE ECONOMIC THEORY MAY LOOK LIKE)

It is shown in the article that there is no fundamental difference between normative and positive theories either in terms of development methods or internal architecture. It is substantiated that the modern neoclassical theory as a whole is not positive. Another way of developing a positive microtheory based on the approach of Maurice Allais is proposed: the concept of searching for surplus within the framework of the cost approach.

Keywords: methodology; methodology individualism; normative theory; positive theory; principle; value; economic mainstream.

DOI: 10.31857/S020736760021858-2

© 2022

Игорь Николаев

доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН
(г. Москва, Россия)
(e-mail: nikolaev1806@mail.ru)

Ольга Точилкина

старший эксперт Института стратегического анализа компании ФБК
(г. Москва, Россия)
(e-mail: strategy@fbk.ru)

ЦЕНА ЭНЕРГОПЕРЕХОДА

В исследовании предпринята попытка оценить экономические последствия глобального перехода к низкоуглеродной экономике для России. В рамках предложенной методики потери рассчитываются как стоимость недополученных доходов от экспорта углеводородов. Дается оценка общей величины потерь российской экономики от энергоперехода на период до 2035 года. Также представлен обзор зарубежного опыта оценки стоимости энергоперехода для ряда зарубежных стран.

Ключевые слова: энергопереход, безуглеродная экономика, углеводороды, топливно-энергетические полезные ископаемые, экспорт, зарубежный опыт.

DOI: 10.31857/S020736760021859-3

На фоне острейшего геополитического кризиса 2022 года, связанного с событиями вокруг Украины, проблематика энергетического перехода, казалось бы, перестала быть актуальной. Однако климатические проблемы, которые столь остро поставили к концу 2021 года вопрос о необходимости перехода к низкоуглеродной энергетике, не только не уменьшились, но даже, судя по происходящему в 2022 году, стали больше.

В ноябре 2021 года в Глазго прошла 26-я конференция ООН по климату. Задача конференции состояла в том, чтобы ускорить действия стран мира по достижению целей Парижского соглашения и Рамочной конвенции ООН об изменении климата, то есть сделать все необходимое, чтобы удержать прирост глобальной средней температуры ниже 2 градусов по Цельсию и стремиться ограничить этот прирост 1,5 градусами по Цельсию и менее.

Выступления глав государств на состоявшейся конференции, дискуссии в рамках сессий прошедшего форума наглядно продемонстрировали, что время для дальнейших обсуждений без реализации конкретных планов по достижению определенных целевых показателей закончилось. Это значит, что, хотя еще многие вопросы касательно способов достижения поставленных целей и их последствий остаются без полных и исчерпывающих ответов, необходимо действовать.

Одним из таких проблемных вопросов является вопрос об экономических последствиях перехода к низкоуглеродной экономике, без которого проблему глобального потепления решить невозможно. Для России ответ на данный вопрос особенно актуален по целому ряду причин.

Во-первых потому что очевидным последствием энергоперехода будет сокращение экспорта углеводородов, который чрезвычайно важен как для наполнения бюджета, так и для развития российской экономики в целом.

Во-вторых, углеродоемкость ВВП России остается высокой, по объему выбросов парниковых газов Россия по-прежнему остается в числе стран-антилидеров. Следовательно, энергопереход будет капиталоемкой для решения задач.

В-третьих, стоимостные потери и затраты на энергопереход имеют значение ввиду их масштабности, учитывая, что в 2022 году российская экономика столкнулась с серьезными испытаниями.

Энергетический кризис актуализировал задачу стоимостной оценки энергоперехода. Сегодня этот кризис развивается главным образом в связи с событиями вокруг Украины. Это также свидетельствует о том, что последствия перехода к низкоуглеродной энергетике должны просчитываться лучше.

Актуальность оценки последствий перехода на низкоуглеродную энергетику для России обостряется по мере того, как в других странах начинают реализовываться соответствующие стратегии. Энергопереход для России чреват снижением экспорта углеводородов, который во многом определяет российскую экономику – как на уровне бюджетных поступлений, так и на уровне доходов добывающих предприятий. Слова о необходимости оценки потерь российской экономики в результате энергоперехода неоднократно звучали на правительственном уровне (Минфин, Минэкономразвития, Банк России и т.д.).

Ключевым правительственным документом касательно энергоперехода призвана стать Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденная распоряжением Правительством Российской Федерации от 29 октября 2021 г. № 3052-р¹. Стратегия рассматривает два сценария адаптации российской экономики к глобальному энергопереходу: инерционный и целевой (интенсивный). В качестве основы для реализации Стратегии предлагается использовать целевой (интенсивный) сценарий.

Экономическим последствиям перехода РФ на низкоуглеродное развитие в Стратегии уделяется явно недостаточное внимание. Отмечается, в частности,

¹ Минэкономразвития России совместно с заинтересованными федеральными органами исполнительной власти и рабочими группами по планированию и реализации мер по адаптации экономики страны к глобальному энергопереходу разработало проект плана реализации Стратегии, который будет дорабатываться с учетом санкционного давления. План включает меры в рамках шести разделов, в том числе: стимулирующие регуляторные меры, реструктуризация промышленности, адаптация и внедрение наилучших доступных технологий, климатические проекты, технологические инновации, включая водородные проекты и другие. Обновленный план должен был появиться в июне 2022 г., в открытом доступе документа нет.

что меры, предусмотренные целевым (интенсивным) сценарием, способствуют ускорению позитивных структурных сдвигов к 2050 году. В результате увеличивается доля «постиндустриальных» отраслей в структуре экономики на 11,8 процентных пункта по сравнению с 2020 годом. Однако соответствующие данные по состоянию на 2020 год в Стратегии не приводятся, поэтому масштаб структурных изменений оценить достаточно сложно. Если все-таки попытаться это сделать, то следует исходить из следующего определения «постиндустриальных» отраслей, которое дается в Стратегии: это высокотехнологичная промышленность, информационные технологии и связь, исследования и разработки и др. По данным Росстата, доля высокотехнологичных и наукоёмких отраслей в экономике составила 23,4% в 2020 г. Если «постиндустриальные» и «высокотехнологичные и наукоёмкие» отрасли – это одно и то же, то, согласно Стратегии, их доля в экономике к 2050 г. вырастет чуть меньше, чем в полтора раза.

Что же касается основной экономической угрозы, связанной со снижением объемов экспорта ископаемого топлива и углеводородов, то об этом в целевом (инерционном) сценарии Стратегии сказано следующее: ожидается падение энергетического экспорта с 2030 года (минус 2,1% в реальном выражении ежегодно, с 2031 по 2050 год). То есть, о потерях в стоимостном выражении не говорится. Примечательно также то, что падение энергетического экспорта до 2030 года не предполагается. Данный факт является лишним доказательством того, что актуальность стоимостной оценки цены энергоперехода для России является высокой.

Другой важнейший документ – Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2035 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1523-р, – также недостаточно затрагивает тему энергоперехода. Тем не менее Энергетическая стратегия исходит из того, что модернизационный рывок к более эффективной, гибкой и устойчивой энергетике включает структурную диверсификацию, в рамках которой углеродная энергетика дополнится неуглеродной.

Следует отметить и то, что фактором риска для угольной отрасли в Энергетической стратегии признается «международная» кампания против использования угля под предлогом реализации экологической повестки. Это признание в целом отражает недостаточную обеспокоенность России по вопросу последствий энергоперехода. Экологическая повестка – это, безусловно, не «предлог», а требование времени, продиктованное, в том числе, принятыми Россией обязательствами природоохранной направленности. Недостаточное внимание (практически его отсутствие) Энергетической стратегии к вопросу стоимости энергоперехода объясняется, по-видимому, тем, что, как это ни удивительно, к середине 2020 года, когда Энергетическая стратегия была утверждена, вызовы ускоренного перехода на низкоуглеродную энергетику были еще недостаточно очевидны для российского правительства.

Однако к этому времени реалии ускоренного энергоперехода формировались уже не только климатической повесткой, но и последствиями пандемии

COVID-19. Именно пандемия явилась катализатором ускоренного ухода человечества от безудержного потребления энергоресурсов. Пандемия – это форсированное развитие удаленных форматов работы и коммуникаций в целом, развитие сервисов интернет-доставки товаров, снижение мобильности людей и т.д. И если на восстановление отдельных отраслей после пандемии еще можно надеяться (того же туризма, к примеру), то очевидно, что многое до прежних уровней уже не восстановится. Тем не менее эти важные обстоятельства, стимулирующие ускоренный энергопереход, не были учтены в Энергетической стратегии. В результате, как было отмечено выше, данный важнейший документ не содержит экономических оценок последствий энергоперехода.

Оценивать стоимость энергоперехода надо еще и потому, что России, судя по динамике экономического развития в 2022 году, придется столкнуться в ближайшие годы с колоссальными финансовыми трудностями. Они будут вызваны прежде всего сильнейшими внешними ограничениями, введенными против РФ на фоне острейшего геополитического конфликта.

Но даже в таких условиях издержки энергоперехода для России никто не отменял. Это та цена, которую все равно придется платить, потому что переход к низкоуглеродной энергетике в 2022 году даже ускорился.

Российские и зарубежные оценки стоимости энергоперехода.

Российские оценки. Официальных полноценных российских оценок стоимости энергоперехода до настоящего момента представлено не было. При этом несколько высокопоставленных чиновников озвучивали как масштаб возможных последствий энергоперехода, так и намерения провести точную оценку таких последствий.

Так, замминистра финансов В. Колычев отмечал, что в случае реализации шокового сценария ускоренного энергоперехода уже в начале следующего десятилетия объем ФНБ может упасть до 2–3% ВВП при условии, что бюджет останется сбалансированным, а секвестр расходов проводиться не будет. «Мы проводили стресс-тесты разных сценариев энергоперехода, в некоторых наиболее сложных спрос на нефть начинает быстро сокращаться на горизонте до 2030 г.»².

По словам первого зампреда Банка России К. Юдаевой, Банк России проведет длинный стресс-тест российской экономики с горизонтом прогнозирования до 2030 и 2050 гг. для оценки влияния климатических переходных рисков³. В частности, будут оцениваться риски изменения структуры энергопотребления в мире, структуры российской экономики, влияние углеродных налогов и изменения стратегий инвесторов.

Минэкономразвития на настоящий момент не озвучивало конкретных цифр, однако министр экономразвития М. Решетников в ходе Восточного

² Гринкевич Д., Катков М. Минфин оценил шоковый сценарий энергоперехода // Ведомости. 2021. 13 сент. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/09/13/886495-minfin-energoperehoda>

³ Игнатьева А. ЦБ оценит риски энергоперехода для экономики РФ до 2050 г. // Neftegaz.ru [Электронный ресурс]. 2021. 16 сент. Режим доступа: <https://neftgaz.ru/news/finance/697264-tsb-otsenit-riski-energoperehoda-dlya-ekonomiki-rf-do-2050-g/>

экономического форума, прошедшего 2-4 сентября 2021 г. (ВЭФ-2021), предлагал провести расчеты того, в какую сумму обойдется энергопереход, и обсуждение этого вопроса с населением и бизнесом.

На ВЭФ-2021 была представлена оценка возможных потерь от энергоперехода для России, проведенная Сбербанком⁴. Согласно расчётам, озвученным в ходе панельной сессии Сбербанка Г. Грефом, потери российского бюджета за счет недополучения нефтегазовых доходов могут составить примерно 5 трлн руб. к 2035 г., а снижение доходов граждан РФ - до 14%. Это произойдет за счёт сокращения энергетического экспорта РФ на 179 млрд долл. США к 2035 г. (и на 192 млрд долл. США к 2050 г.). Энергопереход (если он произойдет) может привести к потенциальному падению производства нефти и газового конденсата в России к 2050 г. на 72%, газа – на 52%, энергетического угля – на 90%. В целом достижение мировой углеродной нейтральности к 2050 г. будет стоить всему миру 140 трлн дол. США, или 3% мирового ВВП в год.

Зарубежные оценки. Наиболее значительный негативный эффект от энергоперехода в долгосрочной перспективе будет иметь место в странах, экспорт углеводородов в которых является наиболее существенным. Это отмечено, например, в обзоре Международного агентства возобновляемой энергетики (The International Renewable Energy Agency – IRENA) World Energy Transitions Outlook (2021). При этом IRENA прогнозирует, что если будет реализован сценарий достижения углеродной нейтральности к 2050 г., то это ускорит мировую экономику на 1,2% в среднем за год по сравнению с текущим прогнозом (учитывающим текущие долгосрочные прогнозы по странам, в т.ч. с учётом Парижского соглашения) – см. Рис. 1. В докладе IRENA за 2022 г. рассматривается рост ВВП в зависимости от комплекса мер, сопровождающих энергопереход. Средний рост в 2022-2030 гг. превышает рост, соответствующий текущему прогнозу, на 2,2–2,3 п.п., рост в 2030 г. превышает соответствующий показатель на 0,4–0,5 п.п.

Ниже представлены оценки воздействия энергоперехода на экономику стран – крупных экспортёров ископаемого топлива: Норвегии, Канады и Австралии.

Норвегия. В отчете Статистического управления Норвегии за 2020 год указывается на то, что экономические последствия запрета на новые геологоразведочные работы в Норвегии будут следующими: в течение 30 лет прекращение разработки новых месторождений нефти снизит рост ВВП Норвегии на 0,5% по сравнению с базовым сценарием; ВВП в целом будет по-прежнему расти; безработица увеличится максимум на 6500 человек, что составляет 0,2% рабочей силы⁵.

⁴ Алиферова Е. ВЭФ-2021. Россия готовится к глобальной ESG-трансформации, которая обернется потерей существенной части нефтегазовых доходов // Neftegaz.ru [Электронный ресурс]. 2021. 3 сент. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/695492-vef-2021-rossiya-gotovitsya-k-globalnoy-esg-transformatsii-kotoraya-obnertsya-poterey-sushchestvenn/>

⁵ Silje Lundberg. Will Norway's new government consider phasing out oil and gas? // Energypost EU. September 28, 2021. Режим доступа: <https://energypost.eu/will-norways-new-government-consider-phasing-out-oil-and-gas/>

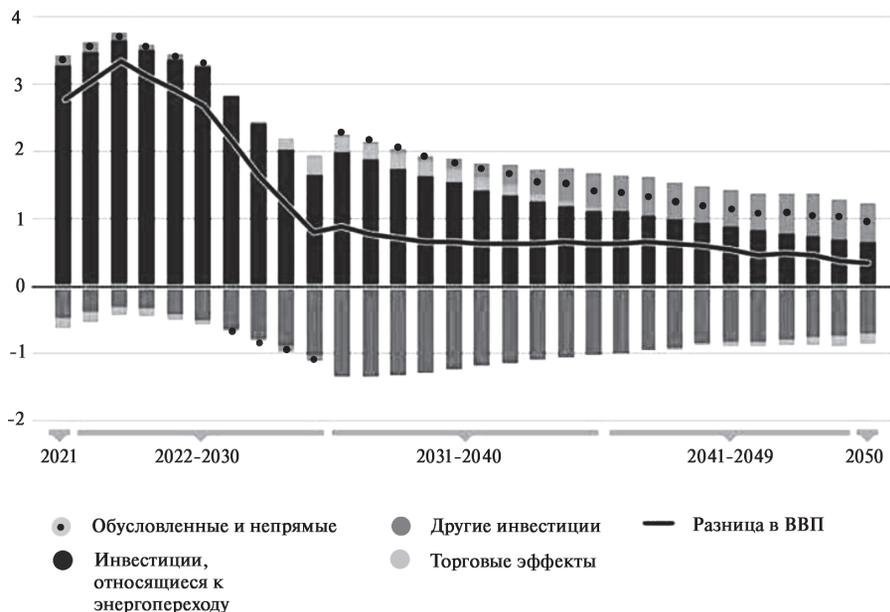

Рис. 1. Разница в темпах прироста ВВП согласно сценарию углеродной нейтральности и текущим прогнозам (%), а также факторы, воздействующие на рост ВВП.

Источник: IRENA (2021), World Energy Transitions Outlook: 1.5°C Pathway, International Renewable Energy Agency, Abu Dhabi.

Примечания. **Инвестиции, относящиеся к энергопереходу**, включают влияние изменения инвестиций в категориях, относящихся к энергопереходу, таких как возобновляемые источники энергии, энергоэффективность, электрификация, интеграция энергосистем (включая водородную энергетику), инфраструктура и т.д.

Другие инвестиции включают инвестиции в производство ископаемого топлива, другие отрасли, перераспределяющие в свою пользу инвестиционный ресурс, который мог быть направлен в энергопереход.

Обусловленные и непрямые эффекты включают положительное влияние выросших потребительских расходов вследствие снижения налоговой нагрузки (налог на прибыль, НДС), возвращение в оборот прибыли посредством единовременных платежей, другие изменения в потребительских расходах (включая реаллокацию и непрямые эффекты), а также отрицательное влияние ценовых эффектов и потери нефтяной ренты государствами.

Торговые эффекты включают влияние изменений в торговле топливом (снижение ВВП стран-чистых экспортёров и рост ВВП стран-чистых импортёров), а также любые эндогенные отклики другой торговли (например, отклик на изменения цен и зарплат).

Канада. Королевский банк Канады оценил стоимость перехода экономики Канады к нулевым выбросам в 2 трлн долл. в течение следующих 30 лет⁶. Банк

⁶ Geoffrey Morgan. Canada's road to net zero will cost \$2 trillion – as much as a year's GDP// Financial Post. Oct 20, 2021. Режим доступа: <https://financialpost.com/commodities/energy/renewables/canadas-road-to-net-zero-will-cost-2-trillion-as-much-as-a-years-gdp>

считает, что правительству и частному сектору необходимо ежегодно тратить 56,4 млрд долл. в шести различных секторах, чтобы достичь своих целевых показателей углеродной нейтральности. В разбивке по отчету указаны затраты в 25 млрд долл. в год на строительство инфраструктуры электромобилей в транспортном секторе; 13,7 млрд долл. на сокращение выбросов в нефтегазовом секторе; 5,4 млрд на модернизацию старых зданий; 5,4 млрд долл. в секторе электроэнергетики; 4,4 млрд долл. в тяжелой промышленности и 2,5 млрд долл. в сельскохозяйственном секторе ежегодно.

Есть также оценки, касающиеся потерь рабочей силы вследствие энергоперехода, – например, недавнее исследование TD Bank Group «Don't Let History Repeat: Canada's Energy Sector Transition and the Potential Impact on Workers»⁷. Основной вывод исследования состоит в том, что необходимо более внимательно отнестись к вопросам профессионального переориентирования, особенно в тех провинциях, где основа экономики – добыча топливно-энергетических полезных ископаемых. В качестве дополнительной аргументации приводится пример снижения доходов у работников угольной, нефтяной и газовой отраслей, уволенных и перешедших в другие отрасли в период с 2004 по 2011 г.⁸

В 2019 году федеральное правительство Канады создало рабочую группу по справедливому переходу для канадских работников угольной энергетики и вовлечённых в угольную энергетику сообществ. Признавая, что правительство Канады уже выделило в 2019 г. 35 млн долл. на решение данной задачи, рабочая группа в заключительном отчёте⁹ отметила, что для выполнения всех выработанных рекомендаций потребуется значительно больше финансовых средств, порядка нескольких сотен миллионов долларов в рамках бюджета на 2019 год и последующих бюджетов.

Австралия. Резервный банк Австралии в бюллетене за сентябрь 2021 г.¹⁰ опубликовал оценки влияния энергоперехода на экономику Австралии в период до 2050 г. Банк предполагает, что общее влияние сокращения экспорта ископаемых углеводородов на ВВП будет относительно небольшим и

⁷ *Beata Caranci, Francis Fong.* Don't Let History Repeat: Canada's Energy Sector Transition and the Potential Impact on Workers // *td.com* – Электронный ресурс. — April 6, 2021. – Режим доступа: <https://economics.td.com/esg-energy-sector>

⁸ Среди угледобывающих 50% беднейших слоев населения испытали снижение реальных доходов как минимум на 32,4%, а у нижних 25% – как минимум на 80,5%. Среди нефтяников и газовиков эти показатели составили 17,3% и 65,1% соответственно. Даже пять лет спустя значительная доля уволенных работников продолжала терять доход, например, 25% беднейших слоев населения по-прежнему имели доходы на 50–60% ниже их прежнего потенциального заработка.

⁹ *Final Report by the Task Force on Just Transition for Canadian Coal Power Workers and Communities* // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/climate-change/task-force-just-transition/final-report/section-5.html#fn1-0-rf>

¹⁰ *Jonathan Kemp, Madeleine McCowage and Faye Wang.* Towards Net Zero: Implications for Australia of Energy Policies in East Asia // Reserve Bank of Australia. – Электронный ресурс. – 16 September 2021. – Режим доступа: <https://www.rba.gov.au/publications/bulletin/2021/sep/towards-net-zero-implications-for-australia-of-energy-policies-in-east-asia.html#fn0v>

постепенным. Прямой вклад экспорта ископаемого топлива в годовой рост ВВП ожидается в среднем на 0,1 процентного пункта ниже в сценарии углеродной нейтральности по сравнению с базовым сценарием. Накопленное сокращение экспорта углеводородов снижает примерно на 3 % уровень ВВП в 2050 году по сравнению с базовым уровнем. Также отмечается, что будет иметь место перетоковое воздействие на сопутствующую деятельность, которое со временем, вероятно, будет частично компенсировано возможностями в других секторах. В целом констатируется, что влияние сокращения экспорта ископаемого топлива будет значительным для определенных профессий и регионов.

Как оценить энергопереход.

А) Исходные предпосылки для проведения оценки энергоперехода.

Основные потери России от энергоперехода — это потери от сокращения экспорта углеводородов.

За 2021 год Россия экспортировала топливно-энергетических товаров, по данным Росстата, на 267 млрд долл. США, что составило 54,3% от всего объема российского экспорта за этот же период. Причем нефти было экспортировано на сумму 110,1 млрд долл. США, газа — на 55,5 млрд долл. США, что составило 22,3% и 11,3% от всего российского экспорта соответственно.

Также много экспортировалось из России в 2021 году продукции с большим углеродным следом: черных металлов и изделий из них — на 32,9 млрд долл. США (6,7% от общего объема экспорта), цветных металлов и изделий из них — на 17 млрд долл. США (3,5%) и пр.

Таким образом, экспорт углеродоемкой продукции был и остается чрезвычайно значимым для российской экономики.

Необходимо также учитывать, что быстрых изменений в нынешней сформировавшейся структуре российской экономики ждать не приходится. Во-первых, потому что изменение структуры экономики объективно требует достаточно продолжительного времени, осуществить это в короткие сроки не представляется возможным. Во-вторых, экономические планы правительства хотя и предусматривают необходимость снижения доли «традиционных» отраслей, предполагается, что процесс этот будет достаточно длительным. В частности, Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 октября 2021 года №30520-р, содержит указание на то, что доля «традиционных» отраслей в структуре экономики должна снизиться на 9,4 процентных пункта в 2050 году по сравнению с 2020 годом.

Таким образом, большая значимость экспорта углеводородов, которая будет оставаться таковой в ближайшие десятилетия, а также тот факт, что следствием энергоперехода будет сокращение экспорта углеводородов, заставляют сделать вывод, что основными экономическими потерями России от энергоперехода будут потери от экспорта углеводородов.

До 2024 года экономических потерь от перехода к низкоуглеродной энергетике не будет.

По итогам 2021 года стало понятно, что на начальной активной фазе энергоперехода могут быть не потери, а, напротив, выигрыши от перехода к «зеленой» энергетике. Особенно это стало очевидным на фоне резкого роста биржевых цен на газ в Европе осенью 2021 года. К тому же и мировые цены на нефть, уголь и сжиженный газ существенно выросли в 2021 году. Произошло это потому, что на фоне активного восстановления экономики в 2021 году заметно вырос спрос на энергоресурсы, — напомним, что в первый год пандемии COVID-19 (2020 год) произошло резкое падение спроса, которое к тому же было усилено мероприятиями ведущих стран по уменьшению углеродного следа в своих экономиках в целях борьбы с глобальным потеплением климата.

Глобальное потребление первичной энергии, как отмечалось на Российской энергетической неделе в Москве в октябре 2021 года, снизилось в 2020 году на 4,7%. Соответственно уменьшилось и предложение углеводородов на мировом рынке. Однако уже в 2021 году ситуация изменилась, и цены на углеводороды резко пошли вверх, так как вырос спрос на энергоресурсы, которые оказались в дефиците. То есть, для России на начальном активном этапе энергоперехода оказалось возможным не только не потерять из-за снижения экспорта, но даже и выиграть.

Таким образом, в самые ближайшие годы на фоне проявившегося дефицита углеводородного сырья на мировых рынках можно ожидать не только повышения цен на него, но и увеличение предложения со стороны РФ. Доля России на мировом рынке угля, к примеру, как предусмотрено Энергетической стратегией Российской Федерации до 2035 года, может увеличиться к 2024 году до 18–20% (в 2018 году соответствующий показатель равнялся 14%).

О возможности получения дополнительных доходов от экспорта углеводородов из России говорилось и на Восточном экономическом форуме в сентябре 2021 года. Так, в рамках сессии «Готова ли Россия к глобальной ESG-трансформации?» зам министра энергетики России П. Сорокин отмечал, что России в ближайшие несколько лет необходимо максимально использовать свои преимущества через ускоренную монетизацию нефтяных ресурсов путем экспорта¹¹. На это же указывается и в Генеральной схеме развития нефтяной отрасли Российской Федерации на период до 2035 года. Поддержание высоких объемов экспорта нефти признается целесообразным из-за ожидаемой стабилизации первичной переработки внутри страны и ограниченного потенциала внешнего спроса.

Дополнительные выигрыши от энергоперехода на его начальном этапе подтверждаются и конкретными оценками применительно к федеральному бюджету Российской Федерации. Так, в Пояснительной записке к проекту

¹¹ Алиферова Е. ВЭФ-2021. Россия готовится к глобальной ESG-трансформации, которая обернется потерей существенной части нефтегазовых доходов // Neftegaz.ru [Электронный ресурс]. 2021. 3 сент. Режим доступа: <https://neftegaz.ru/news/gosreg/695492-vef-2021-rossiya-gotovitsya-k-globalnoy-esg-transformatsii-kotoraya-obernetsya-poterey-sushchestvennyh/>

федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» указывается, что дополнительные нефтегазовые доходы составят в 2021 году 2,6 трлн рублей, в 2022 году – 3,4 трлн рублей, в 2023 году – 2,7 трлн рублей, в 2024 году – 2,1 трлн рублей. Считать все эти возможные дополнительные нефтегазовые доходы своеобразным бонусом для России из-за особенностей начального периода энергоперехода было бы неправильно, потому что они в большей степени являются результатом и ускоренного восстановления мировой экономики на фоне провального из-за пандемии COVID-19 2020 года, и заниженной первоначальной оценки уровня мировых цен на углеводороды. Так, базовый прогноз цены на нефть марки «Юралс», исходя из которого формировался федеральный бюджет на 2021 год, равнялся 45,3 доллара США за баррель. Реально же по итогам года соответствующая цена находилась, как указывается в Основных направлениях бюджетной налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022–2024 годы, в диапазоне 65–70 долларов США за баррель.

Тем не менее оценку дополнительных нефтегазовых доходов российского бюджета до 2024 года следует принять в качестве важного аргумента того, что в первые годы активного энергоперехода российская экономика фактически не будет нести связанные с этим потери.

Цена энергоперехода рассчитывается на период до 2035 года.

Выбор такого временного горизонта – до 2035 года – продиктован прежде всего тем, что именно этот период лежит в основе утвержденной в 2021 году Энергетической стратегии Российской Федерации.

В мировом масштабе ведущие страны ориентируются на 2050-е или 2060-е годы в качестве рубежных с точки зрения завершения перехода своих экономик. К этому времени они должны стать углеродно нейтральными. Однако пытаться рассчитать цену энергоперехода на столь длительный период представляется малоперспективной задачей. Особенно с учетом того, что уже показал опыт 2020–2021 годов, когда координаты начальной точки перехода к низкоуглеродной энергетике в части экономических издержек этого процесса могут существенным образом корректироваться. Очевидно, что существенное изменение в исходной точке (в начале процесса) может вывести траекторию в конечную точку с очень большим отклонением.

Это, безусловно, актуально и применительно к 2035 году, однако очевидно, что при варианте оценки на период до 2050 года или до 2060 года вероятность ошибочного результата значительно возрастает.

Для получения необходимых данных по ряду лет используется экстраполяция данных линейного тренда.

Предполагается, к примеру, что изменение спроса на углеводородное сырье в мире будет происходить более или менее равномерно. В реальности на такое вряд ли стоит рассчитывать, учитывая неординарность и неизведанность этого

процесса — перехода к низкоуглеродной экономике. Ясно, что будут как ускорения, так и замедления этого процесса, вызванные климатическими, технологическими, экономическими и другими факторами. То есть процесс не будет линейным. Но ясно также и то, что ускорения в нем будут компенсироваться торможениями и наоборот. Значит, для решения поставленной задачи проведения стоимостной оценки энергоперехода можно принять допущение, что для получения необходимых данных для расчетов возможно использовать экстраполяцию линейного тренда.

В качестве потенциальных источников данных для расчётов используются следующие материалы:

- Краткосрочные прогнозы Международного энергетического агентства (IEA) по нефти, газу и углю (Oil 2021. Analysis and forecast to 2026; Gas 2020; Coal 2019. Analysis and Forecasts to 2024).

- Дорожная карта развития энергосектора до 2050 г. с учётом достижения углеродной нейтральности, скорректированная с учётом энергоперехода и пандемии коронавируса (IEA) (Net Zero by 2050 — A Roadmap for the Global Energy Sector). Документ содержит прогнозы спроса и предложения углеводородов, а также цен на них на 2030, 2040 и 2050 гг.

- Обзоры мирового рынка энергоносителей IEA за разные годы (World Energy Outlook 2019, 2020). Обзоры содержат прогнозы спроса и предложения энергоносителей на ближайшие 10 лет.

- Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года (июль 2020 г.). Документ содержит прогнозы энергобаланса на 2024 и 2035 гг. по двум сценариям (верхний и нижний), сценарии не учитывают последствия энергоперехода и пандемии коронавируса.

Б) Подход к реализации работы.

Исходная концептуальная предпосылка: главные потери России от энергоперехода — это потери от сокращения экспорта углеводородов.

В качестве базового документа для расчётов была принята Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. В расчётах в качестве прогноза на 2024 г. использованы данные по объёму экспорта из прогнозного энергобаланса (нижний сценарий). Такое допущение возможно принять, хотя в данном сценарии и не учтены последствия пандемии коронавируса (негативный фактор для экспорта). Однако одновременно в Стратегии не учтены и позитивные краткосрочные последствия энергоперехода. Это то, что наблюдается в настоящее время, когда вынужденная резкая активизация энергоперехода в мире привела к дефициту, а с ним и к росту цен на энергоносители.

В качестве прогноза на 2035 г. использовались скорректированные данные нижнего прогноза энергобаланса. Корректировка проводится для того, чтобы учесть и последствия пандемии, и энергопереход. Прогнозы IEA по спросу на

углеводороды, построенные до начала пандемии (World Energy Outlook 2019, 2020), сопоставляются с самым последним прогнозом из документа Net Zero by 2050 – A Roadmap for the Global Energy Sector, таким образом рассчитывается разница в прогнозах. Ввиду того, что в прогнозах IEA нет данных по 2035 г. (есть только 2030 и 2040 гг.), эти данные получаются экстраполяцией.

Недостающие данные за 2022–2023 гг. и 2025–2034 гг. получены путём экстраполяции.

В результате рассчитывается, насколько снизится объём экспорта углеводородов в натуральном выражении из России в период 2022–2035 гг. вследствие энергоперехода – «выпадающий экспорт».

Для получения стоимостной оценки потерь объём «выпадающего экспорта» в натуральном выражении по годам перемножается на прогнозные цены углеводородов по годам, полученные значения приведены к ценам 2020 г. и суммированы.

Методология и расчёты.

Как упоминалось выше, при проведении расчётов потерь российской экономики от энергоперехода предполагается, что до 2024 г. включительно таких потерь не будет. Потери рассчитываются за период с 2025 по 2035 гг. включительно. Потери рассчитываются как стоимость недополученных доходов от экспорта углеводородов. Недополученные доходы по виду ископаемых углеводородов (нефть, уголь, природный газ, сжиженный газ) рассчитываются как произведение объёма недополученного экспорта по углеводороду в натуральном выражении в определённом году на его прогнозную рыночную цену в этом году. Затем рассчитанные суммы недополученных доходов приводятся к ценам одного года и суммируются за 2025–2035 гг. и по видам углеводородов.

Объём недополученного экспорта получается вычитанием значений объёма экспорта, полученных из «реалистичного» сценария, из значений объёма экспорта, полученных из «оптимистичного» сценария.

«Оптимистичным» сценарием является нижний прогноз Минэнерго, представленный в Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года (июль 2020 г.). Данный документ, судя по всему, не в полной мере учитывает последствия энергоперехода и пандемии коронавируса. Энергетическая стратегия содержит прогнозы энергобаланса, в том числе – показатели объёма экспорта угля, нефти, природного газа и сжиженного газа на 2024 и 2035 годы по двум сценариям («верхний» и «нижний»). В целях данной работы был использован прогноз, согласно «нижнему» сценарию, предполагающий более низкий уровень экспорта. Поскольку в Энергетической стратегии нет необходимых для расчёта цены энергоперехода данных с 2025 по 2034 годы включительно, эти данные были получены экстраполяцией линейного тренда (предполагается, что объёмы экспорта меняются равномерно в указанные годы).

Для того чтобы получить *показатели «реалистичного» сценария*, прогноз экспорта из Энергетической стратегии был скорректирован с учётом влияния возможной динамики мирового спроса на энергоносители на объём российского экспорта. Прогнозная динамика мирового спроса, учитывающая как перспективы энергоперехода, так и влияние пандемии коронавируса, содержится в Дорожной карте развития энергосектора до 2050 года с учётом достижения углеродной нейтральности, скорректированной с учётом пандемии коронавируса (Net Zero by 2050 – A Roadmap for the Global Energy Sector, IEA; далее – NZB 2050). Документ содержит прогнозные показатели спроса на уголь, нефть и газ на 2030 и 2040 гг., а также оценочные показатели спроса на указанные ископаемые углеводороды за 2020 г. Данные за 2025–2029 годы и за 2031–2035 годы были получены экстраполяцией линейного тренда (предполагается, что объёмы спроса меняются равномерно в указанные годы). IEA прогнозирует спрос на газ в целом, без разделения его на трубопроводный и сжиженный. Для корректировки прогнозной динамики из Энергетической стратегии как природного газа, так и сжиженного газа была использована прогнозная динамика IEA спроса на газ в целом.

Корректировка проводилась исходя из следующей предпосылки. Соотношение прогнозных темпов роста объёмов экспорта углеводородов из Энергетической стратегии (без учёта пандемии и энергоперехода) и скорректированных прогнозных темпов роста объёмов экспорта углеводородов равно соотношению прогнозных темпов роста спроса на углеводороды из долгосрочного прогноза IEA, не учитывающего последствия пандемии и энергоперехода, к прогнозным темпам роста спроса на углеводороды из долгосрочного прогноза IEA, учитывающего эти последствия. Таким образом, для получения скорректированных прогнозных значений темпов роста экспорта углеводородов прогнозные значения величин экспорта углеводородов из Энергетической стратегии умножались на соотношение прогнозных темпов роста спроса на углеводороды с учётом пандемии и энергоперехода и прогнозных темпов роста спроса на углеводороды без учёта этого. Источником данных прогнозных темпов роста спроса на углеводороды без учёта пандемии и энергоперехода является обзор IEA World Economic Outlook за 2019 г. (далее WEO 2019). На Рис. 2–5 показано, как были скорректированы прогнозные значения российского экспорта углеводородов согласно представленной методике.

С использованием скорректированных прогнозных темпов роста и спрогнозированных в Энергетической стратегии значений объёмов экспорта в 2025 году были получены ряды значений скорректированных объёмов российского экспорта по видам углеводородов на период 2026–2035 годов согласно «реалистичному сценарию». Указанным выше способом были получены и объёмы недополученного экспорта углеводородов на этот период.

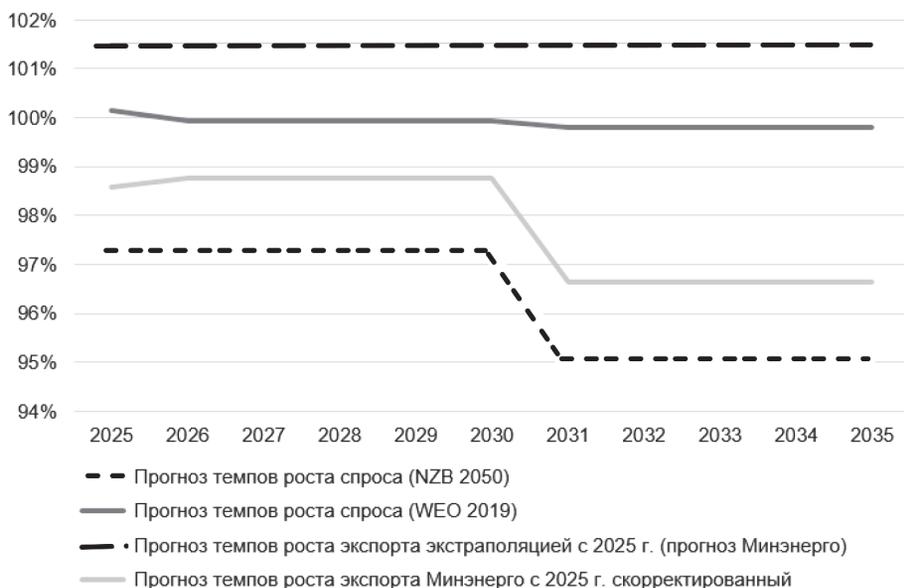

Рис. 2. Корректировка прогноза российского экспорта по углю

Источники: IEA, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года, расчёты авторов.

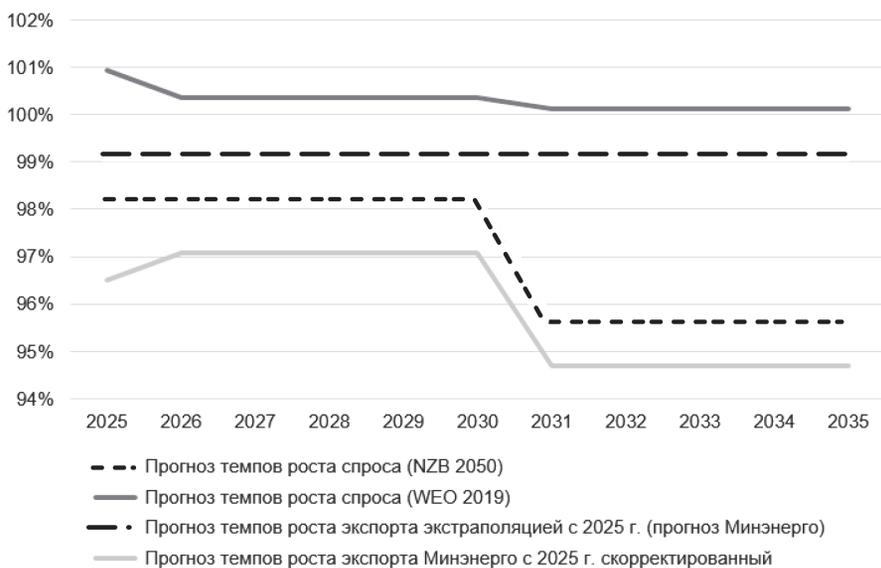

Рис. 3. Корректировка прогноза российского экспорта по нефти

Источники: IEA, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года, расчёты авторов.

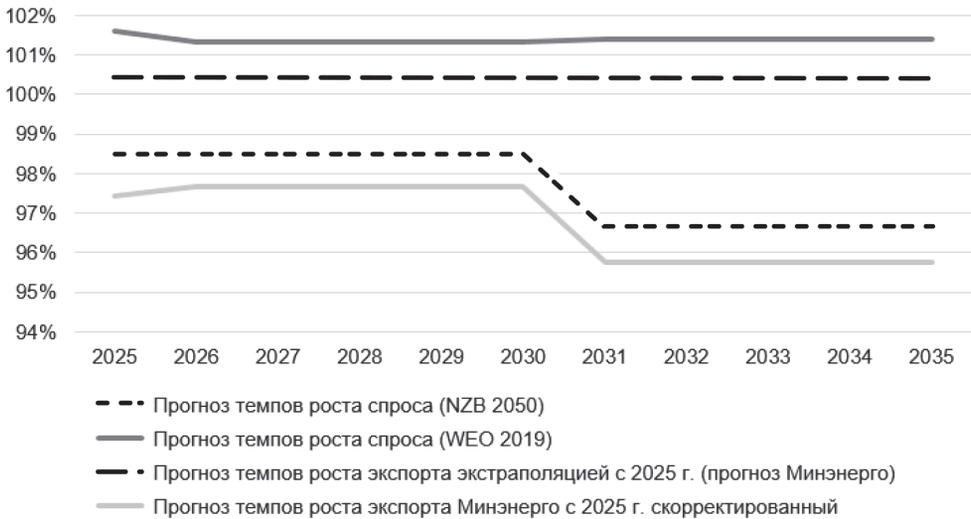

Рис. 4. Корректировка прогноза российского экспорта по природному газу (трубопроводному)
 Источники: IEA, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года, расчёты авторов.

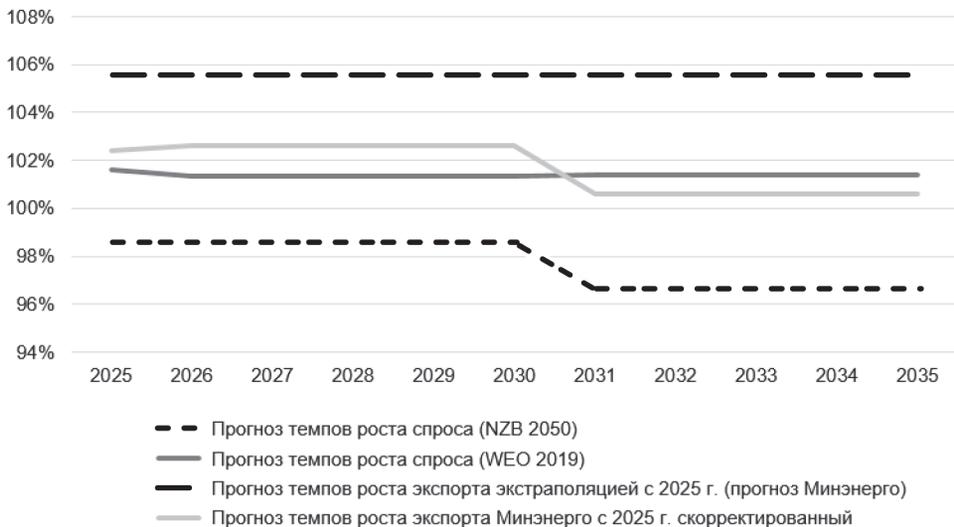

Рис. 5. Корректировка прогноза российского экспорта по сжиженному природному газу
 Источники: IEA, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года, расчёты авторов.

Прогнозные рыночные цены на углеводороды были взяты из Дорожной карты развития энергосектора до 2050 года с учётом достижения углеродной нейтральности, скорректированной с учётом пандемии коронавируса (IEA) (Net Zero by 2050 – A Roadmap for the Global Energy Sector). В данном документе представлены прогнозы цен по углю, нефти и газу на 2030 и 2040 гг., а также

оценка по 2020 году для разных регионов. Цены на уголь спрогнозированы отдельно для США, Европы, Японии и материкового Китая¹²; цены на нефть представлены как средневзвешенные цены импорта на нефть стран-членов IEA; цены на газ представлены отдельно для США (оптовые цены внутреннего рынка), Японии (средняя цена сжиженного газа), ЕС и Китая (средние цены импорта трубопроводного и сжиженного газа). Цены за 2025–2029 годы и за 2031–2035 годы получены экстраполяцией линейного тренда (предполагается, что среднегодовые цены в 2020–2030 годах и в 2031–2040 годах изменяются равномерно). IEA представляет прогнозы цен на нефть в долларах США за баррель в день, по газу – в долларах США за млн британских тепловых единиц, по углю – в долларах США за тонну¹³. Для удобства расчётов цены на нефть были приведены к долларам США за тонну, на газ – к долларам США за тыс. м³. Для расчёта недополученных экспортных доходов России по углю использовались средние цены по ЕС, Японии и Китаю, по газу (сжиженному и трубопроводному) – цены в ЕС. Полученные прогнозные значения цен представлены на рис. 6.

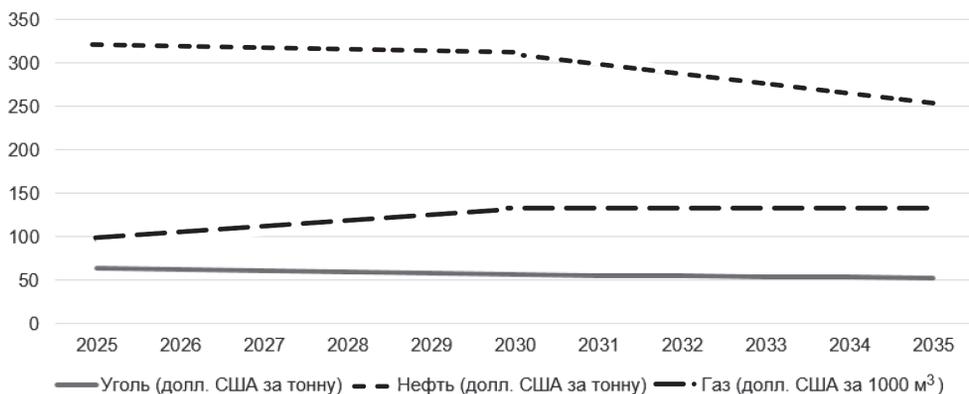

Рис. 6. Прогнозные экспортные цены на углеводороды в период 2025–2035 годов (долл. США)

Источник: расчёты авторов по данным IEA.

Перемножением прогнозных цен на углеводороды и соответствующих объёмов недополученного экспорта были получены значения потерь российской экономики от энергоперехода по годам и видам углеводородов (см. Табл. 1).

¹² Средневзвешенные цены из расчёта 6000 калорий на 1 кг угля. Цены на энергетический уголь в США отражают цену франко-шахта плюс транспортные издержки и стоимость погрузочно-разгрузочных работ. Цены на энергетический уголь в материковом Китае отражают баланс импортных и внутренних продаж, в то время как цены на энергетический уголь в ЕС и Японии приводятся только для импорта.

¹³ В ценах 2019 г.

Таблица 1

Потери российского экспорта от энергоперехода в 2025–2035 годах в стоимостном выражении

	2025	2026	2027	2028	2029	2030	2031	2032	2033	2034	2035	2025– 2035
	<i>В долл. США (в ценах 2019 года)</i>											
Уголь, млн долл. США	398,6	751,5	1088,8	1411,3	1719,3	2013,5	2557,2	3076,3	3572,0	4045,4	4497,5	25,1
Нефть, млн долл. США	2260,5	3941,9	5540,6	7059,9	8502,9	9872,6	12402,6	14559,6	16383,2	17908,9	19169,1	117,6
Газ природный, млн долл. США	706,5	1431,4	2235,5	3125,7	4109,2	5193,9	6532,0	7819,7	9059,3	10252,7	11402,0	61,9
Газ сжиженный, млн долл. США	182,0	387,5	636,0	934,4	1290,8	1714,3	2265,5	2849,9	3469,4	4125,9	4821,5	22,7
Всего, млрд долл. США	3,5	6,5	9,5	12,5	15,6	18,8	23,8	28,3	32,5	36,3	39,9	227,3
	<i>В млрд руб. (в текущих ценах)</i>											
Уголь	28,1	53,2	77,6	101,2	124,1	146,2	186,8	226,0	264,0	300,7	336,1	–
Нефть	159,1	279,2	394,9	506,4	613,6	716,8	905,9	1069,7	1210,7	1331,0	1432,7	–
Газ природный	49,7	101,4	159,3	224,2	296,5	377,1	477,1	574,5	669,5	762,0	852,2	–
Газ сжиженный	12,8	27,4	45,3	67,0	93,2	124,5	165,5	209,4	256,4	306,6	360,4	–
Всего	249,7	461,3	677,2	898,8	1127,4	1364,6	1735,3	2079,7	2400,5	2700,3	2981,3	–
Всего (в ценах 2020 года)	201,8	358,5	506,0	645,8	778,9	906,5	1108,4	1277,3	1417,6	1533,3	1627,8	10361,8

Сравочно:

ИПЦ (прирост цен на конец периода), % к декабрю	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	4,0	–
Курс доллара (среднегодовой), рублей за доллар США	70,4	70,8	71,3	71,7	72,2	72,6	73,0	73,5	73,9	74,3	74,7	–

Источники: расчёты авторов. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 г., Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 г. и на период 2023–2024 гг.

Для расчёта величины потерь в рублях был использован прогнозный курс из Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года (консервативный вариант). Данный прогноз был опубликован в ноябре 2018 года и не учитывает ни пандемию коронавируса, ни последствия энергоперехода, ни тем более последствия глобального конфликта, связанного с событиями вокруг Украины. Ввиду того, что в текущей ситуации базовый вариант прогноза выглядит излишне оптимистичным, для расчётов использовались данные более пессимистичного консервативного варианта.

Полученные величины потерь в ценах текущих лет были приведены к ценам 2020 года с использованием прогнозных значений индекса потребительских цен (ИПЦ). Для 2021 года использовались значения ИПЦ (базовый вариант) из Прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на 2022 год и на период 2023–2024 годов. Источником значений ИПЦ на 2023–2035 годы являлся Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года (базовый вариант).

Выводы:

1. Острейший геополитический конфликт, связанный с событиями вокруг Украины, хотя и вытеснил из новостной повестки тему энергоперехода, но не отменил его. Более того, есть все основания утверждать, что этот конфликт ускоряет переход к низкоуглеродной энергетике в глобальном масштабе. Значит, актуальной остается и проблема стоимости энергоперехода.

2. Основные правительственные документы, касающиеся энергоперехода – Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2035 года (2020 год) и Стратегия долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парникового газа до 2050 года (2021 год) – уделяют недостаточное внимание экономическим последствиям перехода России на низкоуглеродное развитие. В этих документах практически ничего не сказано об экономической угрозе для России, связанной со снижением экспорта ископаемого топлива и углеводородов. Официальных правительственных оценок стоимости энергоперехода представлено не было.

3. До настоящего времени не существует единства во мнениях относительно того, что считать стоимостью энергоперехода: стоимость «выпадающего» экспорта углеводородов или затраты на технологическую модернизацию производств в целях перехода к низкоуглеродной экономике, или расходы на уплату специальных налогов, призванных уменьшить объем экспорта продукции с большим углеродным следом.

4. Энергопереход в целом для мировой экономики в долгосрочной перспективе может стать катализатором экономического развития, ускорив его. Если будет реализован сценарий достижения углеродной нейтральности к 2050 году, то это повысит средние темпы роста мировой экономики на 1,2% (по прогнозу IRENA, 2021 год).

5. Развитые страны достаточно активно проводят в настоящее время исследования по оценке стоимости энергоперехода своих экономик. В особенности

стоит выделить в данном отношении Норвегию, Канаду и Австралию. Так, ожидается, что в Норвегии прекращение разработки новых месторождений нефти снизит рост ВВП страны в течение 30 лет на 0,5% по сравнению с базовым сценарием; в Канаде стоимость энергоперехода была оценена в 2 трлн долларов в течение 30 лет; в Австралии среднегодовое снижение темпов ВВП составит 0,1% к 2050 году за счет снижения экспорта углеводородов.

6. Российская экономика, отличающаяся своей сырьевой направленностью и сильной зависимостью федерального бюджета от экспорта углеводородов, потенциально должна пострадать от энергоперехода в большей степени по сравнению с экономиками других стран. Однако по итогам 2021 года стало понятно, что на начальной активной фазе энергоперехода могут быть не потери, а, напротив, выигрыши от перехода к низкоуглеродной экономике. Резкий отказ от угольной энергогенерации, который совпал по времени с активной фазой восстановления мировой экономики после ковидного шока 2020 года, привел к существенному росту цен на энергоносители. Таким образом, активный энергопереход на начальном этапе приведет к дополнительным экспортным поступлениям в российскую экономику.

7. Величина потерь российской экономики от энергоперехода на период до 2035 года, оцененная как стоимость недополученных доходов от экспорта углеводородов, равняется **10,4 трлн рублей** (в ценах 2020 года).

Igor Nikolaev (e-mail: nikolaev1806@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Olga Tochilkina (e-mail: strategy@fbk.ru)

Senior Expert,

Institute for Strategic Analysis,

Finance & Accounting Consultants LLC (Moscow, Russia)

ASSESSING THE COSTS OF TRANSITION TO LOW-CARBON ECONOMY

The study attempts to assess the economic implications of the global transition to a low-carbon economy for Russia. Within the framework of the proposed methodology, losses are calculated as the value of lost revenues from hydrocarbon exports. An estimate of the total amount of losses of the Russian economy from the energy transition for the period up to 2035 is given. A review of foreign experience in assessing the cost of energy transition for some foreign countries is also presented.

Keywords: energy transition, low-carbon economy, hydrocarbons, fossil fuels, export, foreign experience.

© 2022

Виктор Клавдиенко

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

(г. Москва, Россия)

(e-mail: viklav8@mail.ru)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ИССЛЕДОВАНИЙ И ИННОВАЦИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ СЕКТОРЕ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

В статье исследован комплекс мер государственной поддержки НИОКР и инноваций в частном секторе стран-лидеров инновационного развития. Раскрыто содержание прямых и косвенных методов субсидирования НИОКР и инновационной деятельности, систематизированы инструменты их практической реализации в предпринимательском секторе различных стран. Выявлены характерные долговременные тенденции роста объемов государственной поддержки НИОКР и инноваций в частном секторе и смещения вектора этой поддержки в пользу косвенных мер (в форме налоговых льгот и преференций). Установлено, что, используя схемы и инструментарий кредитно-денежной и фискальной политики, государство выполняет функции финансирования инновационной инфраструктуры, заказчика и покупателя результатов НИОКР и инновационных решений, страховщика, принимающего на себя гарантии по страхованию рискованных инвестиций в разработку новой продукции и технологий, обеспечивая стимулирование и координацию действий субъектов НИОКР и инновационной деятельности, направленной на достижение общественно значимых результатов.

Ключевые слова: государственное регулирование, финансирование НИОКР, налоговое стимулирование инновационной деятельности, зарубежный опыт.

DOI: 10.31857/S020736760021860-5

В современных экономических доктринах ключевым фактором поступательного развития экономики, повышения ее конкурентоспособности признаются инновации. Не отрицается и то, что ядром инновационной экономики является предпринимательский сектор. Показательно, что в странах-лидерах инновационного развития он покрывает 60–65% внутренних затрат на НИОКР и инновации, доля государственных расходов на эти цели вдвое меньше [1]. Предпринимательский сектор выступает также основным генератором инновационных решений, подавая в патентные ведомства львиную долю (до 80%) заявок на патенты на изобретения и являясь главным получателем патентов [2].

Доминирование предпринимательского сектора в сфере НИОКР и инноваций не означает устранение или пассивность государства в управлении научно-техническим и инновационным процессом, в том числе в частном секторе. При различиях в подходах и методах воздействия государства на инновационные процессы в частном секторе, общим для всех стран-лидеров инновационного

развития¹ является то, что государство оказывает постоянную поддержку бизнесу в этой сфере. Государственная поддержка НИОКР и инноваций и механизм ее реализации являются важным составным элементом национальных инновационных систем этих стран. И, хотя в академических трактатах и управленческих структурах многих развитых стран государственная поддержка бизнеса обычно рассматривается как явление нежелательное, противоречащее принципам открытой рыночной экономики и свободной конкуренции, тем не менее на практике во всех странах применяют различные виды государственной помощи частному бизнесу, признанные допустимыми, не оказывающими существенного отрицательного эффекта на конкуренцию и торговлю.

Одной из сфер деятельности, допускающих государственную поддержку, являются НИОКР и инновации, выполняемые в предпринимательском секторе. Более того, в последние десятилетия в развитых странах государственная поддержка бизнес-сектора в отношении НИОКР и инновационной деятельности нарастала. Так, во Франции её объем в 2001–2020 гг. увеличился в 1,5 раза, Германии и США – в 2, Великобритании – в 2,9 раза. Во многих странах росла и ее доля в ВВП. В настоящее время наиболее высока доля ВВП, выделяемая из общественных средств на поддержку НИОКР и инноваций в предпринимательском секторе Великобритании (0,42%), Франции (0,40), Кореи (0,29), Австрии (0,27), США и Канады (0,24%). Наименее щедрыми в поддержке НИОКР и инновационной деятельности в предпринимательском секторе являются государственные структуры в Швейцарии, Финляндии, Германии, Дании, выделяя на эти цели от 0,01 до 0,07% ВВП (см. табл. 1).

Государственная поддержка предпринимательского сектора в сфере НИОКР и инноваций включает как методы прямого финансирования, так и опосредованную помощь в форме налоговых льгот и преференций, ориентированных на создание у предприятий-налогоплательщиков мотивации для занятия НИОКР и инновационной деятельностью. По каналам прямого финансирования значительную государственную поддержку НИОКР и инноваций получает частный бизнес в Корее, Франции, США, Канаде. В этих странах расходы бюджетов всех уровней на НИОКР и инновации для бизнес-сектора составляют от 0,17 до 0,12% ВВП. Наименьшие относительные показатели прямой государственной помощи бизнесу в исследованиях и инновационной деятельности среди рассмотренных стран имеют Швейцария, Япония, Дания (менее 0,05% ВВП). В Швейцарии, например, исследования и инновационные проекты в частном секторе фактически не получают финансирования из федерального бюджета. Это связано с доминированием в швейцарской экономике принципов свободной конкуренции и минимального вмешательства государства в хозяйственную жизнь. Поддержка НИОКР в частном

¹ В фокусе внимания находятся страны из группы Топ-30 глобального инновационного индекса, рассчитанного Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Корнельским университетом и Европейским институтом делового администрирования за 2021.

секторе возможна лишь из средств кантонального бюджета в формате софинансирования исследовательских проектов, выполняемых по грантам университетами с участием исследователей из частных фирм.

Таблица 1

**Государственная поддержка НИОКР и инноваций
в предпринимательском секторе (2019 г.)**

Страна	Общий объем государственной поддержки (% от ВВП)	Прямая финансовая поддержка (% ВВП)	Налоговые льготы	
			в % от ВВП	% от общего объема господдержки НИОКР и инноваций бизнесу
Великобритания	0,42	0,08	0,34	81
Франция	0,40	0,13	0,27	68
Корея	0,29	0,17	0,12	41
Австрия	0,27	0,08	0,19	70
США	0,24	0,12	0,12	50
Канада	0,24	0,12	0,12	50
Нидерланды	0,23	0,09	0,14	60
Норвегия	0,23	0,11	0,12	52
Италия	0,20	0,04	0,16	80
Китай	0,13	0,06	0,07	54
Швеция	0,12	0,11	0,01	8
Япония	0,10	0,02	0,08	80
Дания	0,07	0,04	0,03	43
Германия	0,06	0,06	0,00	...
Финляндия	0,05	0,05	0,00	...
Швейцария	0,01	0,01	0,00	...

Источник: составлено и рассчитано по [3, 4].

Прямые методы поддержки ориентированы на определенные предприятия, фирмы, на конкретный инновационный проект. Широкое практическое применение они получили в формате целевых субсидий, грантов, льгот и гарантий по кредитам, венчурного и долевого финансирования, государственных закупок НИОКР и инновационных решений (см. табл. 2).

Наиболее распространенной формой прямой государственной поддержки НИОКР и инноваций в бизнес-секторе выступают гранты (безвозмездные и безвозвратные субсидии), предоставляемые предприятиям на выполнение НИОКР и инновации организациями (фондами или агентствами), созданными правительствами стран специально для этой цели. Средства таких фондов

(агентств) формируются за счет государственных ассигнований и распределяются на основе конкурсного отбора представленных соискателями проектов НИОКР и коммерциализации инновационных решений. Подобные фонды (агентства) созданы во многих странах. Например, в Дании проектное финансирование НИОКР и инноваций обеспечивает Национальный инновационный фонд, во Франции – Национальное научно-исследовательское агентство, в Норвегии – агентство «Инновации Норвегии» (подведомственное министерству торговли и промышленности страны), в Японии поддержку инновационному предпринимательству в формате грантов государство оказывает через два так называемых «независимых административных учреждения»: Агентство науки и технологий (ориентировано на поддержку прорывных технологий и ключевых направлений развития науки и техники, обозначенных в пятилетнем плане страны) и Организацию по развитию новой энергетики и промышленных технологий (предоставляет гранты на выполнение отобранных по конкурсу исследовательских проектов в сфере «зеленой» энергетики, энергосбережения и охраны окружающей среды). В последние годы субсидии в форме грантов в развитых странах обеспечивают до 40% прямой государственной поддержки бизнесу на НИОКР и инновации [11].

Таблица 2

Формы прямой государственной поддержки НИОКР и инноваций в предпринимательском секторе

Формы поддержки	Страны, использующие данную форму поддержки
Гранты, субсидии	Австрия, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Испания, Италия, Китай, Нидерланды, Норвегия, Финляндия, Франция, Эстония, Япония
Льготное кредитование	Австрия, Германия, Испания, Италия, Китай, Норвегия, Эстония
Кредитные гарантии	Австрия, Германия, Великобритания, Испания, Италия, Китай, Норвегия, Эстония
Софинансирование НИОКР и инновационных проектов	Великобритания, Германия, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, США, Финляндия, Франция, Швеция, Япония
Инновационные ваучеры	Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Ирландия, Италия, Канада, Корея, Нидерланды, Норвегия, США, Финляндия, Франция, Швеция, Япония
Государственные закупки НИОКР и инновационных решений	Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Нидерланды, США, Финляндия, Франция, Швеция, Япония

Источник: составлено по [5, 6, 7, 8, 9, 10].

Другим распространенным инструментом в системе бюджетной поддержки НИОКР и инноваций в предпринимательском секторе являются схемы государственного кредитования, которые реализуются через специально создаваемые правительствами стран гарантийные фонды (Австрия, Германия, Норвегия и др.). Эти фонды оказывают услуги частному сектору, предоставляя поручительства и гарантии погашения банковского кредита, при условии использования кредита на финансирование инновационных проектов. В ряде стран (Норвегия, Эстония) создается сеть фондов кредитного поручительства, инициаторами которых выступают органы местного самоуправления и объединения предприятий.

Широко используется и льготное кредитование инновационных проектов. В Германии, например, предприятия могут под льготные проценты получить долгосрочный кредит (на срок до 10 лет) на разработку и освоение новой технологии, продукции или услуг. В Испании и Италии фирмам предоставляется под низкий процент кредит, покрывающий до 55% затрат на НИОКР и инновации (малым и средним предприятиям – до 65%). Льготный период составляет до двух лет. Льготные кредиты (до 1,5 млн евро) предусмотрены также для предприятий на закупку патентов, лицензий, лабораторного оборудования.

Во многих странах получила признание такая форма поддержки НИОКР и инноваций в бизнесе, как софинансирование (совместное бюджетное и частное финансирование). Эта форма частно-государственного партнерства позволяет обеспечить интеграцию интересов заказчиков и исполнителей НИОКР, ограничить расточительство государственных, частных и других привлеченных средств и рационально распределить риск между соинвесторами инновационного проекта. Примером организационно-правовой формы такого партнерства могут служить венчурные фонды, объединяющие ресурсы пула частных инвесторов и государственных организаций для инвестирования в новые или быстро развивающиеся компании. В Финляндии, например, правительство при участии частных фирм венчурного капитала содействует инновационному предпринимательству через Фонд поддержки изобретательства, бюджет которого формируется, в основном, за счет поступлений от Министерства промышленности и торговли. Этот фонд оказывает предприятиям финансовую и консультационную помощь в коммерциализации НИОКР и инновационных решений на национальном и мировом рынке. При этом, если поддержанный проект оказывается успешным, то фонд получает определенную долю прибыли от коммерциализации нововведений. В случае неудачи предоставленная фирме субсидия списывается в убыток.

Объектами софинансирования часто становятся технопарки, бизнес-инкубаторы и другие объекты инновационной инфраструктуры. Обычно источником инвестиций при их создании являются бюджеты центральных, региональных или местных органов власти совместно с вложениями частного бизнеса,

и схемы их поддержки предполагают доминирование бюджетного финансирования на ранней стадии реализации проекта, когда требуются деньги «для посева» и надежные гарантии для старта. Например, в Германии, Нидерландах, Франции доля государства в общем объеме инвестиций при создании объектов инновационной инфраструктуры составляет порядка 75%. На более поздних фазах эксплуатации объектов ситуация меняется на противоположную — доля частного сектора в софинансировании возрастает.

Растет популярность инновационных ваучеров как инструмента государственной поддержки НИОКР и инновационных проектов в бизнес-секторе. Впервые инновационные ваучеры были внедрены в хозяйственную практику в 1997 г. в Нидерландах, сегодня ваучерные схемы поддержки НИОКР и инноваций широко используются в Австрии, Дании, Ирландии, Финляндии, Франции и других странах (см. табл. 2). Инновационный ваучер выдается региональной или национальной организацией (обычно специально созданным правительством фондом или агентством) потенциальным производителям инновационных товаров или услуг. Фирма, не имеющая возможности провести соответствующие НИОКР за счет собственных средств, подает заявку в агентство, выпускающее ваучеры, и после одобрения заявки получает определенное количество ваучеров. В результате фирма-держатель ваучера имеет право получить от научной или консалтинговой организации поддержку в реализации своего инновационного проекта, рассчитавшись за стоимость выполненной работы (или ее часть) ваучером, который оплачивается выпускающим агентством. Основное предназначение таких ваучеров — стимулирование инновационной деятельности малых и средних предприятий, не имеющих собственного потенциала или средств для выполнения соответствующих НИОКР или реализации инновационных решений.

К мерам прямой финансовой поддержки инновационного предпринимательства можно отнести также государственные закупки новой высокотехнологичной продукции, результатов НИОКР и инновационных решений. В системе государственной поддержки НИОКР и инноваций в бизнес-секторе наиболее активно этот инструмент используется во Франции, Австрии, Нидерландах, Швеции. В этих странах разрабатываются планы государственных закупок и действуют национальные агентства, координирующие их выполнение. Государство, заключая контракты на закупку у фирм новых видов продукции или инновационных разработок, формирует будущий спрос и создает климат необходимой уверенности в реализации новых товаров, услуг, результатов НИОКР. При этом государственные закупки инновационных товаров, услуг и результатов НИОКР часто становятся толчком для реализации и диффузии новаторских решений в области не только технологических, но и организационных инноваций. Наиболее широко государственные закупки инновационных товаров, услуг и решений используются в таких сферах, как государственные услуги,

управление, финансы, здравоохранение, «чистая» энергетика и транспорт, энергосбережение, оборона и общественный порядок.

В последние десятилетия характерной тенденцией во многих странах мира стало смещение вектора государственной поддержки НИОКР и инноваций в бизнес-секторе в сторону налоговых инструментов. Примечательно, например, что из 38 стран – нынешних членов ОЭСР в 2000 г. лишь 20 стран использовали налоговые схемы поддержки НИОКР в бизнес-секторе, в 2021 г. их число возросло до 34. В 2020 г. фискальные инструменты стимулирования исследований и инноваций в частном секторе получили признание в Германии, Финляндии, Швейцарии, где ранее практически не использовались [5].

Налоговое законодательство в рассматриваемых странах предлагает разнообразные налоговые схемы и многообразие инструментов (более 80) поддержки НИОКР и инноваций в предпринимательском секторе. Наиболее популярными среди этого многообразия являются налоговые преференции в форме: налогового кредита, налоговых вычетов, специального режима амортизации основных фондов, льготных налоговых ставок на доходы от предоставления прав на результаты интеллектуальной деятельности и др. (см. табл. 3).

Таблица 3

Основные налоговые инструменты поддержки НИОКР и инноваций в предпринимательском секторе (2020–2021 гг.)

Налоговый инструмент		Страны, использующие данный инструмент
Налоговый кредит на НИОКР и инновации	Объемный вариант	Австрия, Великобритания (для крупных предприятий), Германия (с 2020 г.), Дания, Ирландия, Италия, Канада, Корея, Нидерланды, Норвегия, Франция, Швеция, Япония
	Приростной вариант	Испания, Корея (для крупных предприятий), США, Япония
Вычет затрат на НИОКР и инновации из налогооблагаемой базы		Великобритания (для МСП), Дания, Китай, Нидерланды, Финляндия, Швейцария (на кантональном уровне)
Дополнительные налоговые вычеты затрат на НИОКР и инновации		Бельгия, Великобритания, Китай
Ускоренная амортизация основных фондов		Бельгия, Великобритания, Германия, Дания, Ирландия, Испания, Китай, США, Франция, Япония
Льготная налоговая ставка на доходы от предоставления прав на результаты интеллектуальной деятельности		Бельгия, Великобритания, Испания, Италия, Китай, Нидерланды, Франция

Источник: составлено по [3, 12].

Одним из наиболее распространенных налоговых инструментов поддержки НИОКР и инновационной деятельности в предпринимательском секторе рассматриваемых стран является налоговый исследовательский кредит, позволяющий предприятиям исключать из налога на прибыль часть расходов на НИОКР и инновационную деятельность, определяемую процентной ставкой налогового кредита (в разных странах от 3 до 50%). При этом используются два основных варианта расчета принимаемых к вычету расходов: объемный и приростной. В первом варианте принимается к вычету полный объем затрат на НИОКР и инновационную деятельность в отчетном году, во втором – прирост этих затрат по сравнению с базовым уровнем (как правило, средняя сумма за определенный период). Объемный вариант налогового исследовательского кредита получил более широкое распространение, поскольку практика показала, что эта форма поддержки охватывает фактически все расходы на НИОКР, при этом она менее волатильна и проще в оформлении. Этот вариант кредита используют в Австрии, Ирландии, Франции и др. Приростной вариант налогового исследовательского кредита менее популярен, его практикуют в Испании, Корее (для крупных предприятий), США, Японии.

Другой распространенной формой налоговых льгот, предоставляемых предприятиям в целях стимулирования НИОКР и инноваций, выступают вычеты (скидки) текущих расходов на НИОКР и инновационную деятельность из налогооблагаемой базы. Основное отличие этого инструмента от налогового инновационного кредита в том, что он уменьшает налогооблагаемую базу, тогда как налоговый инновационный кредит уменьшает непосредственно сумму налога. Этот инструмент налоговой поддержки (вычеты) получил признание в Великобритании (для МСП), Дании, Китае, Нидерландах и др. В этих странах предприятиям разрешается списывать документально подтвержденные текущие расходы на НИОКР (обычно до 100%), уменьшая тем самым налогооблагаемую прибыль. Такие расходы могут включать: затраты предприятия на заработную плату, премии и пособия персоналу, участвующему в НИОКР и инновационном процессе; оплату труда специалистов, не состоящих в штате организации-налогоплательщика, привлеченных для выполнения НИОКР; расходы на создание новой или усовершенствование производимой продукции; расходы на топливо, энергию и материалы, потребляемые в процессе выполнения НИОКР.

В некоторых странах предприятиям высокотехнологичных производств (биотехнология, информационно-коммуникационные технологии, возобновляемая энергетика и др.), кроме стандартных вычетов, предоставляется дополнительная налоговая скидка по расходам на НИОКР, позволяющая уменьшать свой налогооблагаемый доход на сумму, превышающую полные затраты на НИОКР. Так, в Китае подобным предприятиям предоставлено право освобождать от уплаты налога часть своей прибыли в размере, равном 150% от расходов на НИОКР.

Распространенной формой государственной поддержки НИОКР и инновационной деятельности бизнеса во многих странах выступает специальный режим амортизации основных фондов, используемых в инновационном процессе. Этот инструмент призван стимулировать предприятия к обновлению оборудования, приобретению необходимой для выполнения НИОКР современной аппаратуры. В отличие от обычного режима амортизации, предполагающего списание основных фондов в течение всего срока их службы в соответствии с установленными нормативами, специальный режим предоставляет возможность ускоренного списания стоимости основных фондов. В некоторых странах (Великобритания, Ирландия, Канада) предприятиям предоставляется возможность одномоментного списания всех затрат (100%) по основным фондам, связанным с проведением НИОКР. В других странах (Австрия, Дания, Китай, США) налоговое законодательство позволяет предприятиям списывать большие суммы в первые годы нормативных сроков или сокращать установленные нормативом сроки амортизации. При различиях в методах списания стоимости оборудования общей для специального режима амортизации является возможность предприятий заменять используемое оборудование до истечения срока его физического и морального износа и сохранять таким образом высокий технический уровень производства.

Значительное внимание правительства стран—инновационных лидеров уделяют поддержке трансфера новых технологий и инновационных решений. Для поощрения этого процесса доходы предприятий от предоставления в пользование прав, возникающих из патентов и других видов интеллектуальной собственности, облагаются льготной налоговой ставкой, обычно вдвое и более меньшей, чем основная ставка налога на прибыль предприятия. Льготные налоговые ставки на доходы от предоставления прав на результаты интеллектуальной деятельности установлены для предприятий в Бельгии, Великобритании, Испании, Италии, Китае, Нидерландах, Франции.

В отличие от прямых форм государственной поддержки, предполагающих адресное финансирование субъектов НИОКР и инновационной деятельности, фискальные инструменты ориентированы не на конкретное предприятие (фирму), а на широкий спектр субъектов НИОКР и инновационной деятельности, охватывая определенные категории предприятий-налогоплательщиков. Эта особенность налоговых инструментов поддержки НИОКР и инноваций в бизнесе позволяет им более адекватно вписаться в конкурентную среду рыночной экономики, что во многом объясняет их растущую популярность в хозяйственной практике многих стран мира.

В заключение можно констатировать, что государственная поддержка бизнеса в сфере НИОКР и инноваций является составным элементом НИС стран инновационного авангарда. Практика этих стран дает многообразие схем и инструментов поддержки НИОКР и инноваций в бизнес-секторе, при этом

говорить о единой модели с универсальным набором инструментов нет оснований. Правительство каждой страны имеет в распоряжении богатый арсенал инструментов, с помощью которых обеспечивает возможность влиять на направления и интенсивность НИОКР и инновационного процесса в предпринимательском секторе. При этом роль государства не сводится к финансированию и стимулированию НИОКР и инноваций в бизнесе. Используя схемы и инструментарий кредитно-денежной и фискальной политики государство выполняет функции финансирования инновационной инфраструктуры, заказчика и покупателя результатов НИОКР и инновационных решений, страховщика, принимающего на себя гарантии по страхованию рискованных инвестиций в разработку новой продукции и технологий, а также важную функцию координатора действий субъектов НИОКР и инновационной деятельности в направлении достижения общественно значимых результатов.

Литература

1. OECD (2020). Main Science and Technology Indicators. Paris. 2020. Vol.2
2. Зинов В.Г., Куракова Н.Г., Озорнин А.В. Драйверы экономического развития страны: университетская наука или промышленные компании? // *Инновации*. № 4. 2015. с.21–26.
3. OECD (2021). Measuring Tax Support for R&D and Innovation. Paris. 2021.
4. OECD (2021). R&D Tax incentives database. 2021 edition // <https://www.oecd.org/sti/rd-tax-stats-database>
5. Government's many roles in fostering innovation. PwC. 2010.
6. Final Report available – Benchmarking of innovation procurements investments and policy frameworks across Europe. European Commission. 16 April 2021.
7. OECD (2020). Compendium of information on R&D incentives 2020 // <http://oecd/rdtax>
8. OECD (2017). Science, Technology and Industry Scoreboard. Paris. 2017.
9. OECD (2016). Science, Technology and Innovation Outlook. Policy Profile. Paris. 2016.
10. OECD (2021). Science, Technology and Innovation Outlook. Paris. 2021.
11. *Богачева О.В., Смородинов О.В.* Актуальные вопросы организации государственного финансирования НИОКР в странах ОЭСР. НИФИ. Финансовый журнал. 2019, №2. с. 37–50.
12. OECD. Time-Series Estimates of Government Tax Relief for Business R&D. Paris. April 2018.

Viktor Klavdienko (e-mail: viklav8@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Leading Researcher,

Faculty of Economics,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

STATE SUPPORT FOR RESEARCH AND INNOVATION IN THE BUSINESS SECTOR: FOREIGN EXPERIENCE

The author examines a set of state support measures for R&D and innovation in the private sector implemented by the countries leading the way in innovative development. The essence of direct and indirect methods of subsidizing R&D and innovation

activities is disclosed, the tools for their practical implementation in the business sector of various countries are systematized. Characteristic long-term trends in the growth of government support for R&D and innovation in the private sector and the shift of support in favor of indirect measures (in the form of tax incentives and preferences are revealed. It has been established that, using the schemes and tools of monetary and fiscal policy, the state performs the functions of financing innovative infrastructure, of the customer and buyer of R&D results and innovative solutions, and of the insurer, who assumes guarantees for insuring risky investments in the development of new products and technologies, stimulating and coordinating R&D and innovation in the private sector to achieve socially important results.

Keywords: government regulation, R&D funding, tax support for innovation activity, foreign experience.

DOI: 10.31857/S020736760021860-5

© 2022

Анастасия Шафранская

младший научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: amshafranskaya@yandex.ru)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

В статье рассматривается проблема влияния субъектов политического рынка на формирование системы стратегического планирования в России, изменение экономических функций органов власти вследствие внесения соответствующих поправок в Конституцию РФ, а также перспективы влияния указанных политических процессов на возможные сдвиги в условиях реализации стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое планирование, конституция, политический рынок, экономическая политика.

DOI: 10.31857/S020736760021861-6

Россия сегодня находится в сложной экономической и геополитической ситуации и ей предстоит пройти непростой путь для выхода на устойчивый экономический рост. Наиболее актуальными для экономики страны сегодня являются: необходимость значительных структурных сдвигов в пользу обрабатывающей промышленности, особенно ее наиболее высокотехнологичных отраслей; ослабление зависимости экономики от топливно-энергетического экспорта; углубление переработки топлива и сырья. Еще одна важнейшая задача – развитие импортозамещения в производстве многих видов машин и оборудования, электронных компонентов, многих продуктов химической и фармацевтической промышленности. Сейчас остро необходимо добиться технологической независимости России, что предполагает не только импортозамещение (ведь остановленные потоки импортных товаров можно просто заместить импортом из других источников), но и развитие собственного производства, и, следовательно, значительное расширение отечественных исследований и разработок.

Масштабные структурные сдвиги в экономике в современной геополитической и геоэкономической ситуации необходимо провести в максимально сжатые сроки. Такая задача не решается только механизмами свободного рынка; необходимо применение инструментов активного регулирования рыночной экономики в интересах достижения поставленных целей. Центральное место среди таких инструментов занимает стратегическое планирование, которое призвано обеспечить не только постановку стратегических целей и определение средств их достижения, но и установить распределение ответственности за их достижение, а также обеспечить сбалансированность экономики в ходе движения к стратегическим целям. Система стратегического планирования

нуждается также в определенном наборе институтов (нормах и организационных структурах), которые должны обеспечить его функционирование. Это и упомянутые выше механизмы ответственности, и организационные структуры для разработки целевых программ, для обеспечивающих эти программы балансовых расчетов, для экспертных оценок соответствия целей и средств их достижения. А также механизмы контроля за текущим исполнением стратегии и система экономических и технических норм и нормативов, которые должны обеспечить стимулирование субъектов предпринимательской деятельности для достижения целей системы стратегического планирования.

На пути формирования системы стратегического планирования есть ряд препятствий, среди которых на данном этапе центральное место занимает незаинтересованность некоторых ключевых игроков политического рынка¹. В связи с этим необходимо провести анализ экономических предпосылок функционирования политического рынка в сфере решения вопросов, связанных с развитием стратегического планирования. Эти предпосылки состоят прежде всего в структуре экономических интересов, сложившихся в современной экономике России. Различные экономические интересы по-разному формируют отношение к развитию стратегического планирования. От чего зависит стремление тех или иных групп экономических интересов либо содействовать продвижению системы стратегического планирования, либо тормозить его?

Не заинтересованы в развитии стратегического планирования представители тех секторов экономики, которым выгоден статус-кво и интересы которых могут быть в той или иной степени ущемлены при проведении структурной перестройки экономики. К таким секторам относится топливно-сырьевой экспортно-ориентированный сектор, который сейчас занимает доминирующие позиции, являясь одним из важнейших источников наполнения государственного бюджета и образования золотовалютных резервов (удельный вес топливно-энергетических товаров в экспорте в 2020 году составлял 54%, в 2021 году – 59% [17]).

Разумеется, перераспределение финансовых потоков в пользу обрабатывающей промышленности вряд ли понравится этому сектору. Не имеет заинтересованности в развитии стратегического планирования и финансовый сектор, поскольку, во-первых, его благополучие тесно связано с потоками доходов топливно-сырьевого сектора, и, во-вторых, стратегическое планирование предполагает переориентацию потоков кредитных ресурсов (в том числе выделение льготных кредитов для целей развития), что может быть для финансового сектора менее выгодным, чем статус-кво. Относительно нейтральны к стратегическому планированию отрасли естественных монополий (энергетика, железнодорожный транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство). Однако при решении задач стратегического планирования может потребоваться исправление

¹ Политический рынок – это пространство обмена политическими продуктами между участниками рынка [16].

имеющихся перекосов в организации функционирования естественных монополий, что может задеть интересы некоторых их представителей.

Заинтересованы в развитии стратегического планирования такие секторы экономики, которые могут выиграть от реализации тех целевых установок, ради которых, собственно, и должны приводиться в действие механизмы стратегического планирования. Поэтому в стратегическом планировании заинтересованы представители обрабатывающей промышленности в целом и в особенности – ее высокотехнологичных секторов; строительный сектор; сельское хозяйство (оба последних сектора зависят от бюджетных субсидий, выделяемых на программы развития в той или иной форме). Так, оценка затрат бюджета в 2022–2023 годах на реализацию программы льготной жилищной ипотеки составит порядка 461 млрд рублей [18], а Минсельхозу решено выделить в 2022 году более 26 млрд рублей на субсидии российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам в агропромышленном комплексе, что позволит привлечь льготные оборотные кредиты на общую сумму не менее 225 млрд рублей [6].

Косвенно заинтересованы в развитии стратегического планирования те секторы, которые работают на потребительский рынок, поскольку обеспечиваемое стратегическим планированием развитие экономики расширяет спрос на их продукцию и услуги. Заинтересовано в стратегическом планировании и большинство наемных работников, поскольку успешная реализация стратегических проектов обеспечивает экономический рост, а вместе с ним увеличение доходов населения и числа рабочих мест.

Анализируя проявления этих интересов в позициях различных субъектов политического рынка, необходимо отметить, что формально все эти субъекты выражают согласие с линией на развитие стратегического планирования, поскольку она выдвинута непосредственно Президентом.

Однако можно обратить внимание на то, что в период, предшествующий принятию первых решений в области стратегического планирования, представителями различных властных структур высказывались весьма различающиеся точки зрения на проблему. Заметно меньше энтузиазма по вопросам активной роли государства в экономике вообще и стратегического планирования в частности проявляли представители финансово-экономического блока правительства (за редким исключением). Стоит заметить также, что, например, задача разработки закона о стратегическом планировании исходила от Президента, а не от ключевых фигур Правительства. Здесь, вероятно, сказывались не только связи чиновников исполнительной власти с представителями тех секторов экономики, которые не заинтересованы в развитии стратегического планирования, но и нежелание чиновников брать на себя дополнительную ответственность за разработку и реализацию стратегических программ.

Кроме того, существуют различия в позициях представителей исполнительной власти, связанные с их разным положением в структуре институтов этой власти (упрощая, — из-за различия в сферах ответственности). Так, сложившаяся ситуация в руководстве экономикой можно представить как систему сдержек и противовесов, «где Министерство экономики и Минфин во многом дублируют друг друга, что не столько повышает обоснованность решений, сколько тормозит их реализация, порождает разрыв между планами, которые иногда приобретают нормативно-целевой характер, оторванный и от сложившихся тенденций, и от реалий финансирования» [12]. А консолидированная позиция элит «не дает дореформировать экономику», ярким примером чего стало «(не)выполнение чуждых (и, по мнению большинства в руководстве госаппарата, принципиально невыполнимых) установок «майских указов» [13].

В связи с этим можно обратиться к анализу поправок к Конституции РФ с точки зрения отражения объективных экономических потребностей в процессах конституционного творчества. Именно экономическая необходимость (хотя не стоит снимать со счета и политическую) в конечном счете двигала данный законотворческий процесс. Влияние конституционных поправок на возможные сдвиги в условиях реализации стратегического планирования является иллюстрацией обратного влияния политических процессов на экономическое развитие.

Федеральный закон о стратегическом планировании от 2014 года обуславливал выстраивание полномасштабной системы стратегического планирования, однако в полную силу закон так и не заработал. Одной из главных причин можно назвать влияние политических факторов, а именно отсутствие политической воли для его исполнения.

Поправки к Конституции Российской Федерации, принятые в 2020 году, перераспределили ряд функций государственных органов и должностных лиц, что могло оказать влияние и на принятие решений в сфере стратегического планирования.

В Конституции заложены основы не только политической, но и социально-экономической системы государства. Основной закон государства может оказывать влияние на экономические основы сразу несколькими способами [11].

Во-первых, в Конституции содержатся определенные экономические нормы, закрепляющие экономическую систему государства. Так, в статье 8 Конституции РФ гарантируется единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции и свобода экономической деятельности, статьей 34 за каждым гражданином закрепляется право на свободу предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Во-вторых, нормы законодательства, регулирующие экономические отношения, а также международные договоры, касающиеся экономической сферы, становятся предметом проверки Конституционного Суда на соответствие

Конституции РФ. Таким образом, на сферу экономики влияют не только нормы и принципы, непосредственно закрепленные в Конституции, но и их толкование органами конституционного контроля.

В современных условиях особенно важно отметить, что заключаемые Россией международные договоры не могут противоречить основам конституционного строя. Тем самым создается дополнительная защита суверенитета в сфере экономической политики.

В-третьих, важную роль играют нормы Конституции, которые посвящены организации работы и функциям высших должностных лиц и органов государственной власти, способных оказывать косвенное влияние на экономическую сферу. Это – статьи основного закона, посвященные Президенту РФ, Правительству, Федеральному Собранию.

В соответствии с федеральным конституционным законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в Конституцию РФ было внесено 206 поправок. Все они касаются глав с 3 по 8, в то время, как положения глав 1, 2 и 9 не могут быть пересмотрены в соответствии со статьей 135 Конституции.

В Конституцию РФ внесена статья 75.1, в которой закрепляется создание в стране условий для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, а также экономическая, политическая и социальная солидарность.

Президент в части влияния на экономическую сферу определяет направление внутренней политики и обладает кадровыми и иными инструментами влияния на деятельность Правительства, Центрального банка и федеральных органов государственной власти.

В соответствии с новой редакцией статьи 83 Конституции РФ, Президент, помимо назначения Председателя Правительства и освобождения его от должности, осуществляет общее руководство Правительством РФ, а также по предложениям Председателя Правительства вносит изменения и утверждает структуру федеральных органов исполнительной власти и разграничивает руководство их деятельностью между Президентом и Правительством. А в соответствии с новой редакцией статьи 113 Конституции, Председатель Правительства несет персональную ответственность перед Президентом за осуществление возложенных на Правительство полномочий.

К кадровым полномочиям Президента в части назначения и освобождения от должности, помимо заместителей Председателя Правительства, федеральных министров, Председателя Центрального банка, теперь также относится и ряд руководителей федеральных органов исполнительной власти. Расширено влияние Президента на судебную систему страны посредством назначения не только председателей судов, но также заместителей и непосредственно судей федеральных судов.

В соответствии с новой редакцией Конституции РФ, косвенное влияние Президента на экономическую сферу также осуществляется посредством представления для утверждения Федеральному Собранию кандидатур на должности Председателя Счетной палаты, заместителя и всех ее аудиторов.

Отдельно стоит упомянуть о закреплении в Конституции такого государственного органа, как Государственный Совет Российской Федерации. Президент формирует Госсовет в целях «обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации и приоритетных направлений социально-экономического развития государства» [1].

Вследствие изменений, внесенных в Конституцию РФ, некоторые функции палат Федерального Собрания также подверглись изменениям и дополнениям.

Внесены изменения в качественный и количественный состав Совета Федерации посредством увеличения числа назначаемых Президентом сенаторов. Помимо двух представителей от каждого субъекта Российской Федерации в данный орган теперь могут входить прекратившие исполнение полномочий Президенты РФ, а также не более 30 представителей Российской Федерации, назначаемых действующим Президентом. В предыдущей редакции основного закона число представителей Президента ограничивалось лишь десятью процентами от общего числа членов.

К полномочиям Государственной Думы вместо дачи согласия Президенту на назначение Председателя Правительства теперь относится непосредственное утверждение указанной кандидатуры; кроме того, депутаты по представлению Председателя Правительства теперь утверждают кандидатуры заместителей Председателя Правительства и федеральных министров.

К функциям Государственной Думы в части экономики, помимо назначения и освобождения от должности Председателя Центрального банка, теперь также относится заслушивание ежегодных отчетов ведомства, основной задачей которого в основном законе страны названа защита и обеспечение устойчивости рубля.

Назначения в Счетную палату в соответствии с новой редакцией Конституции теперь происходят по представлениям Президента. Стоит заметить, что внутри Федерального Собрания РФ произошла ротация в назначении председателя и заместителя председателя Счетной палаты. Теперь полномочия назначения руководителя палаты принадлежат сенаторам, а заместителя, соответственно, назначают в Государственной Думе (а не наоборот).

В отношении контрольных функций парламента в Конституцию внесена статья 103.1, закрепляющая за Советом Федерации и Государственной Думой механизм парламентского контроля, в том числе возможность направления парламентских запросов руководителям государственных органов и органов местного самоуправления.

К изменениям, касающимся экономики, также относится создание в РФ федеральных территорий, организация публичной власти в которых устанавливается в соответствии с федеральным законом. На данный момент в России создана одна федеральная территория «Сириус», где в целях обеспечения комплексного устойчивого социально-экономического и инновационного развития, повышения инвестиционной привлекательности, реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации устанавливаются особенности организации публичной власти и осуществления экономической и иной деятельности [4].

Таким образом, поправки к Конституции, касающиеся экономической сферы, можно разделить на два блока: одни из них касаются непосредственно сферы экономики, а другие — организации работы и функций высших должностных лиц и органов государственной власти, способных оказывать на экономику страны косвенное влияние.

К числу первых относится закрепление в отдельной статье Конституции создания в стране условий для устойчивого экономического роста, а также появления новых игроков на экономической арене — ими становятся Государственный Совет, за которым закрепляются функции определения приоритетных направлений социально-экономического развития государства, и отдельные федеральные территории, на которых по отдельным правилам обеспечивается комплексное устойчивое социально-экономическое и инновационное развитие.

Ко второму блоку стоит отнести главным образом расширение возможностей Президента оказывать влияние на экономическую сферу жизни страны. В новой редакции Конституции закрепляется положение о том, что Президент ведает не только кадровыми вопросами Правительства, но и осуществляет общее руководство им. Глава государства теперь непосредственно контролирует структуру федеральных органов исполнительной власти и принимает решение о подчинении указанных органов Правительству или непосредственно Президенту. В ведении Президента также находится Государственный Совет, который он непосредственно формирует. Посредством кадровой политики для высшего должного лица государства расширено влияние на Счетную палату, судебную систему и парламент страны. Так, количество назначаемых Президентом сенаторов значительно возросло.

Функции Правительства, как и Совета Федерации, фактически не были пересмотрены поправками к Конституции, а некоторые функции Государственной Думы все же подверглись изменениям и дополнениям. Государственная Дума в определенной степени усиливает влияние на Правительство посредством утверждения не только кандидатуры Председателя, но и его заместителей, а также федеральных министров; применительно к Центральному банку она приобретает контрольные функции через заслушивание ежегодных отчетов

ведомства. За обеими палатами российского парламента закреплён механизм парламентского контроля.

Отдельно стоит отметить, что на экономическую политику страны, а также формирование системы стратегического планирования способен оказать влияние и факт ужесточения требований к кандидатурам на пост Президента Российской Федерации, Председателя Правительства, его заместителей, федеральных министров, членов Совета Федерации и Государственной Думы, руководителей субъектов и федеральных государственных органов власти. Так, отсутствие иностранного гражданства, счетов и вкладов за рубежом призвано стать фактором защиты государственных интересов страны в рамках проводимой политики, в том числе и в сфере экономики.

Для того чтобы выявить перспективы влияния данных изменений на формирование системы стратегического планирования и реализации соответствующего закона, необходимо проанализировать, какие именно органы и каким образом способны оказывать влияние на данную сферу. Здесь можно выделить две группы – это органы законодательной власти, отвечающие непосредственно за принятие законодательства в сфере стратегического планирования, и органы исполнительной власти, с одной стороны, выступающие инициаторами изменений законодательства и пользующиеся правом законотворческой инициативы, а с другой стороны, несущие ответственность за их исполнение.

Инициатором фундаментальных изменений в данной сфере выступил Президент Российской Федерации, подписавший в 2012 году Указ «О долгосрочной государственной экономической политике», в котором конкретизировались целевые показатели социально-экономического развития и давалось распоряжение Правительству РФ подготовить и внести в Государственную Думу до 1 октября 2012 года проект нового федерального закона о государственном стратегическом планировании. Данный закон должен был прийти на смену фактически не работающему Федеральному закону от 20.07.1995 года № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации».

В соответствии с распоряжением Президента, данным Правительству, проект федерального закона № 143912-6 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» был внесен в Государственную Думу и принят в первом чтении головами всех фракций 21 ноября 2012 года [5]. Единогласное принятие законопроекта в первом чтении свидетельствует о том, что законодательная власть выступала за становление полноценной системы планирования. Однако дальнейшая работа по внесению поправок и принятию законопроекта во втором и третьем чтениях прошла только в 2014 году, что может свидетельствовать о торможении процесса со стороны других субъектов политического рынка.

Стратегическое планирование подразумевает реализацию крупномасштабных задач, согласованность действий федеральной и региональной власти,

бюджетное обеспечение принимаемых в процессе государственного стратегического управления решений [14]. Закон о стратегическом планировании не предполагает создание новых федеральных и региональных организационных структур, в связи с чем необходимы механизмы постоянного мониторинга и корректировки принимаемых решений и их результатов в соответствии с долгосрочными целями, а не только ответ на существующие проблемы в виде изменения мер экономической политики. В этом процессе требуются значительные изменения в механизмах работы исполнительной власти и участие политических субъектов всех уровней.

До этого момента задача планирования ложилась на плечи Министерства экономического развития России. В 2013 году был принят Прогноз долгосрочного социально-экономического развития России до 2030 года [10], одной из основных причин принятия которого можно назвать неактуальность Концепции развития до 2020 года [7]. Учитывая тот факт, что принятие нового прогноза не привело к существенным изменениям в структуре исполнительной власти или к изменению принципов деятельности, подобные действия свидетельствуют о ненадлежащей работе министерства и исполнительной власти в части достижения долгосрочных целей.

В связи с этим, можно предположить, что влияние на торможение процесса принятия нового закона о стратегическом планировании могла оказать исполнительная ветвь власти в лице отдельных министерств, отвечающих за данную сферу, – Министерства экономического развития и Министерства финансов, не готовых к резкой перестройке и активизации своей деятельности.

Однако и вступление в силу закона о стратегическом планировании не привело к активизации работы исполнительных органов власти по построению целостной системы государственного планирования, которая предполагалась законом.

В соответствии с законом, в рамках стратегического планирования должны разрабатываться стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, показатели которого должны идти в соответствии с прогнозом социально-экономического развития страны. Законом также закреплена необходимость разработки стратегий национальной безопасности, бюджетных прогнозов на долгосрочный период, основных направлений деятельности Правительства РФ, государственных программ, стратегий и прогнозов на всех уровнях [3]. Однако отсутствие механизмов вертикальной и горизонтальной координации указанных документов планирования и ответственности исполнителей за недостижение поставленных целей, по своей сути, сделало закон лишь рамочной декларацией о стратегическом планировании [15].

В развитие закона о стратегическом планировании был принят ряд изменений в другие законодательные акты, в том числе в Бюджетный кодекс была введена статья 170.1. «Долгосрочное бюджетное планирование» [2]. Затем Министерством финансов РФ разработаны методические рекомендации региональным органам

власти по осуществлению долгосрочного бюджетного планирования [9], а Министерством экономического развития утверждены методические рекомендации по разработке и внесению изменений в стратегии социально-экономического развития регионов [8]. Однако в вышеназванных методических рекомендациях не прописаны способы сопоставления показателей стратегического планирования и бюджетного прогнозирования ни между собой, ни на разных уровнях – федеральном, региональном и местном, что также не позволило данным документам стать действенным инструментом построения и координации целостной системы стратегического планирования.

Несмотря на, возможно, недостаточно оперативную, но вместе с тем планомерную работу законодательной ветви власти по перестройке законодательства под нужды планирования, система стратегического планирования в России так и не была выстроена, а закон о стратегическом планировании от 2014 года на данный момент так и не стал ее работающим инструментом. Подобная ситуация во многом объясняется отсутствием воли политических субъектов, а именно органов исполнительной власти, и разобщенностью ее действий в принятии и исполнении документов планирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что на данном этапе для активизации построения системы стратегического планирования, столь необходимой стране для устойчивого развития в нынешних условиях внешнего давления и попыток изоляции, необходима политическая воля исполнительной власти. В связи с этим поправки к Конституции в части закрепления необходимости создания условий для устойчивого экономического роста уже косвенно направлены на формирование системы планирования.

Появление новых игроков на экономической арене – Государственного Совета и отдельных федеральных территорий – также способно стимулировать деятельность по планированию. Однако стоит отметить, что вслед за вступлением в силу закона о поправках к основному закону в рамках приведения федерального законодательства в соответствие с вновь принятыми положениями Конституции состоялось принятие федеральных законов в разрезе утвержденных изменений. Но в закон о стратегическом планировании упоминание о создании в стране федеральных территорий так и не внесено, в то время как особенности их функционирования предполагают указание в законе на отдельные документы планирования для развития указанных территорий.

Вместе с тем усиление влияния на экономическую сферу Президента как главного инициатора принятия закона о стратегическом планировании также может позитивно сказаться на процессе формирования единой системы государственного стратегического планирования. Непосредственное руководство Правительством и утверждение структуры федеральных органов исполнительной власти и их подчиненности дает Президенту право фактически на собственноручное выстраивание необходимых институтов планирования. А ужесточение кадровой

политики как в законодательной, так и в исполнительной ветвях власти должно исключить возможность торможения процесса построения системы планирования со стороны лиц, не заинтересованных в устойчивом развитии России.

С учетом неблагоприятных внешних политико-экономических условий, мы полагаем, что шансы поправок к Конституции положительно повлиять на формирование полномасштабной системы стратегического планирования в России весьма велики.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.07.2022).
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ // СПС КонсультантПлюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 21.07.2022).
3. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 21.07.2022).
4. Федеральный закон от 22.12.2020 г. N 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» // СПС КонсультантПлюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371784/ (дата обращения: 21.07.2022).
5. Указ Президента РФ от 07.05.2012 N 596 «О долгосрочной государственной экономической политике»: офиц. сайт. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35260> (дата обращения: 21.07.2022).
6. Распоряжение Правительства РФ от 18 марта 2022 г. N 532-р «О бюджетных ассигнованиях, выделенных в 2022 г. Минсельхозу России, для предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным по льготной ставке системообразующим организациям и (или) их дочерним обществам, занятым в агропромышленном комплексе, на осуществление операционной деятельности» // СПС Гарант / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403622622/> (дата обращения: 21.07.2022).
7. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 года N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СПС КонсультантПлюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 21.07.2022).
8. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 23.03.2017 г. N 132 «Об утверждении методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта российской федерации и плана мероприятий по ее реализации» // СПС КонсультантПлюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214725/ (дата обращения: 21.07.2022).
9. Министерство финансов Российской Федерации от 03.12.2015 г. «Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию» // СПС КонсультантПлюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189933/f439cbb06f292bab6a5a1c844b487cff92232d55/ (дата обращения: 21.07.2022).

10. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года (разработан Министерством экономического развития Российской Федерации) // СПС КонсультантПлюс / http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/e59d0198a6b86d35269590004bc1bb4d18c9fa29/ (дата обращения: 21.07.2022).
11. *Болдырев О.Ю.* Конституционная реформа-2020 и экономическое развитие России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 94–107.
12. *Клепач А.Н.* Поворот к стратегическому планированию: тернии и перспективы // Вопросы политической экономии, 2016. № 1. С. 44–63.
13. *Митяев Д.А.* Система стратегического планирования: попытка политэкономического подхода // Вопросы политической экономии. 2016. № 1. С. 64–77.
14. *Смирнова О.О.* Правовые основы стратегического планирования в Российской Федерации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. №2 (22). С. 106–117.
15. *Сухарев О.С.* Государственное стратегическое планирование и направления развития экономики России // Экономическое возрождение России. 2014. №2 (40). С. 26–36.
16. *Шафранская А.М.* Политический рынок и особенности его формирования в современной России // Философия хозяйства. 2021. № 3 (134). С. 235–251.
17. Федеральная таможенная служба: офиц. сайт. URL: <https://customs.gov.ru/folder/519> (дата обращения: 21.07.2022).
18. Министерство финансов Российской Федерации: офиц. Сайт .URL: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=37896-minfin_rossii_vnes_v_pravitelstvo_proekt_postanovleniya_dlya_snizheniya_stavki_po_lgotnoi_ipoteke_do_9 (дата обращения: 21.07.2022).

Anastasia Shafranskaya (e-mail: amshafranskaya@yandex.ru)

Junior researcher,

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

THE CONSTITUTIONAL ASPECTS OF THE FORMATION OF A STRATEGIC PLANNING SYSTEM

The article deals with the problem of the political actors' influence on the formation of a strategic planning system in Russia. The author reveals the change in the economic functions of government bodies caused by the recent amendments to the Constitution of the Russian Federation, as well as the prospects for the influence of these political processes on possible shifts in the implementation of strategic planning.

Keywords: strategic planning, constitution, political market, economic policy.

DOI: 10.31857/S020736760021861-6

© 2022

Игорь Балюк

доктор экономических наук,
доцент Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации (г. Москва, Россия)
(e-mail: balyuk@bk.ru)

Марина Балюк

кандидат экономических наук,
независимый эксперт (г. Москва, Россия)
(e-mail: baljuk@bk.ru)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ФИНАНСОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Авторы анализируют институциональные и функциональные противоречия и дисбалансы современной мировой финансовой архитектуры (МФА), которые существуют на национальном и международном уровнях и связаны с деятельностью различных организаций (преимущественно финансово-кредитных). Авторы делают вывод о том, что повышение эффективности функционирования МФА в значительной степени будет зависеть от объединения усилий национальных и наднациональных регуляторов, направленных если не на радикальное устранение накопленных за долгие годы разнообразных противоречий, то хотя бы на их максимально возможное смягчение в целях обеспечения стабильности системы мировых финансов.

Ключевые слова: мировая финансовая архитектура, МВФ, Группа 20, Совет по финансовой стабильности, банки развития, международные рейтинговые агентства, международный финансовый рынок.

DOI: 10.31857/S020736760021862-7

В рамках данного исследования под термином «мировая финансовая архитектура» (МФА) понимаются взаимодействующие друг с другом национальные и международные организации (преимущественно финансово-кредитные), а также нормы и правила функционирования финансовых рынков и проведения операций их участниками, в совокупности формирующие институционально-функциональный каркас мировой валютно-финансовой системы (МВФС) с целью обеспечения ее стабильности и сбалансированности и предотвращения глобальных кризисов. Основными функциями МФА являются: обеспечение поддержки финансовой стабильности; финансирование социально-экономического развития отдельных стран, регионов и мировой экономики в целом; создание и обеспечение согласованного функционирования системы национального и глобального регулирования финансовых рынков. Функции МФА реализуются на национальном (в рамках отдельных стран),

региональном или международном (в рамках групп стран) и глобальном (в рамках всей МВФС) уровнях. МФА, сформировавшаяся в течение нескольких последних десятилетий после распада Бреттон-Вудской МВФС, имеет сложную и противоречивую многоуровневую структуру, отражающую нерешенность многочисленных проблем современного мироустройства.

Основой и организационным ядром МФА являются институционально оформленные структуры, созданные и функционирующие в интересах отдельных стран, групп стран и мировой хозяйственной системы в целом. Для упрощения понимания логики дальнейшего изложения результатов анализа авторами в рамках исследования была проведена систематизация основных институтов современной МФА в виде иерархически-функциональной матрицы (табл. 1).

Таблица 1

Иерархически-функциональная матрица системы институтов современной МФА

Уровни Функции	Национальный уровень	Региональный (международный) уровень	Глобальный уровень
Поддержка финансовой стабильности.	Национальные центральные банки.	ЕЦБ, региональные финансовые механизмы (ЕСМ, ЕФСР, Арабский Валютный Фонд, Латиноамериканский резервный фонд и т.п.).	Международный валютный фонд.
Обеспечение финансирования социально-экономического развития.	Национальные банки развития.	Региональные банки развития (МАБР, АзБР, АфБР и т.п.).	Группа Всемирного банка, Новый банк развития БРИКС, АБИИ.
Регулирование функционирования финансовых рынков.	Национальные органы финансового регулирования и контроля.	Специальные региональные организации финансового надзора, Банк международных расчетов.	Группа 20, Совет по финансовой стабильности, Базельский комитет по банковскому надзору, международные организации, контролирующее функционирование отдельных сегментов международного финансового рынка.

Источник: составлено авторами.

Как было отмечено выше, одной из ключевых функций МФА является поддержание стабильности и устойчивости МВФС. Однако, несмотря на существование обширной системы иерархически-функциональных институтов, современная МФА не в состоянии предотвращать возникновение кризисов. По-видимому, это связано с наличием внутри самой МФА многочисленных противоречий и дисбалансов, без устранения которых она не сможет в полной мере отвечать потребностям и вызовам современного мироустройства. Рассмотрим основные противоречия и дисбалансы, возникающие при выполнении основных функций на разных уровнях существующей МФА.

Дисбалансы и противоречия, связанные с функцией поддержки финансовой стабильности. Обеспечение финансовой стабильности является одной из ключевых функций национальных центральных банков. Например, в соответствии со ст. 3 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», утвержденном Указом Президента РФ от 10.07.2002 №86-ФЗ¹, целями деятельности Банка России являются: защита и обеспечение устойчивости рубля, развитие и укрепление банковской системы РФ, обеспечение стабильности и развитие национальной платежной системы, развитие финансового рынка РФ, обеспечение стабильности финансового рынка РФ.

Еще одной важной функцией национальных центральных банков является реализация государственной денежно-кредитной политики как набора макроэкономических инструментов для обеспечения устойчивости и поступательного развития экономики. С начала 2000-х в условиях низких процентных ставок центральные банки ряда стран для предотвращения рецессии и стимулирования деловой активности стали использовать нестандартные методы регулирования, получившие название «количественное смягчение» (*Quantitative easing – QE*). К подобной политике первыми прибегли центральные банки наиболее развитых стран и региональных союзов (с 2001 г. – Банк Японии, затем ФРС США, Банк Англии, Европейский центральный банк (ЕЦБ) и др.) [1], а позднее – центральные банки развивающихся стран и стран с формирующимися рынками (ЮАР, Таиланд, Польша, Венгрия и др.).

QE является нетрадиционным инструментом денежно-кредитной политики, который заключается в покупке центральным банком различных видов активов (в первую очередь внутренних государственных облигаций) в целях борьбы с дефляцией и оживления экономики страны за счет увеличения денежной массы в обращении и стимулирования кредитования в результате снижения процентных ставок. Такая политика в краткосрочной перспективе действительно помогает в решении ряда экономических проблем, но при регулярном и масштабном использовании сама становится одним из главных факторов финансовой нестабильности.

Ряд серьезных рисков, связанных с QE, был, в частности, отмечен экспертами Международного валютного фонда (МВФ) [2]. Одним из таких рисков является риск ухудшения состояния баланса самого центрального банка, что

¹ URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102077052>

может ограничить его способность принимать необходимые меры в тот момент, когда потребуется ужесточение национальной денежно-кредитной политики, поскольку в результате сможет существенно ухудшиться его собственное финансовое положение.

Наряду с этим существует риск «бюджетного доминирования», когда правительство начинает оказывать давление на центральный банк с целью увеличения покупки финансовых активов. Привыкая к дешевому финансированию со стороны центрального банка, правительство продолжает требовать от центрального банка проводить политику количественного смягчения даже в случае повышения уровня инфляции в стране. В результате вместо прекращения покупки активов для обеспечения стабильности цен центральный банк может спровоцировать их дальнейший рост и усилить неустойчивость национальной финансовой системы.

Кроме того, политика количественного смягчения может привести к образованию «пузыря» на фондовом рынке страны. Таким образом, политика центральных банков, которая размыла привычные рамки предоставления ликвидности и использования инструментов монетарной политики, стала противоречить их прежней роли [3. С. 123], в результате чего центральные банки вместо гарантов финансовой устойчивости национальной экономики стали превращаться в фактор неопределенности и нестабильности.

Особое место в МФА принадлежит Европейскому центральному банку (ЕЦБ), который, с одной стороны, является международным (региональным) банком, функционирующим в рамках стран еврозоны, но с другой – на него возложены функции, аналогичные функциям национального центрального банка. Замена проводившейся до 2015 г. политики стерилизации избыточной ликвидности на реализацию ряда специальных программ, направленных на увеличение ликвидности в соответствии с принципами QE, привела к противоречивым последствиям в странах еврозоны. Принятие и реализация в условиях пандемии COVID-19 широкомасштабных нестандартных мер денежно-кредитной политики способствовали быстрому раздуванию баланса ЕЦБ и ухудшению качества обеспечения проводимых им операций [4. С. 51].

Ситуация усугубляется тем, что ЕЦБ как наднациональный орган, ответственный за проведение единой денежно-кредитной политики в странах еврозоны, не способен в полной мере учесть интересы всех стран одновременно, поэтому проводимая им политика неизбежно и объективно вступает в противоречие с частью этих интересов [5. С. 96]. В результате выработка единой денежно-кредитной политики, отвечающей интересам всех стран, входящих в состав еврозоны, является весьма непростой задачей, которая в условиях финансово-экономической нестабильности еще более усложняется и становится почти нерешаемой.

Проведение общей денежно-кредитной политики имеет определенные законодательные ограничения, поскольку ЕЦБ не уполномочен контролировать значительную часть деятельности национальных центральных банков

еврозоны, являющихся независимыми структурами и имеющих право голоса в процессе принятия решений. ЕЦБ может ограничить некоторые действия национальных центральных банков, однако для принятия такого решения требуется большинство в две трети голосов. В результате ЕЦБ не всегда имеет возможность оперативно реагировать на возникшие проблемы. К этому следует добавить, что в кризисных ситуациях национальные банки предпочитают действовать автономно и не всегда соблюдают базовые принципы деятельности ЕЦБ (включая поддержание стабильности цен) [6. С. 36]. Такие действия в итоге приводят к обострению институционально-структурных проблем в еврозоне, становясь источником нарушения финансовой стабильности.

После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. заметно возросло значение региональных финансовых механизмов (РФМ). Главной целью их деятельности является предотвращение серьезных финансовых шоков в странах определенного региона мира. Как правило, они действуют на основе многосторонних соглашений между странами, направленных на оказание финансовой помощи друг другу в целях поддержки бюджета и платежного баланса. РФМ используются для быстрой мобилизации значительного объема финансовых ресурсов и предоставления их нуждающимся странам данного региона.

В качестве примера можно привести Европейский стабилизационный механизм (ЕСМ). Это постоянно действующий финансовый институт, оказывающий необходимую финансовую помощь странам еврозоны (прежде всего в целях смягчения суверенного долгового кризиса). В рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) функции специального регионального финансового механизма осуществляет созданный в 2009 г. Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР). Наряду с ЕСМ и ЕФСР региональными институтами, поддерживающими финансовую стабильность, являются Арабский Валютный Фонд, Латиноамериканский резервный фонд, Механизм Евросоюза по поддержке платежного баланса, Европейский механизм финансовой стабилизации, Пул валютных резервов БРИКС и Многосторонняя Чианг-Майская инициатива.

Хотя после кризиса 2008–2009 гг. за счет вновь созданных РФМ общий страховой фонд увеличился на 1,1 трлн долл. США, а покрытие расширилось на 43 страны [7. С. 17], однако их функционирование отражает противоречие, существующее между странами-донорами и странами-заемщиками. Так, в целях поддержания финансово-экономической стабильности в определенном регионе экономически более развитые страны вынуждены брать на себя бремя финансовой помощи менее развитым странам. Это оказывает существенное негативное влияние на финансово-экономическое положение стран-доноров в периоды кризисов, когда с их стороны нуждающимся странам предоставляется максимальный объем помощи.

Кроме того, в некоторых странах-донорах необходимость делать соответствующие взносы в стабилизационный фонд вызывает крайне негативную

реакцию со стороны как физических лиц, так и организаций. В частности, в Германии большая группа истцов пыталась оспорить в федеральном конституционном суде законность перечисления в ЕСМ значительной суммы денежных средств, полагая, что финансовые обязательства Германии в рамках ЕСМ серьезно конфликтуют с конституционными правами немецкого парламента распоряжаться деньгами немецких налогоплательщиков [8. С. 60].

Внутри РФМ существуют также противоречия между странами-заемщиками в связи с асимметричным распределением финансовых ресурсов. Так, например, в рамках ЕСМ главным реципиентом является Греция, а в рамках ЕФСР – Беларусь и Армения. В результате остальные страны-реципиенты по факту не получают тот объем средств, на который они рассчитывали. Следует также отметить, что при сравнительно небольшом номинальном объеме денежных средств, находящихся в распоряжении РФМ, который составляет в большинстве случаев 0,5–1,0% от совокупного ВВП стран-участников и не позволяет эффективно купировать шоковое воздействие финансово-экономических кризисов, величина реально предоставленной финансовой помощи нуждающимся странам значительно меньше номинального объема. Например, в рамках ЕФСР за десять лет после создания было выдано всего 4,8 млрд долл. США из общей суммы 9,1 млрд долл. США [7. С. 6].

Не очень большой объем выданных средств отчасти можно объяснить тем, что большинство РФМ предусматривают выполнение странами определенных макроэкономических условий для получения финансовой поддержки: сокращение бюджетных расходов (включая урезание социальных выплат, зарплат и пенсий), уменьшение величины госдолга, повышение экономической конкурентоспособности. Если в силу ряда причин установленные требования не выполняются, то это приводит к отказу в предоставлении средств стране-заемщику.

Еще одно противоречие в деятельности РФМ заключается в том, что предоставляемая странами-донорами финансовая помощь далеко не всегда стимулирует страны-реципиенты к соблюдению финансовой дисциплины, сокращению дефицита госбюджета и госдолга, борьбе с безработицей, повышению производительности труда. Полученные от стабилизационного фонда дешевые денежные средства расходуются странами-заемщиками неэффективно и не приводят к структурной перестройке экономики и ускорению экономического роста.

На верхнем уровне глобальной сети поддержки финансовой стабильности находится МВФ. Однако, как показала практика, он оказался не в состоянии предотвратить наступление мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., а также оперативно и в необходимом объеме оказать помощь правительствам всех стран, которые столкнулись с серьезными финансовыми проблемами. Кроме того, за время его существования в мировой экономике и мировых финансах произошли значительные перемены, связанные с возникновением в начале XXI века новой геополитической ситуации в результате

формирования новых полюсов финансово-экономической силы. В первую очередь речь идет о Китае, который стал центром притяжения стран, стремящихся защитить свои национальные интересы и независимость от традиционных лидеров мировой экономики и мировых финансов: США, стран Евросоюза и Японии.

В результате успешного экономического развития некоторые страны мира, относящиеся к категории развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, постепенно превратились из заемщиков развитых стран в их кредиторов. Удельный вес этих стран в совокупном объеме мирового ВВП заметно увеличился. Например, в 2000–2021 гг. (данные за 2021 г. являются оценочными) доля стран БРИКС в мировом ВВП (в текущих ценах) возросла почти в 3 раза (с 8,12 до 23,49%)². В настоящее время на семь развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, входящих в двадчатку крупнейших стран мира по величине ВВП, приходится 27,24% в структуре мирового ВВП и 19,53% в структуре мирового экспорта товаров и услуг. В то же время доля этих стран в рамках МВФ составляет только 18,03%. Для сравнения: доля США в мировом ВВП – 24,41%, в структуре мирового экспорта – 10,10%, а в рамках МВФ – 17,44% [9, С. 25].

МВФ организован по типу акционерного общества, и его капитал формируется за счет взносов стран-членов в соответствии с величиной квоты, установленной для каждой страны. Квота определяет не только размер взноса страны в капитал МВФ, но и объем потенциального финансирования конкретной страны со стороны МВФ, а также долю голосов данной страны при принятии различных решений в МВФ.

Хотя в результате перераспределения квот, решение о котором было принято еще в 2010 г., но реализация неоднократно откладывалась из-за позиции США, доля развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в целом увеличилась на 2,8 п.п. (до 42,3%), тем не менее некоторые лидеры этой группы стран мира (прежде всего Китай, Россия и другие страны БРИКС) остались недовольны недостаточно существенным повышением их удельного веса (доля стран БРИКС возросла с 11,5 до 14,4%), которое так и не позволило им солидарно оказывать влияние на принятие важнейших решений в МВФ. Недооценка в рамках МВФ роли развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в мировой экономике находит свое отражение в величине их квот в МВФ и ограничивает их международное финансово-экономическое влияние.

Поскольку для принятия важнейших решений в МВФ требуется не менее 85% голосов, возникает серьезное противоречие между эксклюзивным положением США, которые, уменьшив свою квоту всего на 0,3 п.п., по-прежнему

² Рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка и МВФ. URL: <https://data-bank.worldbank.org/source/world-development-indicators>; URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/10/12/world-economic-outlook-october-2021>.

имеют возможность в одиночку заблокировать принятие любого важнейшего решения, даже если за него проголосуют 189 других стран-членов, и положением группы ведущих развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, которые не имеют такой возможности даже при условии солидарного голосования. По заявлению Совета управляющих МВФ, очередной пересмотр квот должен состояться не позднее декабря 2023 г., однако он едва ли изменит сложившуюся расстановку сил, поэтому с уверенностью можно ожидать дальнейшего усиления противостояния между различными группами стран в рамках МВФ, поскольку, как показали события, связанные с проведением Россией Специальной военной операции на Украине, коллективный Запад не заинтересован в уменьшении своего влияния и будет всячески этому препятствовать, что, в свою очередь, станет еще одним фактором дестабилизации МВФС.

Дисбалансы и противоречия, связанные с функцией обеспечения финансирования социально-экономического развития. В рамках группы институтов МФА, финансирующих социально-экономическое развитие стран на различных уровнях, также существуют свои серьезные противоречия и дисбалансы. Если говорить о национальных банках развития (НБР) в разных странах, то по набору используемых финансовых инструментов, приоритетным для финансирования проектам и отраслям, а также величине инвестиций они существенно отличаются друг от друга. Соответственно, их влияние на развитие национальной экономики в значительной степени определяется их финансовыми возможностями и эффективностью управления находящимися в их распоряжении инвестиционными ресурсами.

Количество НБР в разных регионах мира не является определяющим индикатором объема проводимых ими операций. Например, в странах Африки функционирует в 3 раза больше банков развития, чем в Европе, однако активы европейских банков в десятки раз превышают активы африканских банков развития [10].

Поскольку НБР являются одним из инструментов реализации государственной экономической политики, их деятельность зависит от особенностей проводимой в стране денежно-кредитной и фискальной политики [11]. Они могут как стимулировать, так и сдерживать инвестиции в развитие экономики за счет удорожания или удешевления доступных кредитных ресурсов.

Как отмечают эксперты, НБР, с одной стороны, сталкиваются с теми же проблемами, которые характерны для коммерческих банков: дефицит ликвидности, высокий удельный вес проблемных кредитов, различные виды внешних рисков. С другой стороны, для деятельности НБР в качестве государственных финансовых институтов характерны специфические особенности, среди которых можно выделить: неэффективную организационно-управленческую структуру (строго определяемую соответствующими постановлениями правительства), которая может приводить к недостаточности капитала; ограниченность источников фондирования

(преимущественно за счет средств госбюджета); чрезмерно активное участие государства в процессе принятия ключевых для НБР решений и выборе направлений и объектов инвестирования; использование НБР в качестве инструмента антикризисного управления [12]. Двойственность их положения и статуса формирует как внутренние, так и внешние противоречия, связанные с ролью и местом НБР в системе национальной экономики. Ситуация усугубляется тем, что во многих странах отсутствует необходимая нормативно-правовая база регулирования деятельности НБР, а их хозяйственные функции нередко дублируются коммерческими банками.

Серьезные противоречия и дисбалансы характерны и для деятельности региональных банков развития (РБР). Создание первых РБР в 1960-е годы, помимо решения региональных задач, было продиктовано желанием развитых стран, являвшихся нерегиональными членами РБР, стимулировать экспорт в развивающиеся страны и сохранить их в сфере своего влияния. Поскольку развитые страны составляют примерно треть всех членов РБР и владеют значительной долей капитала, они имеют возможность оказывать существенное влияние на деятельность РБР и результаты голосования при принятии важнейших решений. Хотя, в соответствии с учредительными документами РБР, большинство голосов должно принадлежать региональным членам, из-за дефицита собственных средств региональные члены РБР были вынуждены сократить свою долю до минимума за счет повышения удельного веса нерегиональных членов, обладающих необходимыми финансовыми ресурсами. В Межамериканском банке развития (МАБР) треть голосов принадлежит США, в Африканском банке развития (АфБР) – США и Японии, а в Азиатском банке развития (АзБР) Япония внесла почти половину уставного фонда [13. С. 40].

Одно из противоречий деятельности РБР заключается в несбалансированном распределении финансовых ресурсов между странами-членами. Предпочтение отдается наиболее надежным и платежеспособным заемщикам. Так, например, в МАБР главными заемщиками являются Бразилия, Аргентина и Мексика, в АзБР – Индия и Китай, в АфБР – Марокко, Тунис, Нигерия и ЮАР. Кредиты РБР выдаются зачастую в интересах крупнейших доноров этих банков, а средства специальных фондов, формируемых странами-донорами в рамках банков развития, расходуются с согласия правительств этих стран на покупку товаров национальных компаний этих государств [14]. В результате кредитные средства фактически приобретают целевой характер, а наиболее нуждающиеся страны не получают объем финансирования, необходимый для их устойчивого социально-экономического развития. Это усиливает недовольство с их стороны и обостряет отношения между членами РБР.

Еще одно противоречие деятельности РБР связано с тем, что основная часть уставного капитала только гарантирована странами-членами и выплачивается по требованию. Например, оплаченный уставный капитал АзБР составляет всего 4,6% от заявленного, МАБР – 4,1%, АфБР – 9,8%. Неоплаченная часть

уставного капитала, как правило, служит гарантийным фондом для обеспечения долговых ценных бумаг, выпускаемых на международном финансовом рынке. Поскольку объем и стоимость привлекаемых РБР ресурсов сильно зависят от конъюнктуры международного долгового рынка, в случае ухудшения ситуации в мировой экономике и мировых финансах РБР могут столкнуться с серьезными проблемами в области фондирования и связанного с ним последующего финансирования региональных проектов и программ социально-экономического развития.

На уровне глобальных институтов, финансирующих социально-экономическое развитие, также существует ряд значительных противоречий. Главным из них является обострение противостояния между разными группами стран. В частности, в Международном банке реконструкции и развития (МБРР), входящем в Группу Всемирного банка, после глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., как и в МВФ, постепенно идет процесс увеличения в уставном капитале и количестве голосов доли развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, однако повышение их удельного веса на 3 п.п. (до 47,19%) не меняет существенным образом сложившийся ранее расклад сил [15]. По-прежнему все стратегические решения определяются и принимаются группой экономически развитых стран мира во главе с США. Небольшие уступки с их стороны продиктованы стремлением сохранить свое доминирующее положение за счет ослабления нарастающего давления со стороны лидеров группы развивающихся стран и стран с формирующимися рынками и носят в большей степени тактический характер.

Включение в Группу Всемирного банка специализированных структур (Международной ассоциации развития (МАР), предоставляющей льготные кредиты и гранты беднейшим странам, Международной финансовой корпорации (МФК), Многостороннего агентства по гарантированию инвестиций (МАГИ), и Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС), обеспечивающих поддержку и защиту инвестиций в частный сектор развивающихся стран), а также установление дополнительных требований к условиям членства (чтобы стать членом МБРР, страна должна сначала присоединиться к МВФ, а также подать заявки на членство в МАР, МФК и МАГИ)³ являются подтверждением стремления США и их ближайших союзников осуществлять тотальный контроль МВФС. События 2022 г. отчетливо демонстрируют неготовность стран коллективного Запада к пересмотру сложившегося миропорядка и нежелание отказываться от привилегированного положения, позволяющего устанавливать свои правила в рамках всего мирового сообщества, не считаясь с национальными интересами других государств.

Осознавая существующее неравенство отношений в рамках современной МФА, развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками начали

³ Официальный интернет-сайт Всемирного банка. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/leadership/members#3>

создавать свои финансово-кредитные институты, альтернативные традиционно существующим. В 2014 г. были учреждены Новый банк развития БРИКС (НБР БРИКС) и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Инициатором их формирования стал Китай (штаб-квартиры обоих банков расположены в Китае).

НБР БРИКС создан пятью странами в целях финансирования проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС, а также в других развивающихся странах и странах с формирующимися рынками. Осенью 2021 г. его членами стали Бангладеш и ОАЭ. Потенциальными новыми членами являются также Египет и Уругвай. Можно ожидать, что Аргентина и Иран, подавшие заявки на вступление в БРИКС, в ближайшее время также присоединятся к НБР БРИКС. За первые пять лет своего существования банк одобрил финансирование более 50 проектов на сумму около 15 млрд долл. США⁴. В стратегическом плане НБР БРИКС стремится привлекать другие страны в качестве своих новых членов, а в области финансовой деятельности — постепенно увеличивать долю кредитов, номинированных в национальных валютах стран-членов. И хотя по количеству стран-членов НБР БРИКС пока еще сложно считать частью глобальной инфраструктуры МФА, тем не менее мы относим его к данному сегменту в соответствии с поставленными при его создании целями и задачами, а также вследствие того, что в уже присоединившихся и планирующих в ближайшем будущем присоединиться к его деятельности странах проживает свыше 46,4% населения Земли.

АБИИ был учрежден 57 странами (37 региональных и 20 нерегиональных членов), однако в начале 2022 г. количество стран-членов достигло уже 105 (они представляют около 80% населения планеты и на них приходится примерно $\frac{2}{3}$ мирового ВВП). Основными целями создания банка являются стимулирование финансового сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также финансирование инфраструктурных проектов в Азии. За время своего существования АБИИ одобрил финансирование более 170 проектов на сумму около 35 млрд долл. США⁵.

Хотя представители новых финансово-кредитных институтов отрицают их конкурентную роль в отношении давно действующих глобальных и региональных банков развития, тем не менее планы по дальнейшему расширению их деятельности и активному привлечению новых стран-членов вызывают настороженность и беспокойство со стороны ряда экспертов и официальных представителей экономически развитых стран мира. С нашей точки зрения, в настоящее время новые финансово-кредитные институты по масштабам текущей деятельности пока еще не могут полноценно

⁴ Официальный интернет-сайт Нового банка развития БРИКС. URL: https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2017/11/Key-Milestones-v2_2020_2.png.

⁵ Официальный интернет-сайт Азиатского банка инфраструктурных инвестиций. URL: <https://www.aiib.org/en/projects/summary/index.html>

конкурировать с традиционными глобальными банками развития и выйти на лидирующие позиции. Однако сам факт их создания является важным сигналом развитым странам (прежде всего США), что в мировой экономике и мировых финансах происходит перераспределение сил в пользу развивающихся стран и стран с формирующимися рынками, которые пытаются продемонстрировать и закрепить усиление своего международного влияния с помощью соответствующих институциональных преобразований. Этот процесс может существенно ускориться в результате введения развитыми западными странами беспрецедентных санкций в отношении России, нарушающих все установленные ранее правила и нормы международных отношений, что вынудит развивающиеся страны к ускоренному развитию альтернативной финансовой инфраструктуры в целях снижения зависимости от традиционных финансово-кредитных институтов для обеспечения своей независимости и повышения экономической безопасности своих стран.

Дисбалансы и противоречия, связанные с функцией регулирования национальных финансовых рынков. Что касается деятельности институтов, обеспечивающих регулирование функционирования национальных финансовых рынков, то здесь главное противоречие заключается в необходимости сочетания административных и рыночных методов управления, сбалансированности пруденциального надзора и надзора за предпринимательской деятельностью. Пруденциальный надзор призван обеспечить надежность и устойчивость финансовых институтов, уменьшить системные риски, преодолеть асимметрию информации. Надзор за предпринимательской активностью поддерживает функционирование конкурентных рынков и защищает права потребителей финансовых услуг. Чрезмерное усиление пруденциального надзора может подорвать конкуренцию, а дерегулирование, наоборот, нередко ослабляет устойчивость финансовых организаций [16. С. 38].

Если до кризиса 2008–2009 гг. национальные регуляторы проводили политику либерализации контроля операций на внутреннем финансовом рынке, то в посткризисный период (и особенно в условиях пандемии коронавируса) был взят курс на ужесточение регулирования финансового рынка и усиление пруденциального надзора. В результате происходит перекося в сторону избыточного административного давления за счет значительного ослабления конкурентной рыночной среды.

В рамках региональных органов финансового надзора основное противоречие заключается в несовпадении интересов и различных подходах к регулированию функционирования финансовых рынков как по вертикали (между наднациональным и национальными надзорными органами), так и по горизонтали (между национальными надзорными органами стран-членов регионального объединения). Так, например, несмотря на более высокую, чем в других регионах мира, степень интеграции финансовых регуляторов еврозоны, проблема множественности уровней принятия решений и многочисленности регуляторов является крайне актуальной.

Среди других проблем функционирования европейской системы финансового надзора эксперты отмечают необходимость усиления координации действий

различных органов регионального финансового контроля, расширение сферы регулирования (включая страховой сегмент финансового рынка и забалансовые операции банков и инвестиционных компаний), повышение прозрачности регулятивной деятельности для финансовых институтов, предпринимательских структур и населения, усиление защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов, интенсификацию обмена информацией между общеевропейскими и национальными регуляторами финансового рынка [17. С. 132].

Для разрешения противоречия между наднациональным и национальными надзорными органами в рамках еврозоны предполагается унифицировать пруденциальную политику и преодолеть существующие институциональные ограничения. Результатом станет концентрация надзорных полномочий на наднациональном уровне и ограничение функций и степени влияния национальных регуляторов.

Особое место в структуре МФА занимает Банк международных расчетов (БМР). С одной стороны, свою миссию БМР формулирует следующим образом: «Поддерживать стремление центральных банков к денежно-кредитной и финансовой стабильности посредством международного сотрудничества и выступать в качестве банка для центральных банков»⁶. С другой стороны, БМР по форме является акционерным обществом коммерческого характера, акциями которого владеют центральные банки 63 стран мира. Доля Банка России в уставном капитале БМР составляет 0,57% (3 211 акций), в голосующем капитале — 0,53%⁷. Политику банка и основные стратегические направления его деятельности определяет совет директоров, в составе которого может быть не более 18 членов. В соответствии с уставом, обязательными членами Совета директоров БМР являются главы центральных банков Бельгии, Франции, Германии, Италии, Великобритании и США, каждый из которых может предложить включить в Совет одного представителя из числа сотрудников своего национального банка. Остальные одиннадцать членов совета директоров избираются из числа глав центральных банков, являющихся акционерами БМР⁸.

БМР предоставляет центральным банкам широкий спектр информационно-аналитических, обучающих, финансовых и посреднических услуг, формируя при этом международную площадку для выработки норм и правил функционирования мирового банковского сообщества. БМР отнесен к сегменту региональных (международных) организаций в силу специфики своей деятельности, коммерческой природы и ограниченного состава участников. Поскольку БМР, как и большинство других институтов МФА, представляет интересы развитых стран, а развивающиеся страны и страны с формирующимися рынками не имеют возможности влиять на принимаемые решения, то его функционирование тоже становится источником

⁶ Официальный интернет-сайт БМР. URL: <https://www.bis.org/about/index.htm?m=1001>

⁷ Официальный интернет-сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/today/ms/smo/bmr_n/

⁸ Официальный интернет-сайт БМР. URL: <https://www.bis.org/about/statutes-en.pdf>

противоречий, которые, однако, не имеют критического значения в силу необязательности исполнения его рекомендаций.

Попытки регулирования операций на международном финансовом рынке (МФР) на глобальном уровне также носят довольно противоречивый характер. Несмотря на участие развивающихся стран в деятельности «Группы 20» (G20) и Совета по финансовой стабильности (СФС), принятие решений определяется мнением ведущих развитых стран (в первую очередь США). В качестве примера можно привести явно политизированное решение пригласить Украину, не являющуюся членом G20, принять участие в саммите организации в Индонезии осенью 2022 г. Кроме того, G20 подвергается критике за укрепление власти крупных транснациональных корпораций (ТНК) и лоббирование заключения ряда международных торгово-экономических соглашений (например, Comprehensive Economic and Trade Agreement – СЕТА), которые могут нанести существенный вред конечным потребителям в разных странах, недостаточно решительную борьбу против изменения климата и социального неравенства по всему миру, а также за усиление авторитаризма и прогрессирующего правого популизма в отдельных странах-членах данной организации.

Что касается деятельности СФС, то отсутствие у него официального статуса международного органа по выработке обязательных к внедрению единых базовых регулятивно-надзорных принципов сдерживает реформу системы наднационального регулирования МФР. По мнению ряда экспертов, статус СФС как координирующего звена регулятивной реформы все менее соответствует потребностям динамики международного финансового сектора, его сложной иерархии и разветвленной инфраструктуре, а также той роли, которую выполняют системообразующие финансовые институты в определении тенденций развития национальных и международных финансовых рынков [18. С. 81].

На наднациональном уровне обеспечением стабильности мировой банковской деятельности занимается Базельский комитет по банковскому надзору (БКБН), учрежденный в конце 1974 г. центральными банками стран «Большой десятки» в целях укрепления финансовой стабильности путем повышения качества банковского надзора во всем мире и для того, чтобы служить форумом для регулярного сотрудничества между его странами-членами по вопросам банковского надзора. Его штаб-квартира расположена в БМР, в настоящее время он объединяет 45 членов из 28 стран мира, в том числе центральные банки и органы власти, официально отвечающие за надзор за банковским бизнесом. Кроме того, в состав Комитета включены девять наблюдателей, включая центральные банки, надзорные группы, международные организации и другие органы⁹.

Рекомендации, разрабатываемые БКБН для национальных центральных банков, также отличаются противоречивым характером. Они отражают преимущественно

⁹ Официальный интернет-сайт БМР. URL: <https://www.bis.org/bcbs/membership.htm>

интересы развитых стран, в недостаточной степени учитывают существенные различия в уровне развития банковского сектора развитых и развивающихся стран. Кроме того, требования к качеству и структуре капитала банков, с одной стороны, на практике ведут к укрупнению национальных кредитных организаций и повышению их устойчивости, а с другой стороны, ограничивают рост кредитного портфеля, создают сложности в формировании добавочного капитала и негативно сказываются на небольших и региональных банках [19. С. 141]. БКБН отнесен к сегменту глобальных регуляторов функционирования финансового рынка ввиду отсутствия подобных функций у других международных структур, однако его рекомендации не имеют обязательного характера.

Эффективное сотрудничество национальных регуляторов финансового рынка призваны обеспечивать различные международные структуры, имеющие отношение к организации функционирования отдельных сегментов МФР. Среди подобных институтов следует выделить Международную организацию комиссий по ценным бумагам (*International Organization of Securities Commissions – IOSCO*), Международную ассоциацию органов страхового надзора (*International Association of Insurance Supervisors – IAIS*), Международную организацию по защите прав потребителей финансовых услуг (*International Financial Consumer Protection Organization – FinCoNet*). Основное противоречие деятельности этих межгосударственных институтов заключается в том, что они не разрабатывают обязательные стандарты регулирования отдельных сегментов мирового финансового рынка, а лишь предлагают общие рекомендации, которые в дальнейшем могут использоваться национальными регуляторами. Учитывая различные уровни развития и специфику регулирования национальных финансовых рынков, предлагаемые для внутреннего применения стандарты далеко не всегда получают одобрение и поддержку со стороны государственных регуляторов разных стран.

Саморегулируемые профессиональные организации МФР (Ассоциация участников международного рынка капитала (*International Capital Market Association – ICMA*), Ассоциация участников кредитного рынка (*Loan Market Association – LMA*), Международная ассоциация свопов и деривативов (*International Swaps and Derivatives Association – ISDA*) и др.) в процессе своей деятельности также сталкиваются с рядом противоречий. Помимо того, что их рекомендации носят необязательный для выполнения (индикативный) характер, они зачастую оказываются не в состоянии избежать конфликта интересов, поскольку вынуждены балансировать между интересами своих членов и интересами клиентов. Их деятельность также может оказывать негативное влияние на конкуренцию в том случае, если установленные правила дают преимущества одним участникам финансового рынка во вред и за счет других его участников. Еще одним противоречием является недостаточный объем финансирования, которым располагают данные институты. И, наконец, бывают случаи, когда участниками подобных международных организаций становятся компании, надеющиеся на укрепление своей деловой репутации

за счет формального членства и имитации участия в их деятельности, не собирающиеся выполнять взятые на себя обязательства [20].

Что касается деятельности ведущих международных рейтинговых агентств (МРА), то она является крайне противоречивой и вызывает недовольство как со стороны тех, кто получает кредитные рейтинги, так и со стороны потенциальных кредиторов и инвесторов. По мнению некоторых экспертов, недостаточно эффективная работа международных рейтинговых агентств объясняется двумя основными причинами: конфликтом интересов и идеологически ангажированным процессом присвоения рейтинга [21. С. 18]. В результате ухудшаются условия заимствования на МФР для одних стран и укрепляются позиции других стран (в первую очередь США). Главная проблема заключается в отсутствии реальной альтернативы олигополии «большой тройки» МРА (Standard and Poor's, Moody's Investors Service и Fitch Ratings), услугами которой продолжают пользоваться различные участники МФР [22. С. 60]. Как представляется, реформирование данной сферы в ближайшие годы будет происходить за счет усиления регулирования и контроля различных сторон деятельности ведущих МРА со стороны как национальных регуляторов, так и международных финансовых организаций. Кроме того, рост финансово-экономической и политической мощи развивающихся стран, превращение некоторых из них в чистых кредиторов со временем могут привести к формированию параллельных рейтинговых структур, не ангажированных элитами коллективного Запада.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время в рамках иерархически-функциональной системы институтов, являющихся основой и организационным ядром современной МФА, существуют достаточно серьезные противоречия и дисбалансы. Эти противоречия и дисбалансы проявляются на всех уровнях МФА — и на национальном, и на региональном, и на глобальном. С течением времени структура МФА все более усложняется, но это не приводит к решению существующих проблем и устранению противоречий, поскольку не затрагивает базовых основ существующего миропорядка.

Ключевой причиной усугубляющегося дисбаланса является сохранение доминирования в системе институтов МФА группы развитых стран во главе с США при продолжающемся сокращении их доли в структуре мировой экономики. Стремление развитых стран удержать свое лидерство путем сдерживания остальных участников мировой хозяйственной системы вызывает серьезное противодействие со стороны стран, имеющих статус развивающихся, экономика которых по многим параметрам превосходит экономику нынешних формальных лидеров, лидерство которых в значительной степени основано на «условных» активах, генерируемых в соответствии с установленными ими правилами.

Существующая МФА нуждается в радикальном реформировании, которое, вероятно, будет носить противоречивый и болезненный характер для всех участников МВФС, поскольку будет происходить путем усиления противостояния с целью изменения расстановки сил в мире и формирования нового более справедливого миропорядка, учитывающего интересы большинства стран мира, а не только избранного меньшинства, агрессивно отстаивающего свои интересы в ущерб интересам других государств. Успех формирования новой МФА и ее эффективное функционирование в значительной степени будут зависеть если не от радикального устранения накопленных за долгие годы разнообразных противоречий, то хотя бы от их максимально возможного смягчения.

Литература

1. Саламова М.Т. Программы количественного смягчения в денежно-кредитной политике зарубежных стран // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 8. С. 152–161.
2. Adrian T., Erceg C.J., Gray S.T., Sahay R. Asset Purchases and Direct Financing: Guiding Principles for Emerging Markets and Developing Economies during COVID-19 and Beyond. IMF, Departmental Paper No 2021/023. October 11, 2021.
3. Андриюшин С., Кузнецова В. Нетрадиционные меры денежно-кредитной политики центральных банков в условиях финансового кризиса // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 6. С. 110–124.
4. Пищик В.Я., Алексеев П.В. Трансформации в монетарной и финансовой политике Евросоюза под влиянием COVID-19 // Мир новой экономики. 2021. Т. 15. № 4. С. 48–57.
5. Бажан А.И., Гусев К.Н. Европейский центральный банк в условиях финансового кризиса // Современная Европа. 2016. № 3. С. 93–103.
6. Мартиросян Г.Л. Оценка действий Европейского центрального банка в условиях экономического кризиса // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2011. № 47. С. 31–37.
7. Винокуров Е., Ефимов А., Левенков А. Евразийский фонд стабилизации и развития: региональный финансовый механизм и его место в Глобальной сети финансовой безопасности. Рабочий документ Евразийского фонда стабилизации и развития, РД/19/1. 2019 [Электронный ресурс] URL: <https://efsd.eabr.org/analytics/>
8. Топорнин Н.Б. Некоторые аспекты правового статуса и деятельности механизмов финансовой помощи в Европейском союзе // Деньги и кредит. 2015. № 10. С. 58–61.
9. Финансы России в условиях социально-экономических трансформаций // Под ред. М.А. Эскиндарова, В.В. Масленникова. М.: Прометей, 2022. 710 с.
10. Luna-Martínez J., Vicente C.L. Global Survey of Development Banks [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-5969>
11. Diamond W. Development banks. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1957. 128 p.
12. Матюшин А.В., Аборчи А.В. Национальные банки развития как инструмент обеспечения неоиндустриального роста // Экономика промышленности. 2016. № 1 (73). С. 17–42.
13. Ковалев М.М., Румас С.Н. Банки развития: новая роль в XXI веке. Минск: Изд. центр БГУ, 2016. 151 с.
14. Антропов В.В. Региональные банки развития в экономической стратегии развития // Экономический журнал. 2019. № 1 (53). С. 65–79.
15. Головин М.Ю. Трансформация глобальной финансовой системы в первые два десятилетия XXI века // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 74–96.

16. *Абрамов А., Радыгин А., Чернова М.* Регулирование финансовых рынков: модели, эволюция, эффективность // Вопросы экономики. 2014. № 2. С. 33–49.
17. *Табах А.В., Подругина А.В.* Наднациональное мегарегулирование: зарубежный опыт и перспективы ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2015. № 4. С. 122–143.
18. *Джагитян Э.П.* Совет по финансовой стабильности: на пути к институционализации? // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 78–90.
19. *Шмиголь Н.Н.* Об эффективности положений Базеля III в условиях кризисных явлений в экономике и выработки мер их устранения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 1. С. 137–142.
20. *Тимофеев А.* Саморегулирование на финансовом рынке и регулирование на основе принципов [Электронный ресурс] URL: <https://nauforg.ru/tree.asp?n=22771&hk=20211207>
21. *Лаунович И.* Проблемы реформы управления глобальной экономикой, или как заставить международную финансовую систему работать в интересах развития // Деньги и кредит. 2016. № 2. С. 12–23.
22. *Балуик И.А.* Можно ли изменить существующую систему присвоения международных кредитных рейтингов? // Общество и экономика. 2016. № 11. С. 54–61.

Igor Balyuk (e-mail: balyuk@bk.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Associate Professor

World Finance Department,

Financial University under the Government of the Russian Federation

(Moscow, Russia)

Marina Balyuk (e-mail: baljuk@bk.ru)

Ph.D. in Economics,

Independent Expert (Moscow, Russia)

INSTITUTIONAL AND FUNCTIONAL CONTRADICTIONS OF THE PRESENT-DAY GLOBAL FINANCIAL ARCHITECTURE

The authors analyze the institutional and functional contradictions and imbalances of the modern global financial architecture (GFA) that exist at the national and international levels and are connected with the activities of various organizations (mainly financial and credit ones). The authors conclude that improving the efficiency of the GFA will largely depend on the combined efforts of national and supranational regulators aimed, if not at radically eliminating the various contradictions accumulated over many years, then at least at their maximum possible mitigation in order to ensure the stability of the global finance.

Keywords: global financial architecture, IMF, G20, Financial Stability Board, development banks, international rating agencies, international financial market.

DOI: 10.31857/S020736760021862-7

© 2022

Сергей Капканщиков

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории
Ульяновского государственного университета

(г. Ульяновск, Россия)

(e-mail: kapkansv@mail.ru)

БАНК РОССИИ ПРОТИВ «ГОЛЛАНДСКОЙ БОЛЕЗНИ»: СОМНЕНИЯ В РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ИЗБРАННОГО КУРСА

В статье ставится под сомнение результативность традиционно используемого Банком России механизма противодействия «голландской болезни» посредством приобретения иностранной валюты у российских экспортеров для недопущения избыточного укрепления курса рубля в обстановке высоких мировых цен на нефть. Раскрывая стратегические дефекты доминирующего в России валютного канала денежной эмиссии, автор обосновывает необходимость решительного перехода к ее фондовому и кредитному каналам в интересах обеспечения разумной диверсификации отечественной экономики.

Ключевые слова: реальный эффективный курс рубля, протекционизм валютного курса, «голландская болезнь», Банк России, девальвация, валютный, фондовый и кредитный каналы денежной эмиссии, золотовалютные резервы, структурная политика.

DOI: 10.31857/S020736760021863-8

Многолетняя эволюция российской экономики в русле исторически бесперспективной сырьевой модели и регулярная интенсификация в ней «голландской болезни» диктуют острую необходимость запуска разнообразных механизмов неоиндустриализации, требуя от монетарных и фискальных властей решительных мер по противодействию дальнейшей инвестиционной деградации многих предприятий и отраслей, относящихся к высокотехнологичному сектору отечественной экономики. Поскольку ведущей причиной «голландской болезни», как известно, является избыточное укрепление курса национальной валюты, постольку всемерное стимулирование экспорта продукции конечного спроса в сочетании с разумным ограничением масштабов конкурирующего импорта должны включать конкретные шаги Банка России, чья денежно-кредитная политика исключала бы выход реального эффективного курса рубля вверх за рамки некоего оптимального уровня. Надо признать, что центральные банки большинства стран с догоняющим типом развития, в которых к тому же сформировалась экспортно-ориентированная сырьевая экономика, сознательно проводят политику регулярного занижения реального обменного курса своих валют с целью поддержания конкурентоспособности отечественной продукции по соотношению «цена-качество» в секторах с высокой степенью обработки. Серьезно отставая по производительности труда от наиболее развитых стран с опережающим

типом развития, они пытаются компенсировать подобное отставание посредством регулярного ослабления курса своих национальных валют. В мировой практике девальвация считается серьезным оружием, плодотворно используемым в краткосрочном периоде для наращивания товарного экспорта и затруднения импорта продукции в ту страну, чей центральный банк преднамеренно ее запустил. В ходе регулярно развязываемых валютных войн совокупный спрос с определенным временным лагом перенацеливается в страну, монетарные власти которой превентивно проводят сознательное ослабление своей валюты. И это касается не только материальных благ, но и сектора услуг: например, удорожание услуг зарубежной туристической индустрии, образования, здравоохранения и культуры, наблюдающееся в результате девальвации национальной валюты, позволяет отечественным производителям этих нематериальных благ в ходе конкурентной борьбы с импортными аналогами решительно перетягивать на себя доходы домохозяйств и фирм.

Эти закономерности, обусловленные сильной реакцией экспорта и импорта на динамику обменного курса, наглядно подтверждает опыт многих стран. Например, в период после Второй мировой войны монетарные власти Японии многократно девальвировали иену, используя подобный протекционизм валютного курса в качестве важного средства восстановительного роста национальной экономики. Однако в сентябре 1985 г. на встрече в нью-йоркском отеле «Плаза» американские политики очень постарались вынудить японцев поднять курс иены по отношению к доллару. В результате, к 1988 г. он резко возрос с 240 до 120 иен за доллар, что серьезно подорвало ценовую конкурентоспособность японской экономики. Потенциальный мировой лидер, достигший посредством общегосударственного индикативного планирования грандиозных успехов в социально-экономическом развитии, был тогда в определенной степени вытеснен на обочину глобальной экономики и ушел в многолетнюю депрессию. Так, по данным Всемирного банка, если среднегодовой темп роста в США составил в 1991–2017 гг. 2,4%, то в Японии – всего 1,0% [3. С. 126].

Ослабление курса национальной валюты, действительно, способно на какое-то время заметно ускорить хозяйственную динамику той или иной страны. Например, более 60 лет тому назад, 1 января 1961 г. в СССР была проведена деноминационная денежная реформа, выражающаяся, вроде бы, всего лишь в изменении масштаба цен и обмене старых рублей на новые в соотношении 10:1. Однако в ходе нее произошло более чем двукратное сознательное ослабление рубля (до реформы доллар был равен 4 рублям, а после примерно 0,9 руб. вместо 0,4 руб.). Во многом именно из-за последовавшего за этим резкого относительного удешевления советской продукции и случилось «золотое десятилетие» 1960-х гг. с бурными темпами экономического роста и подлинным скачком в уровне благосостояния населения. Известно, что преодолению «голландской болезни» в Мексике и самих Нидерландах в немалой степени способствовало в свое время снижение

курса, соответственно, песо и гульдена. Ведущей причиной безусловного доминирования товаров отечественного производства в магазинах КНР является заниженный курс юаня по отношению к «корзине» мировых валют. В XXI в. задачу противодействия чрезмерному укреплению курса национальной валюты успешно решает Народный банк Китая, что позволило К. Юрченко и И. Савельевой назвать подобный вариант искоренения «голландской болезни», связанный с хронической недооценкой юаня, китайским [21. С. 36]. Суть его состоит в направлении огромного профицита торгового баланса этой страны не столько в повышение уровня жизни населения, до 2009 г. решительно отделявшегося от экспортных доходов, сколько в стремительный рост инвестиций и ВВП, и особенно в ее международные резервы. В результате этих мер товар, который в 2005 г. можно в Китае было купить за 42 цента, на мировом рынке стоил 1 долл., так что экспортер китайских товаров с каждого доллара имел своеобразную премию в 58 центов [17. С. 35]. Во многом из-за недооцененного юаня Китай уже в 2009 г. вышел на первое место в мире по объему экспорта, который составил 9,7% от мирового. Доля других мировых лидеров – Германии и США – достигала 9,1% и 8,5% соответственно, что, впрочем, намного выше российской – 2,4% [17. С. 34]. Сознательно заниженный валютный курс способствует уверенному восстановительному росту китайской обрабатывающей промышленности в нынешний посткоронавирусный период и одновременно стимулирует экономное использование поступающих из-за границы топлива и сырья. Неслучайно Нобелевский лауреат П. Кругман вместе с 130 сенаторами предлагали властям развернуть торговую войну с КНР путем введения 25%-й таможенной пошлины на ввоз ее продукции на американский рынок [18. С. 31]. Впрочем, существует группа и фундаментальных факторов, делающих стихийное укрепление китайского юаня делом времени: угроза ускорения инфляции и адекватного повышения процентных ставок, чистый приток иностранных инвестиций, устойчивый перевес экспорта над импортом. Действие всех этих факторов влечет за собой мощное поступление иностранной валюты на территорию КНР и способно через повышение реального курса ее национальной валюты серьезно затормозить ее хозяйственный прогресс в недалеком будущем.

Поэтому сценарии предстоящего развития любой экономики недопустимо ставить в жесткую зависимость от динамики мировых цен на экспортируемую ею продукцию, особенно если речь идет о таких торгуемых товарах, как топливо и сырье. Всякий раз при резких колебаниях сырьевых цен на мировых рынках вверх и вниз власти обязаны оперативно задействовать те инструменты экономической политики, которые способны нейтрализовать негативное влияние этих цен на чистый экспорт, государственный бюджет, внешний и внутренний долг, инвестиционную активность фирм, уровень жизни населения и т.п. Используя накопленный зарубежный опыт, российское Правительство и Банк

России тоже стремятся противостоять «голландской болезни» посредством регулярного искусственного ослабления обменного курса рубля. Для этого предпринимались попытки либо стерилизовать поступающую иностранную валюту, направляя ее в международные резервы, либо выталкивать доллары и евро за границу в форме форсированного погашения государственного внешнего долга. Во многом преследуя именно стерилизационные цели, российские власти в период высоких мировых цен на нефть сознательно поддерживали «на низком уровне размер государственного внешней задолженности, осуществляли вывод “избыточного” капитала из экономики страны» [19. С. 33]. Отстаивая преимущества этого варианта, особо интенсивно реализованного в 2005–2006 гг., советник президента А. Илларионов в своих многочисленных публикациях в ведущих экономических журналах неустанно доказывал, что чем быстрее и больше Россия вернет Западу ранее взятых кредитов (даже с премией за преждевременный возврат), тем заметнее ослабнет рубль, и тем, соответственно, более стремительными станут темпы восстановительного роста экономики нашей страны. Иначе говоря, чем больше отдадим, тем якобы богаче станем сами: «страны, наиболее агрессивно проводившие политику обслуживания и погашения внешнего долга, имели, как правило, и более высокие темпы экономического роста и обеспечивали тем самым наиболее благоприятные макроэкономические условия для повышения уровня благосостояния своего населения» [7. С. 13].

Думается, однако, что, настойчиво и намного раньше срока отдавая кредиторам свои долги, финансовые власти лишают отечественные домохозяйства и компании возможностей больше приобретать товаров и услуг и больше инвестировать в отечественную экономику, способствуя тем самым процветанию последней. Действительно, внешний долг российского государства сегодня смехотворно мал сравнительно со всеми наиболее развитыми западными странами (если не учитывать резко возросший в предсанкционный период корпоративный долг Западу крупных компаний с государственным участием). Но интенсивность проявления «голландской болезни» в лишенной должной правительственной поддержки российской экономике ничуть не стала меньше. Изъятие из сферы обращения внутри нашей страны и тем более перемещение за границу огромных валютных ресурсов, способных быть плодотворно потраченными на новые инвестиции и новые технологии, не могло не обернуться очередным инновационным застоєм, и это в условиях, когда мир стремительно переходит к новому, шестому по счету технологическому укладу. В результате провокационного задействования столь сомнительного по своей результативности рычага российская экономика закономерно лишалась финансовых источников для своей разумной диверсификации.

Некоторым экспортно-ориентированным странам, впрочем, удастся временно нейтрализовать угрозу обострения «голландской болезни» за счет наращивания золотовалютных резервов в основном через продажу (обязательную

или добровольную) валютной выручки экспортеров монетарным властям. В этом плане рекордные международные резервы китайского и японского центробанков (в середине 2021 г. 3,35 и 1,39 трлн долл. соответственно) выступают своего рода краткосрочной защитной мерой от рецидивов столь тяжелого заболевания, неким косвенным результатом положительного сальдо торгового баланса этих стран. Но столь мощная тяга монетарных властей этих стран к приобретению долларов имеет своей оборотной стороной дальнейшее укрепление экономической мощи США, которые, во-первых, получают взамен своей не обеспеченной должным образом долларовой массы множество недорогих китайских и японских товаров, а во-вторых, финансируют свой огромный бюджетный дефицит за счет продажи нерезидентам облигаций американского федерального казначейства.

Приобретая американскую валюту, Банк России тоже вынужденно брал на себя роль голкипера, временно защищающего ворота отечественной экономики от последствий существенного превышения товарного экспорта над импортом и вызванного этим обстоятельством натиска радикальной деиндустриализации. Его действия по сдерживанию валютного половодья посредством ограничения поступающей в нашу страну иностранной валюты, безусловно, способны принести определенный краткосрочный эффект. Если не использовать их, а безоглядно открыть шлюзы для долларов и евро, то в результате чрезмерного укрепления курса рубля работники сырьевых отраслей, безусловно, смогут получать высокую зарплату, но ценой того, что занятые в конечных отраслях либо станут зарабатывать крохи, либо вовсе лишатся заработка, став безработными. Скупка же иностранной валюты монетарными властями приближает ее сокращающееся предложение к спросу на валютном рынке, что препятствует номинальному укреплению курса рубля. «Превращение государства в крупного покупателя валюты, — отмечает А. Некипелов, — резко снижает давление на курс национальной денежной единицы, а тем самым смягчает и структурный шок, который испытывает экономика» [14. С. 206]. Как отмечает В. Маневич, «снижение валютного курса рубля, при прочих неизменных условиях, ведет к увеличению доли чистого экспорта и уменьшению совокупной доли потребления и валового накопления» [10. С. 129]. Неслучайно наша страна, являющаяся крупным нетто-экспортером, традиционно входит в шестерку мировых лидеров по объему международных резервов. При этом следует подчеркнуть, что в состав этих резервов Российской Федерации включается значительная часть Фонда национального благосостояния, номинированная в иностранной валюте и вложенная в финансовые активы (до недавнего времени более всего в американские казначейские облигации — в объеме 108,7 млрд долл. в мае 2017 г. и сократившиеся чуть ли не на 100 млрд долл. всего год спустя). Поэтому было бы ошибкой, проявлением повторного счета, как это нередко происходит, суммировать золотовалютные резервы с ФНБ.

При этом явным мировым лидером по объему международных резервов в феврале 2018 г. являлся Китай – 3134 млрд долл., за ним следовали Япония (1261 млрд долл.), Швейцария (826 млрд долл.), Саудовская Аравия (487 млрд долл.). Россия с 457 млрд долл. находилась тогда на пятом месте, опережая своих ближайших преследователей – Тайвань, Гонконг, Индию, Южную Корею, Бразилию и Сингапур. В 2019–2021 гг. ситуация в этой сфере еще улучшилась, и по соотношению международных резервов к затратам на импорт, которое превышает пороговое значение, установленное МВФ в 10 раз (вместо 2 месяцев около 20 месяцев импорта), Россия вышла на одно из лидирующих мест в мире [6. С. 18–19]. При этом доля евро в общем объеме международных резервов составляла 29,5%, золота – 22,9%, доллара – 22,2%, доля остальных ключевых валют заметно меньше: юаня – 12,2%, фунта стерлингов – 5,9%, японской иены – 3,9%. Еще меньше доля наиболее значимых мировых валют второго уровня – канадского доллара (1,9%) и австралийского доллара (1,7%), китайского юаня (1,4%) и швейцарского франка (0,2%) [16. С. 76]. Впрочем, избыточность золотовалютных резервов Российской Федерации, теоретически с запасом гарантирующая стабильность обменного курса рубля, на практике не подтверждается, коль скоро его волатильность зачастую бьет мировые рекорды, регулярно обогащая финансовых спекулянтов.

Принципиальная возможность хранения всех международных резервов на территории своей страны превращается в действительность только в случае наличия у нее полного суверенитета. Поэтому в преддверии спецоперации на Украине около 300 млрд долл. этих резервов оказалось вложено в финансовые активы заведомо недружественных государств и, будучи заморожено, подпало под новый пакет антироссийских «ядерных» санкций. Другая половина российских международных резервов хранится в нашей стране (Москве, Санкт-Петербурге и Екатеринбурге), будучи номинированной, в основном, в евро, долларах, юанях, а также в монетарном золоте. Как отмечают Д. Турчановский и И. Чистюхин, «золото – это единственный монетарный актив в мире, который не имеет рисков, присущих валютам, и является единственным всемирно признанным активом, который не привязан к какому-либо конкретному государству, а, следовательно, в критических случаях, в том числе связанных с санкциями, может быть использован при расчетах с другими странами» [20. С. 59]. Неслучайно в последние годы, в условиях санкционной войны и нарастающих рисков отключения страны от расчетов в долларах, Россия, подобно КНР, активно расширяет запасы монетарного золота, доведя его запас в слитках в 2012 г. до 958 т., а в 2014 г. – до 1208 т. [4. С. 43]. Процесс интенсивного замещения долларов золотом протекал и в дальнейшем, так что на июль 2019 г. запасы монетарного золота в международных резервах РФ превысили 2100 т. (около 18,5% международных резервов страны) [12. С. 19], а на 1 ноября 2021 г. – 2295 т. Как следствие, Россия по своим золотым запасам занимала

пятое место в мире, уступая только США (8133 т.), Германии (3368 т.), Италии (2452 т.) и Франции (2436 т.). В последние годы резко возросла и доля юаня в валютных резервах Банка России, что, помимо достоинств дедолларизации, таит в себе и немалые угрозы. Поскольку юань пока еще не является свободно конвертируемой валютой и на динамику его курса серьезное влияние оказывают китайские власти, постольку в случае сознательной девальвации (в интересах поддержки экспортеров и достижения победы в «войне девальваций» между КНР и США) неизбежны серьезные финансовые потери России. Так что эксперимент по постепенному отказу от доллара в золотовалютных резервах и по их диверсификации в ответ на санкции США оказался в финансовом отношении не очень успешным: упустив ралли доллара и вложив средства в ослабевший на 10% юань, Россия в 2018 г. потеряла из-за этого несколько миллиардов долларов. Впрочем, немалые утраты нашей страны в объеме примерно 9,5 млрд долл. случились и в результате продажи европейских долговых бумаг с отрицательной доходностью с переложением средств в доллары в 2017 г., а также в рамках обратной операции в 2018 г. [15. С. 387]. К тому же нельзя забывать, что масштабная эмиссия мировых резервных валют в последнее десятилетие не могла не оборачиваться их прогрессирующим обесценением с неизбежным сокращением доходности активов Банка России.

Известно, что предназначение золотовалютных резервов состоит не столько в обеспечении платежеспособности страны по международным обязательствам при необходимости экстренного погашения внешнего долга и повышении тем самым ее устойчивости к разнообразным шокам, сколько в воздействии на макроэкономическую ситуацию внутри страны посредством валютной интервенции (продажи-покупки иностранной валюты). В современном мире валютная интервенция является инструментом денежно-кредитной политики, предопределяющим динамику обменного курса национальной валюты намного сильнее, чем, скажем, устанавливаемые центральными банками ключевые ставки. **Но проводить ее следует неожиданно, без предварительного информирования общества о грядущих переменах** в самом направлении монетарной политики (как это зачастую делает Банк России), поскольку в противном случае валютные спекулянты обретают реальную возможность оперативно запастись или, напротив, расстаться с собственными запасами иностранной валюты.

Вместе с тем нельзя не признать, что к настоящему времени традиционное представление о том, что только накопление золотовалютных резервов якобы способно гарантировать стабилизацию обменного курса национальной валюты (наряду с экстренным погашением внешнего долга и возможностью беспроblemного приобретения товаров критического импорта), в значительной степени устарело. Во всяком случае, в развитых странах оно используется на практике не столь уж часто, коль скоро их власти предпочитают стабилизировать обменный курс своей валюты преимущественно трансграничными потоками

капитала, стремясь всякий раз достигать соответствия предложения и спроса на нее в рамках платежного баланса. Известно, что, даже не имея значительных золотовалютных резервов, ФРС и ЕЦБ до последнего времени успешно управляли денежной эмиссией, не ввергая экономику своих стран в галопирующую инфляцию. Этому в решающей степени способствовал обретенный в прошлом статус их валют, доверие к которым в целом сохраняется по настоящее время. Чрезмерное же накопление валютных резервов Банком России, обернувшееся, в конце концов, арестом их значительной части в феврале 2022 г., при таком рассмотрении может считаться всего лишь исполнением его руководством рекомендаций Международного валютного фонда в рамках прозападной концепции «валютного правления». Усвоение этого урока монетарными властями предполагает отказ от прежнего отношения к таким «сакральным» резервам, доля которых в структуре совокупных активов накануне спецоперации на Украине превышала 80% и была наивысшей в мире. Неслучайно В. Маевский и А. Рубинштейн усматривают в качестве явного отхода от оптимума в экономической политике российского государства комбинацию предельно низкого внешнего долга России и чрезвычайно масштабных международных резервов, которыми в 2021 г. располагал наш центральный банк, и которые соответствовали 18,7 месяцев импорта (больше среди стран G20 было только у Саудовской Аравии и Швейцарии — 30,2 и 22,8 месяцев соответственно) [9. С. 486-487].

Взвешивая аргументы «за» и «против» варианта скупки долларов у экспортеров в долгосрочной перспективе, необходимо иметь в виду следующее. Своими усилиями Банк России сознательно участвовал в поддержании работоспособности американского «вечного двигателя», который «позволял наращивать объемы международной торговли и дефицита внешнеторгового баланса США, опираясь на готовность центральных банков развивающихся стран увеличивать свои золотовалютные резервы» [20. С. 57]. К тому же никакие шаги монетарных властей (самостоятельно или по просьбе правительства) по скупке чрезмерно поступающей в Россию иностранной валюты не могут кардинально обезопасить отечественную экономику от «голландского синдрома». Если же в своем стремлении к нейтрализации угрозы нарастающей безработицы они прибегают к подобному механизму ослабления рубля, то такое вынужденное накопление золотовалютных резервов (и тем более действующий в последние годы механизм сознательного ослабления рубля для укрепления государственного бюджета в рамках бюджетного правила) способно повлечь за собой только краткосрочную стабилизацию на внутрироссийских товарных рынках и рынках рабочей силы.

Необходимо четко осознавать, что накопление валютных резервов является сугубо пассивным инструментом структурной политики, имеющим крайне низкую степень селективности, и выгоду от него куда в большей степени

получают далеко не конечные производители. Поскольку большинство отечественных предприятий обрабатывающей промышленности не блистают сегодня своей конкурентоспособностью на мировых рынках, постольку подавляющая часть преимуществ от ослабления рубля достается опять-таки сырьевым монополистам-экспортерам (а также государственному бюджету, куда с большей интенсивностью начинают поступать средства населения в виде косвенных налогов). С этих позиций трудно согласиться с В. Мироновым, считающим случившуюся в 2014–2015 гг. российскую девальвацию надежным способом лечения «голландской болезни» [13. С. 7]. Сознательно таргетируя обменный курс рубля и вполне целенаправленно замедляя его чрезмерное укрепление, центральный банк в этом случае посредством наращивания валютных резервов начинает стремительно расширять денежное предложение в стране, предопределяя тем самым разгон внутренней инфляции. Отчетливо проинфляционный характер подобного механизма скупки Банком России избыточно поступающей в нашу страну в объеме нескольких сотен миллионов долларов в день иностранной валюты обусловлен также сознательно запущенным на Западе уже много лет тому назад процессом прогрессирующего обесценения, по сути, всех резервных валют в рамках программ количественного смягчения. В этих условиях наращивание международных резервов (в том числе в рамках антипроизводственного бюджетного правила) формирует еще один мощный механизм импортируемой в Россию инфляции. Как отмечают К. Юрченко и И. Савельева, «прирост резервов Банка России, наращивание которых использовалось в качестве инструмента таргетирования обменного курса в период его укрепления, является значимым инфляционным фактором» [21. С. 31]. Противостоя раскручиванию маховика инфляции спроса, монетарные власти рано или поздно начинают ужесточать проводимую ими денежно-кредитную политику, которая закономерно препятствует разумной диверсификации отечественной экономики. «Дополнительный доход, возникающий в результате удорожания доллара на внутреннем российском валютном рынке, – резонно замечает В. Маневич, – выплачивается экспортеру не внешним миром, а российскими индивидами, корпорациями, институтами, которые покупают доллары по возросшей цене в рублях» [10. С. 127].

Получается, что при столь неэффективном «лечении» страны от «голландской болезни» Банк России в лучшем случае лишь разменивает нарастающую в этом случае угрозу вынужденной безработицы на ничуть не меньшую угрозу ускорения инфляции спроса, которая усиливается в связи с денежной эмиссией, обусловленной наращиванием международных резервов. На каждом следующем этапе эволюции эффекта Гронингена результативность валютных интервенций становится все менее весомой, коль скоро рост общего уровня цен постепенно выходит из-под контроля центрального банка, лишая инвестиционных перспектив сектор несырьевых производств. К тому же, передавая исключительно

крупнейшим компаниям-экспортерам сырья и их работникам вновь напечатанные рубли взамен приобретаемых долларов, монетарные власти серьезно наращивают и без того запредельную подоходную дифференциацию россиян, при которой еще более затрудненным становится развитие обрабатывающих видов экономической деятельности, ориентированных на внутренний спрос (да и выход из автономной рецессии отодвигается в весьма отдаленную перспективу). Наконец, коль скоро цены на энергоносители чрезвычайно волатильны, то продажа экспортерами нефти и газа получаемой за рубежом валюты Центральному банку РФ неизбежно усиливает колебания денежного предложения и, соответственно, курса рубля с сугубо негативным воздействием подобных колебаний на инвестиционный климат в отраслях обрабатывающей промышленности. Следовательно, противодействие «голландскому синдрому» валютными интервенциями и другими инфляционными инструментами Банка России едва ли можно расценивать в качестве результативного монетарного способа обеспечения прогрессивных структурных сдвигов. Вне зависимости от того, приобретает ли он избыток поступающих в нашу страну газонфедолларов, либо воздерживается от валютных интервенций, повышение реального курса рубля становится неизбежным следствием высоких мировых цен на нефть. И только их стремительное падение способно, но лишь на какое-то незначительное время, нейтрализовать эту негативную в плане усугубления эффекта Гронингена тенденцию.

В мировой практике курсовая и в целом денежно-кредитная политика государства никогда не отличалась эффективностью в плане противодействия «голландской болезни». Последняя может быть искоренена только одним-единственным способом – последовательной диверсификацией национальной экономики в направлении опережающего развития обрабатывающих отраслей и производств. Сдержат долларовой водопад страна может лишь решительным проведением радикальных преобразований в структуре своей национальной экономики в пользу производителей продукции с высокой добавленной стоимостью. Придушить «голландский синдром» способен лишь резкий подъем уровня инвестиционной активности в отраслях, выпускающих конечную продукцию. Поэтому решительного вытеснения импортной продукции с внутрироссийского рынка и интенсификации процессов импортозамещения можно достичь не девальвационными приемами, а расширением кредитной поддержки отраслей конечного спроса, их субсидированием из государственного бюджета и использованием целого ряда других инструментов повышения их общей конкурентоспособности. Между тем средства из Фонда национального благосостояния выделяются в последнее время в обстановке промышленного спада, вызванного пандемией коронавируса и военного кризиса нового типа, обусловленного спецоперацией на Украине, не столько отраслям конечного спроса, сколько сырьевым гигантам (например, «Роснефти», имеющей

наивысшую краткосрочную внешнюю задолженность). При этом широко эксплуатируется кажущийся аксиомой тезис о том, что коль скоро фонды финансовых резервов изначально формировались энергокомпаниями (за счет перечисления ими налогов от продажи топлива), то они же и имеют первоочередное право на правительственную поддержку в столь трудный период. Но при этом начисто игнорируется сугубо рентный источник формирования этих фондов и их принадлежность (через государственный бюджет) всему российскому народу.

Сегодня уже можно с уверенностью утверждать, что приток нефтедолларов в «тучные годы» никак не способствовал искоренению «голландской болезни» в России. Высокие мировые цены на энергоносители лишь усугубили тогда структурные перекосы отечественной экономики. И дело не только в том, что монетарные власти не смогли найти наилучший курс рубля по отношению к «корзине» валют, регулярно уводя его то слишком высоко, то излишне низко от оптимума. Воспроизводство накопленных диспропорций в немалой степени объясняется и тем, что в условиях многолетнего отсутствия дефицита федерального бюджета и под давлением США и МВФ валютный канал денежной эмиссии являлся безусловно господствующим в нашей стране. Большая часть денежного предложения наращивалась Банком России посредством приобретения поступающей в страну иностранной валюты (от продажи сырья или привлечения внешних займов) для противодействия избыточному укреплению курса рубля. Преобладающим каналом расширения денежной базы было для него именно накопление валютных резервов. В такой ситуации ухудшение состояния общемировой конъюнктуры и, как результат, падение цен на энергоносители, а также развязывание торговых войн, ужесточение антироссийских санкций закономерно приводили к сокращению притока долларов в нашу страну, и коэффициент монетизации отечественной экономики в очередной раз отклонялся далеко вниз от оптимума.

Немало государств, действительно, при наличии положительного чистого экспорта применяют эмиссию национальной валюты в сочетании с прибавкой собственных валютных резервов. Однако все же главным каналом расширения денежной базы, эмиссии «сильных денег» центральными банками в период после Великой рецессии 2008–2009 гг. выступает покупка ими ценных бумаг, выпускаемых правительством для финансирования бюджетного дефицита. Существенный вклад в выполнение функций центрального банка как эмиссионного центра страны вносит также масштабное кредитование им коммерческих банков для последующего предоставления последними дешевоющих кредитов фирмам и домохозяйствам. Известно, что эмиссионный доход всегда достается тому субъекту экономической системы, по отношению к которому центральный банк осуществляет свою первую транзакцию. В случае кредитования государства, коммерческих банков, различных институтов развития получателями сеньоража становятся те звенья народнохозяйственного организма, которые

способны обеспечить инвестиционный подъем своей страны. Но если эмиссия осуществляется под приобретение резервных валют, эмитируемых странами G7, то именно в их интересах реализуется функция центробанка как эмиссионного центра. В этом случае без финансовой подпитки государства остаются те инновационные производства, в развитии которых иностранный капитал не видит смысла для себя, вследствие чего их удельный вес в национальном хозяйстве закономерно сокращается – при адекватном возрастании доли сырьевых отраслей, снабжающих природными богатствами России американские и европейские высокотехнологичные компании. Отказываясь скупать правительственные облигации и наращивать масштабы кредитования коммерческих банков, предпочитая этим каналам денежной эмиссии канал валютный, Банк России продолжает работать в интересах не отечественной экономики, а экономики США, регулируемой ФРС.

Длительное время отвергая кредитный канал денежной эмиссии под реально существующие потребности развития национальной экономики, Банк России обречал банковскую систему нашей страны на карликовые, совершенно несопоставимые с масштабами отечественной экономики размеры. Несформированность механизма рефинансирования коммерческих банков поощряла наиболее успешных из их потенциальных клиентов на кредитование за рубежом с угрозой стремительного нарастания корпоративного долга нерезидентам.

Сознательно сформированный в этих условиях эмиссионный механизм, в рамках которого почти вся рублевая ликвидность проходит через каналы валютного рынка, закономерно переводит Россию в категорию стран мировой полупериферии. Как отмечает С. Глазьев, «политика привязки эмиссии рублей к приросту валютных резервов лишала российскую экономику внутренних источников кредита и поставила ее в полную зависимость от внешнего спроса и иностранного капитала» [1. С. 35]. Неслучайно объем располагаемых Банком России валютных резервов в пересчете на рубли оказывается значительно больше реально находящихся в обращении российских денег. При этом на 2017–2021 гг. был запланирован опять-таки крайне незначительный прирост денежной базы – всего от 4 до 6% в год. Все это выводило монетарную политику даже за рамки той наиболее консервативной модели, которая получила в мире название «валютное правление».

Давно пора было вывести Банк России из фактического подчинения ФРС США за счет координации его денежно-кредитной политики со структурной политикой российского правительства. Трудно не замечать того факта, что российские монетарные власти десятилетия не поднимались выше уровня английских колоний, жестко привязанных к метрополии. Охотно воспринимая рекомендации МВФ по проведению «ответственной» денежно-кредитной политики, сводящейся к поддержанию коэффициента монетизации заметно ниже

порогового значения экономической безопасности, они традиционно получают похвалы со стороны ФРС. Для органичного включения Банка России в механизм реализации прогрессивных структурных сдвигов посредством оптимизации предложения рублевой массы в стране сегодня остро требуется замещение валютного канала формирования денежного предложения двумя альтернативными каналами:

а) фондовым, состоящим в эмиссионной деятельности российского центробанка в обмен на покупаемые правительственные ценные бумаги сроком погашения не менее 10 лет. Именно такой фондовый канал денежной эмиссии плодотворно используется в целом ряде не только развитых стран, но и стран с развивающимися рынками, где де-факто «конечными покупателями быстрорастущего объема долговых обязательств выступают центральные банки» [15. С. 380]. Так, уже многие годы в США и Японии, отмечает М. Ершов, «на национальные облигации приходится 85–95% всей эмиссии (денежной базы) национальной валюты» [5. С. 48]. В рамках фондового канала центробанки в мировой практике выступают крупнейшими покупателями правительственных долговых бумаг. Так, в 2020 г. ФРС США приобрела около 52% вновь выпущенных казначейских облигаций [8. С. 85]. Конечно, в случае усвоения столь позитивного опыта финансовым властям нашей страны потребуется переход уже в 2022 г. от традиционного и запланированного на текущий год профицита федерального бюджета к его разумному дефициту, используемому в качестве действенного механизма роста российского ВВП и покрываемому долгосрочными займами не у банков и компаний, что через эффект вытеснения лишает экономику частных инвестиций, а непосредственно у центрального банка. В то время как в обстановке коронакризиса доля фондового канала денежной эмиссии еще более возросла в русле интенсификации курса на количественное смягчение, Банк России отчетливо заявил, что и в столь сложный период он не намерен приобретать облигации федерального займа, и будет продолжать делать акцент на валютный канал наращивания денежного предложения (мощность которого по понятным причинам резко снижается в случае кризисного удешевления сырья на мировых рынках);

б) кредитным, связанным с кредитованием им коммерческих банков, а через искусственно создаваемый у них профицит ликвидности – приоритетных внутренне ориентированных конечных отраслей и производств. Монетарным властям нашей страны следует как можно быстрее перенять в целом позитивный опыт ЕЦБ, который еще в 2016 г. ввел отрицательные реальные процентные ставки для частных банков, предоставляющих долгосрочные кредиты реальному сектору. В таком случае не банковские учреждения будут платить регулятору за взятые у него средства, а напротив, последний станет фактически предоставлять им субсидии в случае кредитной поддержки обозначенных свыше приоритетных отраслей отечественной экономики. Только в этом случае в стране

начнет формироваться комплексная монетарно-структурная политика, в рамках которой эмиссионная деятельность Банка России будет сопровождаться долгосрочным кредитованием национальных приоритетов развития отечественной экономики с плодотворным использованием мультипликативного эффекта и минимизацией инфляционных последствий такой денежно-кредитной экспансии. При задействовании кредитного канала целевая денежная эмиссия строго подчиняется приоритетам последовательной диверсификации национальной экономики, поскольку этот источник экономического прогресса целенаправленно оказывается в конечном счете у представителей тех отраслей и производств, в опережающем развитии которых в данный момент наиболее заинтересовано общество – высокотехнологичных представителей обрабатывающей промышленности или домостроительных комбинатов, университетов или больниц, строителей дорог и мостов или фундаментальной науки. Столь тесная связь монетарной и фискальной политики только и способна обеспечить реализацию конкурентных преимуществ той или иной страны, а также гарантировать ее реальный суверенитет путем уменьшения влияния факторов внешней среды и тем самым стимулировать ускорение экономического роста.

Надо признать, что в последние месяцы канал увеличения денежной массы через кредитование Банком России коммерческих банков начал уже использоваться. Он обеспечивает последующее предоставление ими кредитных ресурсов своим заемщикам (в том числе на льготной основе). Однако его важными дефектами выступают краткосрочный характер подобного кредитования, а также высочайшая его концентрация среди ведущих нефинансовых организаций нашей страны. Что же касается фондового канала, то в начале 2022 г. доля государственных долговых бумаг в активах российского центробанка не превышала 1%, и только после 21 марта обозначились с его стороны покупки ОФЗ, причем в строгом соответствии с российским законодательством, возможности которого долгие годы фактически не использовались.

Предлагаемое изменение господствующего канала эмиссионной деятельности Центрального банка РФ, укрепляющее внутренние источники монетизации и кардинально отрывающее ее от объема валютной выручки российских экспортеров, безусловно, способно отразиться на объеме золотовалютных резервов нашей страны, темп прироста которых замедлится (в годы высоких цен на нефть) или даже станет отрицательным (в случае падения этих цен, как это случилось в конце 2014 г. или в начале 2020 г.). Это может создать определенные трудности, например, при необходимости экстренного погашения совокупного российского внешнего долга. Однако подобные проблемы финансового сектора наверняка обернутся качественным улучшением состояния сектора реального (в плане восстановления некоего равновесия между добывающими и обрабатывающими отраслями), а также приведут к торможению инфляции

спроса, коль скоро Банк России лишится необходимости выпускать в обращение дополнительные рубли взамен изымаемой с рынка иностранной валюты без видимого роста товарного предложения. Обратной стороной последовательного повышения коэффициента монетизации отечественной экономики (с нынешних 40% до 50%, а затем и до 70%) станет постепенное сокращение скорости денежного обращения (с 2,5 до 2,0, а затем и до менее 1,4 оборотов в год), коль скоро улучшение воспроизводственной структуры национальной экономики выразится в опережающем наращивании инвестиций в отечественное машиностроение, фундаментальную науку и другие отрасли с длительным производственным циклом. Некоторое укрепление курса рубля замедлит рост цен на столь нужные отечественному конечному производителю импортные товары и услуги.

Так что соотношение макроэкономических выгод и потерь от предлагаемых изменений в механизме эмиссионной деятельности наверняка окажется в пользу первых. «Наращивание валютных резервов, – резонно замечает В. Маневич, – означает использование эмиссионного ресурса для вывоза капитала, тогда как кредитование внутренней экономики, правительства и банков равнозначно использованию эмиссионного ресурса для поддержания внутреннего агрегированного спроса, расширения кредитования, сокращения процентных ставок, наращивания инвестиций» [11. С. 28]. Давно пора прекратить ориентацию Банка России вовсе не на удовлетворение спроса всей отечественной экономики на деньги, а всего лишь на поддержание выгодного для экспортеров валютного курса (заниженного), его пассивное следование исключительно за внешнеэкономическими, а не внутрироссийскими факторами, определяющими денежное предложение. Примитивная функция валютного обменника, к которой, по сути, сведена деятельность Банка России, занимающегося прежде всего, замещением поступающих в страну долларов и евро российскими рублями, и передачей их сугубо сырьевикам-экспортерам, вряд ли соответствует истинной роли центробанка в современной экономике.

Укрепление фондового и особенно кредитного каналов прироста денежной базы рубля (в противовес наращиванию международных резервов, предпочтительно используемому Банком России в этих целях до последнего времени) призвано усовершенствовать структуру ВВП нашей страны за счет кардинального повышения в ней доли конечных товаров и услуг. Многолетний опыт Индии по целевой эмиссии рупий под приоритетные направления социально-экономического развития страны целесообразно перевести на российскую почву. Даже в условиях бюджетного профицита, наблюдавшегося в США в конце 1990-х гг., ФРС в интересах реализации запущенных государством инвестиционных проектов вовсе не спешила расставаться с огромными запасами казначейских облигаций, находившихся на ее балансе. И это не случайно. В условиях посткоронавирусного восстановления отечественной экономики расширение

кредитного канала денежной эмиссии становится еще более значимым способом координации денежно-кредитной политики российского государства с политикой структурной. Кроме нейтрализации угрозы инфляции спроса, кредитный канал способен гарантировать опережающее развитие приоритетных обрабатывающих отраслей. Но не только. И добывающие отрасли, обретая реальную возможность получения кредита по приемлемым ставкам в своей стране (а не за границей), получают возможность обновления своего основного капитала, но не за счет прежнего выбивания в коридорах власти права на включение в свои цены и тарифы некоей «инвестиционной составляющей», а гораздо более цивилизованными средствами — путем трансформации заемных средств, взятых в отечественных банках на длительный период, в конкретные инвестиционные проекты.

Таким образом, государственная структурная политика, ориентированная на нейтрализацию эффекта Гронингена, имеет два основных альтернативных варианта своей реализации и может использовать для осуществления своих целей либо оптимизацию обменного курса национальной валюты, обеспечивающую всемерное стимулирование экспорта со стороны отечественных предприятий и торможение притока импортных товаров на территорию страны протекционистскими мерами, либо нахождение оптимальных параметров бюджетно-налоговой политики, которая способствует диверсификации национальной экономики в направлении ускоренного развития обрабатывающих отраслей. Думается, что в современной российской альтернативе — либо регулярное ослабление рубля посредством соответствующей валютной интервенции, либо решительная модернизация торгуемых конечных отраслей и производств под влиянием соответствующих фискальных преобразований — предпочтение, бесспорно, должно отдаваться последнему варианту. Только его реализация способна обеспечить наивысшую результативность структурной политики, критерием которой выступает повышение мультипликатора добавленной стоимости с нынешних 1,5–2 до 6–7, а в перспективе и до 12–14. Поэтому еще только намечающийся при разработке путей преодоления автономной рецессии отход российских монетарных властей от привязки эмиссии рублей к приобретению иностранной валюты как тенденция последних лет нуждается в дальнейшем закреплении.

Литература

1. Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. 2009. № 3. С. 26–38.
2. Головин М.Ю. Новые тенденции участия России в международном движении капитала // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 6. С. 9–23.
3. Дробышевский С.М., Трунин П.В., Божечкова А.В. Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. 2018. № 11. С. 125–141.

4. *Ершов М.* Возможности роста в условиях валютных провалов в России и финансовых пузырей в мире // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 32–50.
5. *Ершов М.В.* Десять лет после глобального кризиса: риски и перспективы // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 37–53.
6. *Ершов М.В., Танасова А.С.* Мир и Россия: инфляция минимальна, экономический рост замедляется, риски повышаются // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 5–23.
7. *Илларионов А.* Платить или не платить? Альтернативные стратегии снижения бремени государственного внешнего долга // Вопросы экономики. 2001. № 10. С. 4–23.
8. Инфляция и денежная эмиссия (взгляд ЦБ Китая) // Экономист. 2021. № 10. С. 84–85.
9. *Маевский В.И., Рубинштейн А.А.* Концепция макроэкономической политики компромисса между инфляцией и ростом // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 4. С. 485–496.
10. *Маневич В.* Альтернативные стратегии преодоления стагнации и «новая модель роста» российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 121–137.
11. *Маневич В.* О роли монетарной и финансовой политики в России в период кризиса и после него // Вопросы экономики. 2010. № 12. С. 17–32.
12. *Мау В.* Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. 2019. № 3. С. 5–28.
13. *Мионов В.В.* Российская девальвация 2014–2015 гг.: падение в пропасть или окно возможностей? // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 5–31.
14. *Некиселов А.Д.* О ресурсном проклятии и его влиянии на тактику и стратегию экономического развития // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2. С. 205–210.
15. *Нестеров И.О.* Монетарная экспансия, фискальное стимулирование и международные резервы в системе национальных экономических интересов России: старые проблемы и новые вызовы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2021. Т. 37. Вып. 3. С. 371–394.
16. *Поливач А.П.* Интернационализация рубля: перспективы процесса и его потенциал в противодействии антироссийским санкциям // Российский экономический журнал. 2018. № 5. С. 73–85.
17. *Расков Н.* Внешнеторговые дисбалансы и валютная политика // Экономист. 2011. № 1. С. 33–41.
18. *Толкачев С.* Поиск модели неоиндустриализации России // Экономист. 2010. № 12. С. 26–43.
19. *Толкачев С.А., Комолов О.О.* Марксизм и учение об эквивалентном обмене в контексте современного мирового экономического кризиса // Вопросы политической экономии. 2019. № 2. С. 23–36.
20. *Турчановский Д.* Мировая финансовая система: на пути к новой модели? // Экономист. 2016. № 3. С. 55–62.
21. *Юрченко К.П., Савельева И.Н.* Восстановление ресурсозависимой экономики России: от «голландской болезни» к экономическому росту // Journal of New Economy. 2020. Т. 21. № 3. С. 28–47.

Sergey Kapkanshchikov (e-mail: kapkansv@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor,

Head of the Department of Economics

Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

**THE CENTRAL BANK OF RUSSIA FIGHTING THE “DUTCH DISEASE”:
THE EFFECTIVENESS OF THE POLICY CHOSEN IS QUESTIONNABLE**

The article questions the effectiveness of the mechanism traditionally used by Russia’s Central Bank to counteract the "Dutch disease" through the purchase of foreign currency from Russian exporters to prevent excessive strengthening of the ruble in an environment of high world oil prices. Revealing the strategic weaknesses of the currency channel of money emission that dominates in Russia, the author substantiates the need for a decisive transition to the stock and credit channels of money emission in order to ensure a reasonable diversification of the domestic economy.

Keywords: real effective exchange rate of the ruble, exchange rate protectionism, "Dutch disease", Bank of Russia, devaluation, currency, stock and credit channels of money emission, gold and foreign exchange reserves, structural policy.

DOI: 10.31857/S020736760021863-8

© 2022

Андрей Гальченко

ведущий инженер-конструктор АО «НПК «Конструкторское бюро машиностроения»

(г. Коломна, Россия)

(e-mail: koriaga20@mail.ru)

Алексей Тегин

кандидат технических наук, заместитель начальника отдела УК «Полус»

(г. Москва, Россия)

(e-mail: ategin@mail.ru)

Владилент Тегин

кандидат технических наук (г. Коломна, Россия)

(e-mail: vladilent@mail.ru)

АВТОРИТАРНЫЕ СТРАНЫ ЖИВУТ ЛУЧШЕ СВОИХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СОСЕДЕЙ

В статье проведено сравнение уровней благосостояния и экономической эксплуатации населения стран Мирового Экономического *Центра* (по И. Валлерстайну) со странами остального мира, имеющими демократические, авторитарные или гибридные режимы власти. Анализ результатов показал беспрецедентное превышение уровня благосостояния населения стран *Центра* над странами остального мира (в 4–7 раз). При этом жители последней группы стран подвергаются беспрецедентно большей (в 2–4 раза) экономической эксплуатации, вызванной неравноценным торговым обменом между *Центром* и *Периферией*. Кроме того, уровень благосостояния населения периферийных стран с демократическими режимами значительно ниже таких же периферийных стран с авторитарными режимами, причём уровень эксплуатации первых значительно выше. Наихудшие показатели по благосостоянию принадлежат периферийным странам с гибридными режимами.

Ключевые слова: демократия, авторитаризм, паритет покупательной способности (ППС), уровень эксплуатации, валовой внутренний продукт (ВВП) по ППС на душу населения, уровень благосостояния, *Центр*, *Периферия*, *Золотой Миллиард*.

DOI: 10.31857/S020736760021864-9

Главным врагом демократии в современном мире объявлен авторитаризм. После прихода к власти президента США Д. Байдена назначенный им глава Госдепа Э. Блинкен декларировал новый подход к ведению американской внешней политики: «Мы не будем продвигать демократию посредством дорогостоящих военных интервенций или попыток свержения авторитарных режимов силой. Мы пробовали эту тактику в прошлом. Какие бы благие намерения у нас ни были, это не сработало»¹.

¹ См. сообщение РИА Новости от 3.03.21 <https://ria.ru/20210303/demokratiya-1599822565.html>

Таким образом, Госдепартамент все же официально признал существование отрицавшейся до сих пор практики свержения, с помощью военной силы и интервенции правящих режимов в независимых государствах, причисляемых к «авторитарным», и даже высказал намерение отказаться от такой тактики в будущем из-за её неэффективности. Таким образом, с точки зрения внешне-политического ведомства США, признаки «авторитарности» государственного режима в стране и по сей день являются достаточным основанием для вмешательства в ее внутренние дела. Перечень новых инструментов, разрешённых для такого вмешательства, официально не декларируется, но существует понимание того, что военная сила и интервенция останутся в обойме политики США, если откроются перспективы повышения эффективности их использования. Следует понимать и то, что все остальные «нелетальные» способы воздействия США на внутреннюю политику независимых стран, причисленных к так называемым «автократиям», будут усилены (санкционное давление, подрывные экономические действия, финансирование «домашней» оппозиции, координация её действий, провоцирование третьих стран на враждебные действия, нелегальные поставки вооружений и т.п.).

Какие же государства, по мнению правящих элит США и «коллективного Запада», имеют авторитарные, а какие — демократические режимы? Обратимся к «статистическим столпам» их демократии — организациям *Economist Intelligence Unit* и *Freedom House*.

При схожести позиций их отличие в основном состоит в методологии определения «показателей демократии». Наиболее свежие из имеющихся данных принадлежат исследовательской организации *Economist Intelligence Unit* (Лондон, Британия). Они получены методом специального опроса неких экспертов, в результате чего определяется *индекс демократии* (англ. *Democracy Index*) для каждой страны мира. Результаты активно цитируются в масс-медиа, а также в рецензируемых научных журналах. Этот индекс оценивается по пяти категориям: *избирательный процесс и плюрализм, гражданские свободы, функционирование правительства, участие в политической жизни, политическая культура*. Таким образом, несмотря на название организации, больший упор делается на общественное мнение и отношения, измеряемые по результатам опросов, а не на экономический уровень жизни, который как один из критериев демократии, практически не рассматривается.

Согласно *Economist Intelligence Unit*, по «индексу демократии» все страны мира (см. Рис. 1, табл. 1) делятся на «полноценные (либеральные) демократии», «несовершенные (нелиберальные) демократии», «гибридные режимы», «авторитарные режимы (автократии)», причем к «демократическим» странам отнесены такие, как Бразилия, Великобритания, Израиль, Испания, Колумбия, Латвия, Намибия, Польша, США, Франция, Эстония, ЮАР, а к «авторитарным» — Китай, Россия, и многие другие государства. Оставим объективность

этих оценок на совести организации *Economist Intelligence Unit*, ибо нам важнее то, что такая позиция выражает консенсус западных (и отечественных) либеральных элит (и их влиятельных институциональных структур) по этому вопросу.

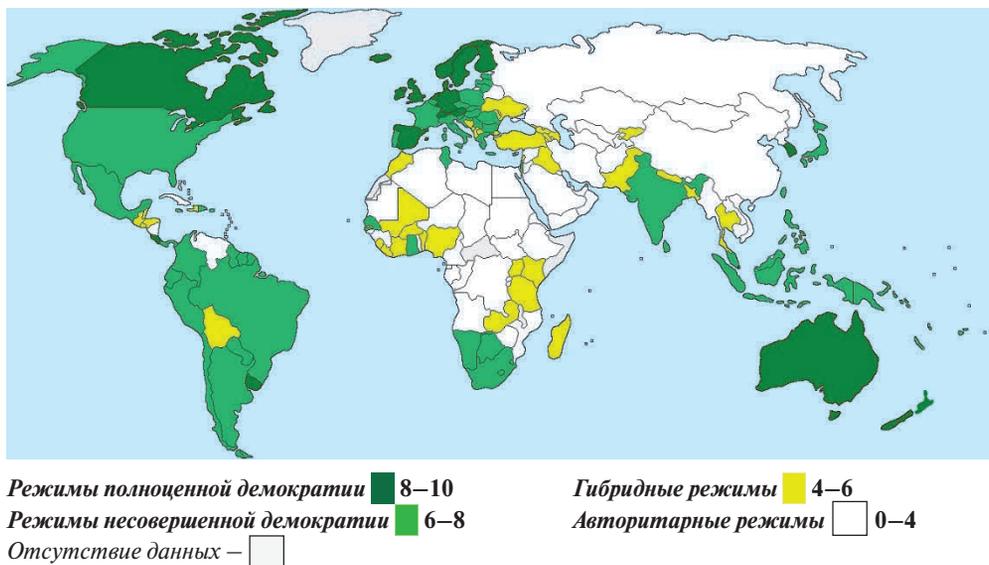

Рис. 1. Страны мира по индексу демократии
(по данным *Economist Intelligence Unit* на 2019 г.) [8, 9].

Другая неправительственная организация — *Freedom House* — ещё в 2009 г. в отчёте «Подрыв демократии: авторитарные страны XXI века» обвинила, в первую очередь, Китай, Иран, Россию и Венесуэлу в использовании природных богатств и влияния для противодействия глобальной демократии и главенству закона. По мнению авторов отчёта, эти страны «активно подрывают демократию как внутри своих границ, так и за их пределами»: «Политики, судя по всему, не могут правильно оценить опасность, которую представляют эти авторитарные системы XXI века для демократии и главенства закона во всем мире»; «авторитарные режимы обесценивают международные нормы и стандарты, выработанные демократическим миром за последние несколько десятилетий, грозя экспортом нестабильности и нарушений, которые порождают их системы», — указывалось в отчете. В резюме демократическим странам предлагалось объединить усилия в борьбе против авторитарных тенденций и принять новые меры для защиты и развития демократических институтов. Такие выводы, на наш взгляд, являются ярким примером идеологического обоснования всё новых и новых враждебных действий коллективного Запада, прежде всего, в отношении государств-лидеров остального мира.

Кроме того, современная западная научная политология во многом базируется на идеях американского социолога и политолога С. Хантингтона (1927–2008 гг.)

(продолжившего направление исследований, ранее разрабатывавшееся Н. Данилевским (1822–1885 гг., О. Шпенглером (1880–1936 гг.) и А. Тойнби (1889–1975 гг.) и выдвинувшего концепцию существования в мире восьми цивилизаций, в основе которых лежат соответствующие религии [6]). По его мнению, именно межцивилизационные проблемы в международных взаимоотношениях постепенно выходят на первое место, а «границы между цивилизациями почти полностью соответствуют пределу, до которого идут страны в защите прав человека». Альянс цивилизаций Запада и Японии — полностью за права человека. Из остальных цивилизаций (православно-славянской, конфуцианской, исламской, индуистской, латиноамериканской, африканской) Латинская Америка, часть Африки, Россия, Индия защищают лишь некоторые из этих прав; Китай, многие азиатские страны и большинство мусульманских обществ в самой меньшей мере оберегают права человека [6]. Параллельно с правами человека С. Хантингтон в том же ключе рассматривал проблемы распространения вооружений и иммиграционных процессов. По поводу ведущей роли США им сказано следующее: «В мире, где не будет главенства Соединённых Штатов, будет больше насилия и беспорядка и меньше демократии и экономического роста» [12. С. 83].

Именно с таких позиций «демократические режимы» в своё время и открыто, и тайно использовали разнообразные военные и финансовые возможности для уничтожения государственных систем (по их мнению, «авторитарных») в СССР, Восточной Европе, Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и далее по всему миру. Однако в настоящее время более трети населения планеты проживает в странах с режимами, причисляемыми к «авторитарным», в то время как сегодняшние инициативы агрессивной борьбы за «демократию» в подавляющем числе случаев исходят из стран, суммарно представляющих вдвое меньшую часть человечества (к тому же неуклонно сокращающуюся в процентном отношении). Таким образом, некое абсолютное меньшинство государств, ещё вчера бывших мощными колониальными империями, «учат» демократии весь остальной мир (включая свои бывшие колонии), не стесняясь при этом запугивать несогласных.

Сравним теперь экономики «демократий» и «авторитарных режимов». Будем исходить из того, что в соответствии с мир-системной теорией известного американского политолога и социолога И. Валлерстайна [1, 2] все страны мира по экономическим показателям можно разделить на две категории: страны Мирового Экономического Центра (далее — Центра) и страны Периферии / Полупериферии. Центр включает в себя (см. рис. 2) Австралию, Великобританию, Израиль, Канаду, Новую Зеландию, Норвегию, США, Швейцарию, Японию, страны ЕС (за исключением младоевропейцев, а также Греции, Португалии). В 80-е годы прошлого века к нему присоединилась ещё Ю. Корея, Ирландия, Сингапур [5]. Сравним рисунки 1 и 2 и заметим, что как бы по странному совпадению *ВСЕ страны Центра сегодня причисляются к «демократиям»*. *Практически ВСЕ бывшие колониальные империи входят в состав этого самого Центра и именно они стали его «демократическими» основателями и базисом.*

Рис. 2. Деление мира на страны *Центра*, *Полупериферии* и *Периферии* в 70-х годах XX века по И. Валлерстайну

Примечание: с того времени к странам Центра добавились Ирландия, Ю. Корея, Сингапур.

Количественными индикаторами принадлежности к странам *Центра* являются величина показателя паритета покупательной способности населения страны (ППС) [7] (требуется, чтобы она была менее 1,4 [5]), а также показатель номинального валового внутреннего продукта (ВВП на душу населения (требуется более 30 тыс. долл. на человека (для 2018 г.)). Страны *Центра* осуществляют совместную институциональную ценовую политику (и соответствующую ей союзную геостратегию), в результате которой стоимость их промышленной продукции к настоящему времени в 2–4 раза превосходит стоимость продукции остального мира [3–5]. Соответственно, справедливым представляется вывод о существовании особой «привилегированной» экономики стран *Центра*, функционирующей на основе этого геополитического альянса. Искусственно завышенные цены на промышленную продукцию создают избыток финансовых средств, обеспечивающих для стран мирового экономического Центра достаточно высокий уровень жизни, что позволяет обеспечивать политическую пассивность собственных избирателей и привлекать перспективные кадры из других стран.

Эти же финансовые возможности до сих пор поддерживают опережающее развитие науки и технологий стран Центра, а это в свою очередь позволяет выйти на новый виток накопления прибылей и стратегических военных ресурсов. В связи с явным обособлением двух мировых экономико-политических моделей было сделано заключение о невозможности адекватного сравнения основных экономических характеристик между странами *Центра* и странами остального мира [3–5]. Поэтому для начала нам придётся провести сравнения экономик стран демократии и авторитаризма отдельно в этих двух категориях.

Кроме того, к геостратегическому массиву стран *Центра* целесообразно добавить Аравийские монархии (плюс во многом схожее с ними королевство Бруней), контролирующие мировые поставки нефти и газа, чтобы охарактеризовать этот местный альянс знакомым всем термином – Страны Золотого Миллиарда (*СЗМ*).

В качестве сравниваемых характеристик рассмотрим показатели Π (ВВП по ППС на душу населения и сам ППС (см. табл. 1. С этого момента *параметр Π* (с некоторыми оговорками будем считать показателем уровня благосостояния населения страны, а ППС в данном случае станем рассматривать как индекс, характеризующий уровень экономической эксплуатации населения страны (в сравнении с США). Заметим, что более простой схожий параметр номинального ВВП на душу населения не может быть признан полноценным показателем уровня благосостояния в связи с тем, что благосостояние зависит не только от уровня доходов, но от уровня расходов. И это противоречие должно, согласно теории паритетов [7], устраняться с применением ППС (т. е. привлечением параметра Π).

Дополнительно аргументируем представление ППС в качестве характеристики уровня экономической эксплуатации населения страны. Так, цена производства фиксированного набора товаров на территории США принимается за условную единицу (в долларах), а в других странах имеет величину $(1 / \text{ППС})$. Следовательно, у периферийных стран (в которых значение ППС заметно больше 1,0), один и тот же набор товаров всегда оказывается в производстве соответственно дешевле, чем в США. Таким образом, производитель в этих странах в сравнении с коллегой из США недополучает $(\text{ППС} - 1) \times 100\%$ на каждый заработанный доллар. При значении ППС, равном 2, (типичном для наиболее благополучных стран *Периферии*), недоплата составит минус 100% – величину, равную заработку производителя. В этом случае при обмене товарами покупатель из *Периферии* будет вдвое переплачивать продавцу, так как за условную единицу объёма товара США страна *Периферии* вынуждена будет отдать условную единицу объёма собственного товара, умноженную на величину ППС. Значит, половину трудозатрат какой-либо страны с *Периферии* безвозмездно получают США при их обоюдной торговле. В этом и состоит суть неэквивалентного обмена, или, другими словами, – оценки трансграничной экономической эксплуатации стран *Периферии*. Для того чтобы такой обмен состоялся, усилиями *СЗМ* поддерживается монополия в определённых областях материального производства товаров, жизненно необходимых всему остальному миру. Подобный неэквивалентный обмен пока что господствует на внешнем рынке. Например, недоплаты некоторым странам при подобном обмене с США составляют, по данным МВФ [5, 7, 11, 13], около: 10% – Великобритания, Германия, Франция, Япония; 40% – Греция; 60% – Чехия; 90% – Китай; 100% – Венгрия; 110% – Польша, Мексика, Саудовская Аравия; 120% – ЮАР; 150% – Россия; 200% – Беларусь, Турция; 230% – Украина; 290% – Индия; 360% – Египет. В пользу представленной оценки свидетельствует также и следующая выдержка

из книги известного апологета глобализации, трёхкратного лауреата Пулитцеровской премии, члена Американского философского общества, журналиста Томаса Фридмана: «когда транснациональные корпорации привлекают рабочую силу в развивающихся странах, они обычно не только экономят 75% на зарплате, но и приобретают 100%-ное увеличение производительности» [10].

Таблица 1

Классификация государств СЗМ и остального мира по индексу демократии(по данным *Economist Intelligence Unit* на 2019 г.) [5, 8, 9, 11, 13]

Индекс демократии	8–10	6–8	4–6	1–4
Тип гос. режима	Полноценная либеральная демократия	Несовершенная демократия	Гибридный режим	Авторитарный режим (автократия)
Государства <i>Стран Золотого Миллиарда</i>	Норвегия, Исландия, Швеция, Н. Зеландия, Дания, Канада, Ирландия, Финляндия, Австралия, Швейцария, Нидерланды, Люксембург, Германия, Великобритания, Австрия, Испания, Респ. Корея.	Япония, США, Франция, Израиль, Бельгия, Италия, Гонконг.		Кувейт, Катар, Оман, Джибути, ОАЭ, Бахрейн, Бруней.
Население, (млн чел.)	469 (6,0% населения мира)	539 (6,9% населения мира)	0	58 (0,8% населения мира)
П (тыс. долл./чел.) (благосостояние)	47,69	54,11		61,22
ППС (эксплуатация)	1,1	1,06		2,23

Государства, не входящие в альянс <i>Стран Золотого Миллиарда</i>	Уругвай, Коста-Рика	Чили, Кабо-Верде, Португалия, Ботсвана, Тайвань, Кипр, Литва, Словения, Латвия, Эстония, Греция, ЮАР, Индия, Восточный Тимор, Тринидад и Тобаго, Словакия, Панама, Болгария, Ямайка, Аргентина, Бразилия, Колумбия, Малайзия, Филиппины, Польша, Гайана, Лесото, Венгрия, Гана, Перу, Хорватия, Доминикана, Индонезия, Монголия, Тунис, Сербия, Румыния, Сингапур, Эквадор, Намибия, Парагвай, Мексика, Шри-Ланка, Сенегал, Папуа.	Албания, Сальвадор, Сев. Македония, Молдавия, Фиджи, Бенин, Черногория, Боливия, Украина, Гондурас, Замбия, Уганда, Гватемала, Бангладеш, Грузия, Мали, Танзания, Либерия, Бутан, Мадагаскар, Киргизия, Кения, Марокко, Босния и Герцеговина, Гаити, Армения, Буркина-Фасо, Сьерра-Леоне, Ливан, Таиланд, Нигерия, Непал, Палестина, Турция, Гамбия, Пакистан, Кот-д'Ивуар, Ирак.	Иордания, Мозамбик, Мьянма, Мавритания, Нигер, Коморы, Никарагуа, Ангола, Габон, Камбоджа, Алжир, Египет, Руанда, Эфиопия, Китай, Респ. Конго, Камерун, Венесуэла, Зимбабве, Гвинея, Беларусь, Того, Вьетнам, Свазиленд, Куба, Россия, Казахстан, Азербайджан, Иран, Лаос, Эритрея, Бурунди, Судан, Узбекистан, Гвинея-Бисау, Таджикистан, Саудовская Аравия, Экваториальная Гвинея, Туркмения, Чад, Д.Р. Конго, КНДР, Ливия.
Население, (млн чел.)	8 (0,1% населения мира)	2730 (35,1% населения мира)	1297 (16,7% населения мира)	2648 (34,1% населения мира)
П (тыс. долл./чел.) (благополучие)	20,29	11,87	7,34	14,16
ППС (эксплуатация)	1,42	3,19	3,15	2,57

Сравнивая экономику «демократий» и «авторитарных режимов» (см. табл. 1), мы учитываем, что «демократии» мира делятся на две неравных категории: меньшую – из жителей *СЗМ* и большую – из демократических стран *остального мира (ОМ)*; из таблицы видно, что «демократии» стран *ОМ*, живут в 4 раза хуже, а эксплуатируются в 3 раза больше своих идейных соратников из *СЗМ*. А вот страны с «авторитарным режимом» в *ОМ* живут на 20% богаче «демократических» в *ОМ*, а эксплуатируются почти на 30% меньше. Получается, что *демократия, навязываемая СЗМ, слишком дорого обходится странам ОМ*. Отметим при этом, что ведущие страны «авторитарного сектора» *остального мира* (Россия, Китай, Иран и др.) десятки лет находятся под санкциями альянса *СЗМ* и, следовательно, если бы эти санкции отсутствовали, успехи названных стран в повышении благосостояния граждан были бы более впечатляющими. Напрашивается вывод о том, что такой «авторитаризм» является защитной реакцией стран *ОМ* на неокOLONиальную экономическую, информационную, психологическую и военную агрессию альянса *СЗМ*. Возможно, демократии внутри подсанкционных стран было бы гораздо больше, если бы не внешние обстоятельства, вынуждающие к такому ответу. Кстати, эти же ведущие страны «авторитарного сектора» являются и ведущими странами всего *ОМ* (т.е. большей части всего человечества, в основном сконцентрированного в «недемократических» государствах).

Однако хуже демократии для стран *ОМ*, как показывает таблица, может быть только «гибридный режим» («демократический авторитаризм», или «авторитарная демократия»), при котором благосостояние граждан оказывается уже в 7 раз ниже, чем в *СЗМ* при максимальном уровне эксплуатации.

С достаточным основанием можно высказать предположение, что так называемая глубокая демократия ослабляет защитные институциональные структуры государств, проникая внутрь и, подобно вирусу, принося с собой вредоносные установки и программы, противодействующие отлаженной дисциплине и контролю над институциональными процессами. В результате этого вполне демократические страны *ОМ* легче принуждаются к проведению невыгодной для их собственных народов экономической политики. Демократические режимы оказываются более податливыми при внешнем неформальном, но целенаправленном и скоординированном воздействии консолидированных мировых финансовых структур, когда руководящим органам государств «мягко» навязываются несвойственные и часто непонятные им стратегии управления. По-видимому, в этом следует искать и причину «бесцветности» высшего политического руководства западных стран, отсутствие ярких национальных лидеров масштаба Шарля де Голля и Вилли Брандта.

Подведём некоторые итоги. Судя по явному отсутствию преимущества в уровне благосостояния по сравнению с «автократиями», чисто экономическая успешность «демократий» выглядит более чем сомнительной. Есть все основания

полагать, что обвинения в авторитаризме используются альянсом *СЗМ* как предлог для введения незаконных экономических санкций и применения военной силы против ряда стран с целью ослабления или устранения конкурентов на глобальном рынке; сам термин «авторитаризм» при этом используется не столько в научном смысле, сколько в качестве ярлыка для развязывания политической травли. В то же время, по-видимому, в наиболее влиятельных СМИ «стран золотого миллиарда» имеется идеологическое табу на аналогичные упреки в адрес собственных правительств (за исключением критики косметического характера). Исключением до сих пор являлись Аравийские монархии. Не признать их автократиями невозможно, они остаются сегодня квинтэссенцией понятия «авторитаризма». Но идеологическое табу на критику против них пока что тщательно соблюдается.

Тем не менее среди стран остального мира «автократии» живут лучше других, они также подвергаются меньшей эксплуатации извне. Для понимания этого факта достаточно убедительного сравнения экономических показателей крупнейшего лидера «демократического» сектора стран «остального мира» – Индии (условный показатель благосостояния в 2018 г. $P=7900$ \$/чел., условный показатель эксплуатации $ППС=3,86$) с крупнейшим лидером «авторитарного» сектора стран остального мира – Китаем ($P=18100$ долл./чел., $ППС=1,89$). Граждане такой «авторитарной» страны живут, условно говоря, вдвое богаче «демократической», а подвергаются эксплуатации втрое меньше. Комментарии излишни. Для сравнения приводим экономические показатели лидера *СЗМ* – США ($P=62900$ долл./чел., $ППС=1$). Как нами ранее было показано, альянс *Стран Золотого Миллиарда* – это своеобразное «Акционерное Общество закрытого типа», и попасть туда – чрезвычайно дорогостоящая мечта, фактически несбыточная для любой страны остального мира.

Литература

1. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века // М., 2003.
2. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение // М. Территория будущего. 2006.
3. Балабан Е.И., Гальченко А.В., Тегин В.А. Динамическое равновесие цен на материальную высокотехнологичную продукцию в рамках ценометрической парадигмы // Общество и экономика. 2018. № 7.
4. Балабан Е.И., Гальченко А.В., Тегин В.А. Ценометрическая парадигма в практике экономического прогнозирования // Экономическая наука современной России. 2017. № 1.
5. Гальченко Ал., Гальченко Ан., Тегин В. О корректности определения ВВП стран мирового экономического центра // Общество и экономика. 2021. № 4.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1.
7. Черёмухин А. Паритет покупательной способности, причины отклонения курса рубля от паритета в России // М. Институт экономики переходного периода. 2004.
8. Democracy Index 2018: Me too? Political participation, protest and democracy. The Economist Intelligence Unit (The EIU. Дата обращения: 25 января 2019.

9. EIU Democracy Index 2020 – World Democracy Report. www.eiu.com. Дата обращения: 4 февраля 2020.
10. Friedman T. The World is Flat. Ailen Lain / Farrar Strauss Giroux. 2005.
11. GDP based on purchasing-power-parity (PPP per capita. // IMF (14.04.2020)
12. Samuel P. Huntington. Why International Primacy Matters // International Security. Spring, 1993.
13. Level of GDP per capita. // IMF (27.05.2020)

Andrey Galchenko (e-mail: koriaga20@mail.ru)

Leading Design Engineer, JSC "NPK "Design Bureau of Mechanical Engineering" (Kolomna, Russia)

Alexey Tegin (e-mail: ategin@mail.ru)

Ph.D. in Engineering, Deputy Head of Department, MC «POLYUS», (Moscow, Russia)

Vladilen Tegin (e-mail: vladilent@mail.ru)

Ph.D. in Engineering, (Kolomna, Russia)

“AUTHORITARIAN” COUNTRIES LIVE BETTER THAN THEIR PERIPHERAL “DEMOCRATIC” NEIGHBORS

The article compares the levels of welfare and economic exploitation of the population of the countries of the *World Economic Center* (according to I. Wallerstein) with the countries of the rest of the world that have political systems labeled as “democratic”, “authoritarian” or “hybrid”. The analysis of the results has shown a sharp excess of the living standard of the population of the countries of the *World Economic Center* over the countries of the rest of the world (4–7 times). Besides, the inhabitants of the latter group are subjected to an unprecedentedly greater (2–4 times) economic exploitation caused by an unequal trade exchange between the *Center* and the *World Economic Periphery*. In addition, the living standard of the population of peripheral countries with “democratic” regimes is significantly lower than that of peripheral countries with “authoritarian” regimes, and the level of exploitation of the former is significantly higher. The worst welfare rates are in peripheral countries with hybrid regimes.

Keywords: democracy, authoritarianism, purchasing power parity (PPP), level of exploitation, gross domestic product (GDP) for PPP per capita, welfare rate, *World Economic Center*, *World Economic Periphery*, *Golden Billion*.

DOI: 10.31857/S020736760021864-9

© 2022

Ван Цзилу

аспирант Московской Школы экономики (МШЭ) Московского государственного Университета имени М.В. Ломоносова

(г. Москва, Россия)

Генеральный директор ООО «КНШНК Энергетические технологии и сервис рус»

(г. Москва, Россия)

(e-mail: Wangjl200203@mail.ru)

ИНВЕСТИЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ И РОССИИ В УСЛОВИЯХ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

В статье описываются трансформации инвестиционно-экономического сотрудничества Китая и России в условиях украинского кризиса. Информационную базу статьи составляют данные собственного эмпирического исследования, а также информационно-аналитических источников. В статье делается вывод о расширении возможностей китайско-российского сотрудничества в сфере двустороннего товарооборота, малого и среднего бизнеса на российском рынке, о будущем преобладании китайских инвестиционных потоков в РФ, с одной стороны, и о возникновении новых рисков в крупном инвестиционном поле в области энергетики и в сфере экспорта нефти в Китай, с другой.

Ключевые слова: украинский кризис, китайско-российское сотрудничество, товарооборот, экспорт нефти, инвестиции, энергетический сектор.

DOI: 10.31857/S020736760021137-9

Украинский кризис, обострившийся в феврале 2022 года, привел к существенным трансформациям в политической, экономической, социальной и культурной жизни мирового сообщества. Он коренным образом изменил направления международного сотрудничества и, безусловно, повлиял также на развитие китайско-российских отношений в разных сферах, в том числе и в сфере инвестиций. Это влияние имеет как положительные, так и отрицательные стороны: вследствие кризиса появляются новые возможности для развития китайско-российского сотрудничества и возникают новые риски.

Как известно, после введения странами Запада антироссийских санкций в 2014 г. была разработана новая внешнеполитическая стратегия России “Поворот на Восток”, значение которой к настоящему времени выросло и укрепилось. С одной стороны, потеря рынков сбыта не только энергоресурсов, но и других товаров в Европе вынуждает РФ переориентироваться на азиатские рынки. С другой стороны, уход ряда европейских и американских компаний с российского рынка способствует расширению азиатского бизнеса, в частности китайского, в России.

В связи с этим китайско-российский товарооборот за период январь-апрель 2022 года вырос почти на 26% по сравнению с тем же периодом в 2021 году¹. Таким образом, согласно данным Главного таможенного управления КНР на 09.05.2022, товарооборот составил 51,09 млрд долл. Экспорт из России в Китай увеличился на 37,8% за анализируемый период, что составило 30,8 млрд долл.; экспорт из КНР в Россию также увеличился на 11,3% и составил 20,2 млрд долл. Однако, по мнению ряда специалистов, такой резко возросший сырьевой экспорт может сдерживаться «пропускной способностью железных дорог, трубопроводов и портовых терминалов» [1]. Более того, встает вопрос о необходимости ускоренного развития соответствующей инфраструктуры на Дальнем Востоке. По мнению директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, члена РСМД В. Кашина, этот регион, вероятно, придется развивать с «привлечением китайских инвестиций и китайских компаний, учитывая важность максимальных темпов» [1].

В сфере экспорта нефти из России в Китай разворачивается следующая тенденция: государственные компании Китая не приостанавливают существующие контракты на поставки нефти, однако пока не торопятся с заключением новых. Такой вывод эксперты *Reuters* сделали на основании отказа от участия компаний *PetroChina*, *Sinopec*, *Sinochem* и *CNOOC* в торгах российской нефтью с поставками в мае [4]. По заявлению представителей компании *Sinopec*, несмотря на то, что российская нефть продается им с большим дисконтом, она сталкивается с проблемами при оплате по сделкам и страховании отгрузок.

Что касается инвестиционного сотрудничества, то согласно исследованию², проведенному среди китайских инвесторов и предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в энергетическом секторе РФ, для Китая открываются новые возможности в развитии китайско-российского инвестиционного сотрудничества на фоне украинского кризиса. По мнению участников исследования, во-первых, снизились «барьеры входа в энергетический сектор России для китайских компаний» после введения санкций в отношении РФ со стороны стран Запада. Они полагают, что ТЭК РФ становится менее монополизированным.

Более того, согласно китайским предпринимателям, участвующим в исследовании, постепенное увеличение расчетов в юанях и использование системы «*UnionPay*» являются хорошей гарантией стабилизации системы расчетов, снижения валютных рисков и расширения операций. Кроме того, по данным

¹ Товарооборот России и Китая вырос на 25,9 процента, РИА НОВОСТИ, 2022. URL: Товарооборот России и Китая вырос на 25,9 процента - РИА Новости, 09.05.2022 (ria.ru) (дата обращения: 10.05.2022).

² Опрос проводился среди китайских инвесторов и предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в энергетическом секторе РФ. Опрос рассылался по электронной почте представителям китайских энергетических компаний на китайском языке с последующим переводом на русский. Всего в опросе приняли участие 80 человек – представителей китайского бизнеса. Дата проведения опроса – апрель 2022 года. Составителем опроса является автор настоящей статьи.

российской общественно-политической газеты “Коммерсантъ”, бизнес-клиенты российских банков стали открывать счета в китайской валюте [3]. В банке «Тинькофф» на счетах юридических лиц с начала 2022 года объемы денежных средств в юанях возросли в восемь раз, в МТС-банке – в четыре раза [3]. В настоящее время предполагается, что транзакции в юанях более надежны. Вдобавок количество сделок на Московской бирже в рубль-юанях почти в два раза больше чем в доллар-рублях, хотя объем их небольшой. Всё это свидетельствует о возросшей активности торгов с использованием китайской валюты.

Китайские энергетические компании, которые приняли участие в исследовании, заявили о существующей возможности расширяться, заняв место ушедших с российского рынка американских и европейских компаний, – так сказать, «заполнить пробелы». При этом они сами обозначили проблему, которая мешает им сделать это полноценно: несмотря на то, что Китай повышает стандарты своей продукции и санитарно-гигиенические условия производства, в России по-прежнему считают китайскую продукцию и услуги низкокачественными и нередко делают выбор в пользу товара/услуги другого производителя. В связи с этим китайские предприниматели высказались о готовности соответствовать повышенным требованиям. При этом они с энтузиазмом подчеркнули, что «по мере ужесточения западных санкций в отношении России признание китайской продукции и услуг стало расти в РФ». И, как отметил В. Кашин, директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ, «во многих сферах китайские партнеры вполне способны заменить западных поставщиков – иногда с умеренной потерей качества, иногда без неё» [1].

В целом, около 65% китайских инвесторов и предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в энергетической сфере РФ, сохраняют желание продолжать инвестировать в Россию и вести предпринимательскую деятельность в этой стране, несмотря на существующую геополитическую обстановку. Кроме того, более половины китайских предпринимателей (59%) желают наращивать объемы инвестирования и расширять бизнес в России. Однако, по их мнению, при сильном ухудшении геополитической ситуации «в краткосрочной перспективе крупные китайские компании могут временно приостановить бизнес в России и занять выжидательную позицию», о чем свидетельствуют ниже следующие данные.

На фоне обострившегося украинского кризиса 2022 года и нововведенных санкций со стороны стран Европы и США в отношении России, три крупнейшие нефтегазовые компании *Sinopet*, *CNPC* и *CNOOC* временно отказались инвестировать в российские активы [5]. До сегодняшнего дня они являлись участниками крупнейших инвестиционных энергетических проектов России (табл. 1). Так, например, одним из последних проектов является завод по производству сжиженного газа «АрктикСПГ-2» – совместное предприятие *CNPC*,

CNOOC и ПАО «Новатэк», где доли китайских партнеров *CNPC* и *CNOOC* – по 10% акций, а у российской ПАО «Новатэк» – 80%³.

Таблица 1

Крупнейшие инвестиционные проекты китайских ТНК в российском энергетическом секторе (2010–2019 гг.)

Год	Объем инвестиций (млн. долл США)	Китайская ТНК	Российский партнер	Подсектор
2010	170	Three Gorges	EuroSibEnergo	Гидроэнергетика
2011	2290	Three Gorges	EuroSibEnergo	Гидроэнергетика
2012	590	Huadian	TGC-S	Электроэнергия
2013	1140	State Grid	Sintez	Электроэнергия
2013	460	Shenhua	En+	Уголь
2013	620	CNPC	Rosneft	Нефть
2014	990	CNPC	Vankorneft	Нефть
2014	1460	Power Construction Corp.	RusHydro	Гидроэнергетика
2014	450	Harbin Electric	«Altai Condensing Power Plant» LTD	Альтернативная энергетика
2014	940	CNPC	Novatek	Газ
2015	1210	SAFE	Novatek	Газ
2015	1340	Sinopec	Sibur	Газ
2016	1080	Beijing Enterprises	Verkhnechonskneftegaz	Газ
2016	1150	SAFE	Sibur	Газ
2017	500	CEFC	EN+	Газ
2017	100	CIC	Eurasia Drilling	Нефть
2019	4040	CNPC, CNOOC	Novatek	Газ

Источник: Русак Н.А. Россия и Китай: от торговли энергоресурсами к инвестиционному сотрудничеству // Neftegaz.RU. 2020. URL: Россия и Китай: От торговли энергоресурсами к инвестиционному сотрудничеству – Международные отношения – Статьи журнала (neftegaz.ru) (дата обращения: 13.10. 2022).

Итак, компания *Sinopec* замораживает совместный проект с нефтегазохимической компанией «Сибур» по строительству газохимического завода с потенциальным размером инвестиций до 500 млн долл. из-за санкций, наложенных на члена совета директоров и миноритарного акционера «Сибура» Г. Тимченко. К тому же *Sinopec* отказалась «создавать совместное предприятие с компанией «Новатэк» по продаже газа из-за санкций против Сбербанка, который является

³ Фадеева А. Китайцы стали крупнейшими иностранными инвесторами завода НОВАТЭКА. Почему 20% «Арктик СПГ-2» достались CNPC и CNOOC // РБК, 2019. URL: <https://www.rbc.ru/business/25/04/2019/5cc19b4b9a794744f3d7b676?> (дата обращения: 13.10.2022).

одним из акционеров компании» [5]. По мнению специалистов, это связано с тем, что санкции угрожают прекратить финансирование проекта главными кредиторами, среди которых Сбербанк и европейские кредитные агентства, и кроме того — с риском возможных санкций в отношении Китая со стороны Запада за пролонгирование экономического сотрудничества с Россией [3]. Однако такое приостановление все же рассматривается как явление временное.

Если абстрагироваться от энергетической сферы, то в целом можно сказать, что китайские компании являются самой большой группой, которая продолжила работать в обычном режиме и не предприняла никаких отрицательных действий в отношении России на фоне украинского кризиса [6]. Эти компании составляют около 20% от всех компаний, воздержавшихся от негативной риторики в отношении РФ. Более того, согласно исследованию Йельской школы менеджмента, из 200 компаний, которые полностью прекратили сотрудничество с Россией или сразу покинули страну, нет ни одной из Китая, за исключением нескольких крупных китайских банков, таких как *ICBC*, у которых не было выбора, поскольку продолжающиеся санкции Запада в отношении России, фактически отрезавшие страну от международной банковской системы, исключили бы и крупные китайские финансовые учреждения из нее. Кроме того, попытки ухода китайских компаний воспринимаются резко негативно китайской общественностью, что свидетельствует о широкой поддержке России среди китайского населения. Так, например, заявление об уходе приложения для заказа такси *Didi* с российского рынка вызвало сильную негативную реакцию со стороны китайской общественности в Интернете. Ее представители обвинили компанию в том, что она подверглась сильному давлению США, в результате чего *Didi* была вынуждена заявить, что продолжит работу в России⁴. Таким образом, представители Йельской школы менеджмента считают, что будущее инвестиционных потоков России определено присутствием прежде всего китайских компаний на российском рынке.

Основными рисками китайско-российского сотрудничества, как уже было сказано ранее, являются риски введения санкций со стороны США в отношении Китая за поддержку России по ряду политических вопросов, а также валютный риск, связанный с высокой волатильностью рубля. По мнению китайских инвесторов и предпринимателей, «если курс рубля продолжит падать, это очень неблагоприятно скажется на продажах китайской продукции в России и объемах инвестирования».

Можно сделать вывод, что в современных реалиях китайско-российского сотрудничества наблюдаются следующие трансформации: увеличивается двусторонний товарооборот, продолжается экспорт энергоресурсов в Китай по ранее заключенным сделкам, однако новые пока не совершаются. Китайские компании получают возможность расширяться на российском рынке за счет

⁴ Там же.

ушедших европейских и американских компаний и желают наращивать объемы инвестирования. Постепенно растет признание китайской продукции, в том числе электротоваров, в России. При этом крупные инвестиционные проекты в России временно замораживаются из-за риска повторных санкций. Более того, растет конкурентоспособность Китая на международном рынке в связи с возможностью заключать контракты в собственной валюте – юанях – не только в России. В целом Китай, будучи стратегическим партнером РФ, в непростых геополитических условиях продолжает поддерживать сотрудничество, несмотря на риск введения санкций со стороны США и на колебания курса рубля.

Литература

1. *Кашин В.* Россия, Китай и украинский кризис, Российский совет по международным делам, 2022. URL: РСМД :: Россия, Китай и украинский кризис (russiancouncil.ru)
2. *Сафонов М.* Российский бизнес переходит на расчеты с Китаем в юанях. Или хотя бы пытаются, Коммерсантъ, 2022. URL: Российский бизнес переходит на расчеты с Китаем в юанях. Или хотя бы пытаются (bfm.ru)
3. *Свинцова Е.* Sinorec приостановила переговоры о крупных инвестициях в российские проекты, Neftegaz. RU, 2022. URL: Из-за Тимченко? Sinorec приостановила переговоры о крупных инвестициях в российские проекты (neftegaz.ru)
4. *Соколов К.* Reuters узнал о позиции госкомпаний Китая по покупкам российской нефти // РБК, 2022. URL: Reuters узнал о позиции госкомпаний Китая по покупкам российской нефти: Бизнес: РБК (rbc.ru)
5. Три крупнейших нефтегазовых компании Китая отказались вкладывать в Россию, Капитал страны, 2022. URL: Три крупнейших нефтегазовых компании Китая отказались вкладывать в Россию | Капитал страны (kapital-rus.ru)
6. *Shehadi S.* The presence of Chinese and Indian companies in Russia shows future of country's investment flows // Investment Monitor, 2022. URL: Why are Chinese companies not leaving Russia? Investment Monitor.

Wang Jilu (e-mail: Wangjl200203@mail.ru)

Postgraduate student,

Moscow School of Economics of Moscow State University (MSE MS) Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

General Director of «CNOOC Energy Technology and Services Rus» LLC (Moscow, Russia)

ON ECONOMIC COOPERATION BETWEEN CHINA AND RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE UKRAINIAN CRISIS

The article describes the transformation of the economic, incl. investment, cooperation between China and Russia in the context of the Ukrainian crisis. The information base of the article is the data of our own empirical research, as well as analytical sources.

The article concludes about the expansion of opportunities for Chinese-Russian cooperation in the field of bilateral trade, small and medium-sized businesses; on the future dominance of Chinese investment flows to the Russian Federation, on the one hand, and on the emergence of new risks for investments in the energy sector and oil exports to China, on the other.

Keywords: Ukrainian crisis, Sino-Russian cooperation, trade turnover, oil exports, investments, energy sector.

DOI: 10.31857/S020736760021137-9

Арина Беляева

студентка 3 курса

Санкт-Петербургского государственного экономического университета

(г. Санкт-Петербург, Россия)

(e-mail: aribel14@yandex.ru)

Елена Печерица

кандидат социологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного экономического университета (г. Санкт-Петербург, Россия)

(e-mail: helene8@yandex.ru)

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ В ПРОВЕДЕНИЕ СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Цель исследования заключается в выявлении факторов, оказывающих влияние на качество проведения судебной экономической экспертизы и рассмотрение способов их нейтрализации с помощью цифровых технологий. Объект исследования – цифровые технологии в работе эксперта-экономиста. Методами исследования послужили анализ научной литературы и судебной практики российских и зарубежных исследователей, анализ сайтов экспертных учреждений, сравнение экспертной деятельности разных стран, синтез полученных знаний, классификация видов и методов судебно-экономической экспертизы, описание деятельности эксперта. В статье представлены виды и объекты судебно-экономических экспертиз в соответствии с актуальными нормативно-правовыми актами. Рассмотрены направления развития судебно-экономических экспертиз. Проанализирована возможность внедрения в работу эксперта-экономиста современных сквозных цифровых технологий. Выделены семь составляющих технологического прогресса в работе эксперта-экономиста. Выявлены факторы, оказывающие влияние на качество проведения судебно-экономической экспертизы. Предложены мероприятия, необходимые для минимизации и нейтрализации угроз экспертной деятельности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: судебно-экономическая экспертиза, эксперт, экономическая безопасность, цифровизация.

DOI: 10.31857/S020736760021867-2

В эпоху развития информационных технологий цифровизация касается всех сфер жизни общества. В современном мире практически не осталось областей, где бы они не применялись. Постепенное внедрение цифровизации относится и к судебным экономическим экспертизам, где нововведения играют огромную роль, оказывая влияние на результаты экспертиз, улучшая сам процесс их проведения на всех этапах. Особенность проведения судебно-экономической экспертизы имеет свою специфику в зависимости от задач и вопросов, поставленных судом или следователем. Поиск современных решений в этой области требует использования новых технологий.

Насколько известно, деятельность по проведению экспертиз как таковая берет свое начало в VII веке н.э. А непосредственной предшественницей современной судебно-экономической экспертизы была экспертиза судебно-бухгалтерская. Согласно официальным документам, наиболее ранним примером таковой считается экспертиза, проведенная в 1817 году в Канаде, где необходимо было осуществить анализ счетов компании-банкрота [8]. На современном этапе судебно-экспертная деятельность достаточно серьезно подвержена воздействию цифровизации, с чем неразрывно связана необходимость усовершенствования специальных знаний экспертов [9].

Цифровизация, а именно необходимость применения информационных и коммуникационных технологий, является важной составляющей развития общества. О последнем сказано в Указе Президента Российской Федерации от 09.05.2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [1]. Принципами данной Стратегии являются:

- обеспечение прав и свобод при доступе к информационным носителям;
- обеспечение свободы при выборе информации, с которой предстоит работать;
- поддержание традиционных форм купли-продажи товаров и услуг;
- поддержание легитимности при распространении информации;
- законность интересов граждан в информационной сфере.

Анализ российской и зарубежной научной литературы показывает, что существует несколько классификаций видов экономических экспертиз [14–20], но лишь ведомственные классификации экономических экспертиз подтверждены нормативно-правовыми актами (см. табл. 1).

Судебно-экономическая экспертиза является инструментом противодействия правонарушениям экономической направленности. Проведение экспертизы подразумевает использование специальных знаний, изучение и всесторонний анализ большого объема документации с целью получения ответов на поставленные перед экспертом вопросы. Сам процесс экономической экспертизы – это прикладное исследование, включающее в себя практические знания для составления практического заключения.

Цифровые технологии в экономике – это технико-технологические решения, которые используются для сбора, анализа, поиска, обработки данных в электронном виде. В современных условиях, с увеличением перехода бизнесов в онлайн-формат ввиду развития коронавирусной инфекции и по многим другим причинам, все чаще приходится сталкиваться с преступлениями цифровой направленности, для возможности раскрытия которых необходимо применение специального программного обеспечения. Сегодня для эффективной деятельности судебного эксперта необходимо обладать особыми знаниями,

которые помогут специалисту провести полномасштабную экспертизу в контексте цифрового преступления. В настоящее время существует несколько направлений развития судебно-экономической экспертизы [7].

Таблица 1

Виды и объекты исследования судебно-экономических экспертиз

Наименование	Объекты исследования указанных видов экспертиз
<i>Приказ Минюста РФ № 237 от 27.12.2012:</i>	
Бухгалтерская	Учетные данные, документы статистического учета, курсы валют, документы, отражающие данные оперативной и производственной деятельности компании, приходные и расходные ордера, авансовые отчеты.
Финансово-экономическая	Документация о финансово-кредитной деятельности предприятия, финансовые результаты организации.
<i>Приказ МВД России № 511 от 29.06.2005</i>	
Бухгалтерская	Документация о финансово-кредитной деятельности предприятия, финансовые результаты организации.
Налоговая	Счета-фактуры, выписки из банков, платежные поручения, первичные бухгалтерские документы.
Финансово-аналитическая	Договоры, регистры бухгалтерского учета, данные на электронных носителях и т.д.
Финансово-кредитная	Сведения о деятельности банков и компаниях-заемщиках, деловая переписка и иные документы.
<i>Приказ СК России № 77 от 24.07.2020</i>	
Бухгалтерская	Учетные данные, документы статистического учета, курсы валют, документы, отражающие данные оперативной и производственной деятельности компании, приходные и расходные ордера, авансовые отчеты.
Налоговая	Счета-фактуры, выписки из банков, платежные поручения, первичные бухгалтерские документы.
Оценочная (стоимостная)	Имущественные права и интеллектуальная собственность, ценные бумаги и другая документация.
Строительно-техническая	Строения, комплексы эксплуатации, разрушения и восстановления, строительные машины, сметы, акты и другое.
Финансово-аналитическая	Договоры, регистры бухгалтерского учета, данные на электронных носителях и т.д.

Источник: составлено авторами на основе [2–4, 17–20].

Поскольку развитие социума сейчас ускоряется, то требуется планомерное и быстрое введение цифровых технологий. Перечень сквозных технологий, которые оказывают влияние на развитие экономики страны, определен в рамках национальной технологической инициативы [10] и представлен в табл. 2.

Рис. 1. Направления развития судебно-экономической экспертизы

Источник: построено авторами, на основе источника [7].

Таблица 2

Перечень сквозных цифровых технологий

Перечень сквозных технологий	Описание
Технологии беспроводной связи.	Основа цифровой технологии, переход к 5G и улучшение трафика.
Технологии виртуальной и дополненной реальности.	Искусственно созданная картина окружающей действительности и принципиально новая технология для взаимодействия с клиентами и партнерами при помощи 3D-изображений и видео, которыми можно управлять в режиме реального времени.
Промышленный интернет.	Многоуровневая система, которая включает в себя установку узлов накопления и передачи данных, систему мониторинга, а также аналитические инструменты для обработки большого массива данных.
Квантовые технологии.	Это устройства, которые анализируют информацию и выстраивают логические единицы.
Аддитивное производство.	Кастомизированное производство деталей сложной формы для компьютерной модели с помощью последовательного нанесения материала.
Искусственный интеллект.	Инновационное решение, способное воспроизводить и по некоторым показателям превосходить деятельность человека.
Облачные технологии.	Технологии хранения данных.
Блокчейн, Big Data, Искусственный интеллект, цифровой двойник, FRMS.	Технологии обработки данных.

Источник: составлено авторами на основе [10].

Благодаря сквозным технологиям, процесс производства судебно-экономической экспертизы претерпевает множество изменений. К примеру, быстрое расширение *облачных сервисов* не оставляет возможности не внедрять данную технологию в деятельность экспертов-экономистов. Вся информация, которая хранится в облаке, позволяет получить быстрый доступ к ней в необходимый момент из любой точки на карте, к тому же проблемы с задержкой облачных технологий отходят на второй план за счет возможности пользоваться ими в режиме *offline*.

Система блокчейн на высоком уровне обеспечивает шифрование и сокрытие публичности любых данных благодаря «хэшированию». Преимуществом является такая хэш-функция, как преобразование любого объема информации в дайджест или, по-другому, хэш-сумму (битовая строка определенной длины, полученная из исходного сообщения). Дайджест содержит в себе отсылки, являющиеся указателем к предыдущим внесенным изменениям (необратимость цепочки транзакций). Таким образом, блокчейн снижает затраты на обработку информации, исключая привлечение третьих лиц для проверки транзакций.

Другой новой технологией автоматизации процессов является развитие систем обзора и анализа данных. Скрытые алгоритмы требуют поиска информации в огромных массивах, основой чего является *big data*. Применяя различные вспомогательные функции для анализа материалов, можно получить часть скрытых данных, которые помогут эксперту-экономисту получить более полное представление об анализируемом объекте. *Big data* решает проблему применения различных инструментов в работе с разным функционалом и использованием дополнительных операций, что может повлиять на правильность результатов и выводов эксперта-экономиста. Наиболее популярными инструментами оценивания и анализа данных являются *WEKA* и *RapidMiner*. К тому же *big data* подразумевает под собой системы визуальной аналитики, которая возможна через *Pajek*, *UCINET*, *Jigsaw* и *Citespace* и инструменты семантического анализа, что позволяет выделить наиболее важные фразы и ключевые слова, формирующие семантическое ядро и систематизировать данные [11].

Digital twin или *цифровой двойник* – еще одна новая производственная технология, подразумевающая под собой создание цифровой копии некоего физического объекта.

На самых первых стадиях цифровые двойники выполняли лишь функцию симуляции объектов, но на современном этапе данная технология претерпела изменения и *digital twin* стали целой концепцией, объединяющей воплощение элементов объектов и сами объекты, которые не только являются двойниками объектов реальных, но и учитывают зависимость между элементами и личностные факторы, что обеспечивает их цифровое функционирование [12].

Умное производство (smart manufacturing) объединяет различные технологии, связанные с вычислениями, виртуализацией, обработкой данных и др. Сфера

интеллектуальных производственных технологий относится не только к процессу производства, она расширилась благодаря взаимодействию различных технологий, что приводит к упрощению настройки, экономии времени, экономической эффективности, лучшему пониманию, быстрому реагированию на ситуации и удаленному мониторингу в деятельности экспертов-экономистов [13].

Гибкие и реконфигурируемые производственные системы (FRMS). Они сосредоточены на повышении эффективности и быстром реагировании на изменение информации в системе. *FRMS* способны легко перенастраиваться и подстраиваться под необходимый запрос; гибкость машины позволяет планировать процедуры и распределять свою деятельность между ними. Детерминированными характеристиками *FRMS* в интеллектуальном производстве являются модульность, интегрируемость, гибкость, масштабируемость и диагностируемость, что может помочь эксперту-экономисту при одновременном проведении нескольких экспертиз.

Искусственный интеллект. Для улучшения сотрудничества человека и робота, уменьшения необходимого количества персонала и улучшения систем, для обнаружения любых сбоев в оборудовании и продукте в системы нового поколения встраивается искусственный интеллект. Система с искусственным интеллектом способна самостоятельно принимать решения, оптимизировать свою деятельность и автоматически реагировать на любые изменения, заранее предупреждая о ситуациях, которые могут возникнуть.

IoT и IIoT (Интернет вещей и промышленный интернет вещей). *IoT* функционирует в приложениях, используемых в разных сферах повседневной жизни, таких как «умные» дома, транспорт, логистика, здравоохранение, сельское хозяйство и специальные приложения для отслеживания транспортных средств.

IIoT фокусируется на промышленном применении *IoT*, соединяя каждую физическую сущность друг с другом через интернет. В отраслях *IIoT* соединяет физические объекты, такие как датчики, приводы и всю систему мониторинга и управления процессами, в интернет-облако, обеспечивая взаимодействие и сотрудничество каждой организации для достижения общих целей. Эти взаимодействия между отдельными компонентами помогают в планировании производства, профилактическом обслуживании и локализации неисправностей, улучшении взаимодействия человека и машины, интеллектуальном управлении процессами для оптимизации ресурсов, инструментов и материалов. Таким образом, собрать информацию для проведения экономической экспертизы будет гораздо проще [11].

Можно выделить некоторые приоритетные области, определенные в цифровой информации: цифровая экономика и общество, устойчивая экономика и общество, инновационное рабочее место и интеллектуальная мобильность. Важно отметить, что интеллектуальная система означает использование интеле-

грированной сетевой структуры в производственном механизме для обмена информацией между обрабатывающими информацией установками с конечными клиентами. Для этого требуется сетевое подключение, особенно через интернет. Обмен информацией через интернет требует безопасности данных и информации по всей системе в различных точках с глобальной уникальной идентификацией и сквозным шифрованием данных. И, следовательно, каждый узел сети должен быть защищен от внешних атак и неправильного использования данных. Самое главное при проектировании сетевых систем, таких как интеллектуальные производственные системы – обеспечение безопасности системы и всего процесса; обеспечение безопасности также необходимо иметь в виду для соблюдения обязанностей эксперта, а именно: неразглашение сведений, которые стали ему известны в связи с проведением экспертизы или несообщение сведений, ставшими результатами экспертизы.

Еще одной проблемой внедрения цифровизации является интеграция нового технологического оборудования с уже существующим. При внедрении интеллектуальных технологий производства совместимость уже имеющихся устройств с новыми вызывает различные проблемы. Старое оборудование и программы, которые контролируются некоторыми протоколами связи, могут быть устаревшим, а новые утилиты могут иметь другой протокол. Кроме того, межмашинная связь и взаимосвязь системы требуют улучшенной системы связи. Новейшие производственные системы требуют подключения IPv6 (новая версия интернет-протокола) для поддержки большого количества подключенных устройств одновременно.

Для успешного внедрения цифровизации в деятельность экспертов-экономистов интеллектуальные технологии необходимо должным образом видоизменить под потребности экспертов в их профессиональной деятельности и взять от вышеперечисленных сквозных технологий самое необходимое.

Таким образом, технологический прогресс в области экспертной деятельности включает в себя составляющие, отраженные на Рис. 2.

Важно отметить, что применение технико-технологической оснащенности при проведении судебно-экономической экспертизы поможет избежать ряда ошибок и недочетов, проанализировать все данные компании и избежать неточностей при написании заключения.

Факторы, оказывающие влияние на качество проведения судебно-экономической экспертизы, перечислены в табл. 3.

Вместе с развитием экспертизы подвергаются изменению и методы ее проведения (способы изучения предмета экспертизы). Современные методы проведения судебно-экономической экспертизы включают в себя множество составляющих, представленных на Рис. 3. Они также должны отвечать следую-

щим требованиям: научная обоснованность, допустимость, законность, этичность, надежность результатов, возможность их проверки, повторяемость экспертизы, безопасность и эффективность.

Рис. 2. Составляющие технологического прогресса

Источник: составлено авторами на базе [14,15,16].

Рис. 3. Современные методы проведения судебно-экономической экспертизы

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

**Факторы, оказывающие влияние на качество проведения
судебно-экономической экспертизы**

Фактор	Способы применения технико-технологической оснащённости при решении проблемы
Большое количество документов, которые необходимо изучить эксперту.	Big data, облачные хранилища.
Низкая квалификация и недостаточность знаний у эксперта.	Проверка высокого уровня квалификации эксперта может осуществляться посредством применения технологий виртуальной реальности, искусственного интеллекта, а повышению знаний может поспособствовать использование квантовых технологий, <i>big data</i> , <i>digital twin</i> .
Несовершенство нормативно-правовой базы.	Несмотря на несовершенство нормативно-правовой базы, надёжность цифровых данных позволит принимать правильные решения и делать верные выводы.
Научно-техническая оснащённость судебного эксперта.	Применение цифровых технологий поможет избежать негативного влияния данных факторов посредством автоматизации процессов для получения результата, что упростит требования к личным качествам эксперта и его научно-технической оснащённости.
Личные качества эксперта.	

Источник: составлено авторами.

Процессы цифровизации и автоматизации в экспертной деятельности взаимосвязаны между собой, так как они помогают друг другу существовать и применяться на практике.

Система средств цифровизации судебно-экономической экспертизы для проведения анализа носителей информации представлена в табл. 4.

Таблица 4

Средства цифровизации судебно-экономической экспертизы

Средства цифровизации судебно-экономической экспертизы	Примеры
Аппаратные объекты.	Сетевые аппаратные средства, персональные компьютеры, микросхемы, серверы, сетевые кабели передачи данных, интегрированные системы, аппаратные блоки и любые иные комплектующие.
Программные объекты.	Системы управления базами данных, операционные системы, системное программное обеспечение, служебные системные информационные данные, прикладные программные данные.
Информационные данные.	Текстовые и графические документы, изготовленные с использованием компьютерных технологий, данные в формате мультимедиа и иные.

Источник: составлено авторами.

При проведении экономических экспертиз в основе их методологии используются методы распределения данных, иерархия протоколов, методы доступа к информации и методы коммуникации.

Для решения проблем, связанных с цифровизацией судебно-экспертной деятельности, нужна государственная поддержка государственных судебно-экспертных учреждений (прежде всего систем МВД, Минюста и Следственного Комитета). Мероприятия, необходимые для минимизации и нейтрализации угроз экспертной деятельности перечислены ниже, на рис. 4.

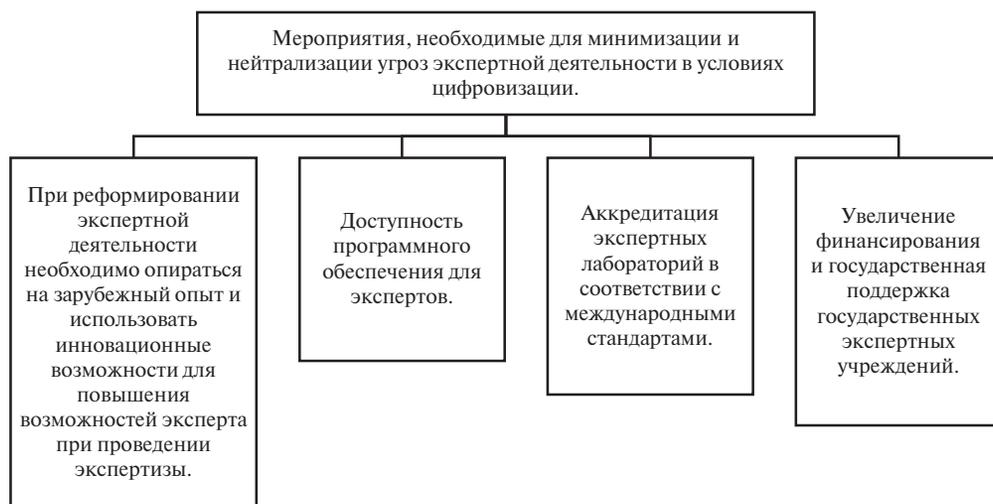

Рис. 4. Мероприятия, необходимые для минимизации и нейтрализации угроз экспертной деятельности в условиях цифровизации

Источник: составлено авторами.

Важным условием получения качественного результата при проведении судебно-экономической экспертизы является высокая точность данных из-за применения информационных технологий. Эксперт в своей деятельности применяет различные вычислительные технологии и информационные носители. Цифровизация судебно-экспертной деятельности позволяет определить пути для анализа и оценки возможных потерь, использовать математический инструментарий на локальных искажениях.

Ключевыми факторами повышения качества деятельности судебного эксперта за счет информационных технологий является алгоритмизация, упорядочивание и автоматизация.

На практике встречаются ситуации, когда для проведения судебно-экономической экспертизы необходимо участие нескольких специалистов. Комплексная экспертиза — это экспертиза, которую назначил суд, для разрешения вопросов, касающихся различных областей знания. По окончании экспертизы

эксперты совместно приходят к выводу и закрепляют его в заключении [5]. При проведении данного вида экспертизы специалисты должны обладать знаниями в сфере компьютерных технологий.

Цифровизация судебно-экспертной деятельности подразумевает возможность проведения экспертизы еще и по цифровым следам. Под цифровыми следами понимаются любые сведения, оставленные в информационном пространстве [6]. При исследовании цифровых следов можно столкнуться со следующими трудностями:

- цифровые следы могут находиться на внешних носителях, доступ к которым у эксперта ограничен. Данные информационные носители требуют проведения полноценной экспертизы;
- цифровые следы могут быть на серверах и трафиках, вычислить которые может только специалист в сфере информационных технологий (ИТ). В силу особенностей цифровых следов экспертизу должен проводить эксперт соответствующего профиля;
- цифровые следы также можно обнаружить на электронных документах. Если документы подлинны, то информационные следы, замеченные на них, являются для эксперта серьезным основанием проведения экспертизы или уточнения обстоятельств по определенным вопросам;
- иногда можно также встретить цифровые следы на бумажных носителях. Их обнаруживают с помощью различных видов профессионального программного обеспечения (ПО), анализируя распечатанные данные, электронные документы и т.д.

В условиях стремительного развития технологий судебному эксперту важно поддерживать высокую квалификацию в связи с постоянным обновлением информационных носителей, повышать свои знания во всех областях экспертной деятельности, в том числе – в сфере цифровых сквозных технологий. Обширный перечень сквозных технологий, включающий технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности, промышленный интернет, квантовые технологии, аддитивное производство, искусственный интеллект, облачные технологии, *блокчейн*, *big data*, *digital twin*, *smart manufacturing*, *FRMS*, *IoT* и *IIoT*, которые в той или иной степени касаются работы судебного экономического эксперта, лишь подтверждает эту необходимость.

В связи с тем, что интеллектуальные системы требуют сетевого подключения, каждый узел сети должен быть защищен от внешних атак и неправильного использования данных. К тому же интеграция нового технологического оборудования с существующим должна происходить плавно и без заминок.

Для успешного внедрения цифровизации в деятельность экспертов-экономистов интеллектуальные технологии необходимо должным образом видоизменить под потребности экспертов в их профессиональной деятельности и взять от сквозных технологий самое необходимое.

В условиях цифровизации изменяется система объектов судебной экономической экспертизы и, соответственно, методы ее проведения.

Технологический прогресс в области экспертной деятельности развивается, и применение технико-технологической оснащенности при проведении судебно-экономической экспертизы поможет избежать неточностей и случайных ошибок в работе экспертов. Необходима государственная поддержка для внедрения цифровизации в деятельность экспертов.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919>
2. Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 37 (ред. от 28.12.2021) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» (Зарегистрировано в Минюсте России 29.01.2013 № 26742) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_141682/
3. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 27.06.2019) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») (Зарегистрировано в Минюсте России 23.08.2005 № 6931) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/
4. Приказ СК России от 24.07.2020 № 77 «Об утверждении Порядка определения, пересмотра уровня квалификации и аттестации экспертов федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» на право самостоятельного производства судебных экспертиз» (Зарегистрировано в Минюсте России 11.08.2020 № 59230) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_359829/
5. *Быкова А.С.* Сравнительный анализ комиссионной и комплексной экспертизы [Электронный ресурс] / Студенческие научные достижения. 2021. С. 149–151. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_45717065_72875802.pdf
6. *Черданцев А.Ю.* Цифровые следы как криминалистический феномен [Электронный ресурс] / Вестник академии следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 4 (22). С. 178–180. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_42769398_43131692.pdf
7. *Solovey Yu.A.* Modern technologies of digital economy as a catalyst for economic growth of regional markets of the Russian Federation / Yu. A. Solovey, E. N. Kamyshanchenko, M. A. Mkhitaryan // Research result. Economic research. 2019. № 4. С. 3–12. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_41596322_73591287.pdf
8. *Щербинина А.Г.* Роль судебной экономической экспертизы в предупреждении экономических преступлений / А. Г. Щербинина, М. М. Феодоров // Modern Science. 2020. № 5–3. С. 188–192. EDN TBSGCZ. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42911926>

9. *Плотников Н.В.* Современный взгляд на теорию судебной экспертизы с позиции цифровой экономики / Н.В. Плотников, А.В. Груньковский, Е.В. Печерица // *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения.* 2021. Т. 16. № 4. С. 1615–1622. EDN SMAXLC. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47850262>
10. *Цифровая экономика 2024.* URL: <https://digital.ac.gov.ru>
11. *Кулиджанов К.Б.* Инструменты и системы для обработки и анализа информации данных в системах Биг дата // *Компьютерные науки и телекоммуникации.* 2021. № 1(59). С. 12–19. EDN GCGELG URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=45788226>
12. *Фролова А.В.* Цифровые двойники в высокотехнологичном производстве: новые инструменты цифровой экономики / А. В. Фролова, Л. Е. Копылова // *Успехи в химии и химической технологии.* 2020. Т. 34. № 1(224). С. 32–33. EDN EGTBHP. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42671550>
13. Sudip Phuyal, Diwakar Bista, Rabindra Bista, Challenges, Opportunities and Future Directions of Smart Manufacturing: A State of Art Review, Sustainable Futures, Volume 2, 2020, 100023, ISSN 2666-1888. URL: <https://doi.org/10.1016/j.sifr.2020.100023>
14. *Rehman A. and Hashim F.* (2021), Can forensic accounting impact sustainable corporate governance? *Corporate Governance*, Vol. 21 No. 1, pp. 212–227. <https://doi-org.ezproxy.unecon.ru/10.1108/CG-06-2020-0269>
15. *Kumari Tiwari R. and Debnath J.* (2017), Forensic accounting: a blend of knowledge, *Journal of Financial Regulation and Compliance*, Vol. 25 No. 1, pp. 73–85. <https://doi-org.ezproxy.unecon.ru/10.1108/JFRC-05-2016-0043>
16. *Alshurafat H., Al Shbail M.O. and Mansour E.* (2021), Strengths and weaknesses of forensic accounting: an implication on the socio-economic development, *Journal of Business and Socio-economic Development*, Vol. 1 No. 2, pp. 135–148. <https://doi-org.ezproxy.unecon.ru/10.1108/JBSED-03-2021-0026>
17. *Гаджиев Н.Г., Киселева О.В., Коноваленко С.А., Скрипкина О.В., Ахмедова Х.Г.* Развитие классификации судебных экономических экспертиз // *Вестник Алтайской академии экономики и права.* 2020. № 2. С. 109–114. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=1006>
18. *Тимченко В.А.* Классификация судебных экономических экспертиз в современных условиях // *Вопросы экспертной практики.* 2019. № S1. С. 643–646. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39657949>
19. *Савицкий А.* Актуальные проблемы судебной экономической экспертизы. URL: <https://www.expertsud.ru/content/view/235/36/>
20. *Фирсов В.В.* Проблемы классификации и место судебной налоговой экспертизы в уголовном процессе. *Управленческое консультирование.* 2018;(3):8–13. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2018-3-8-13>

Arina Belyaeva (e-mail: aribel14@yandex.ru)
student of the Department of Economic Security,
Saint Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russia)

Elena Pecheritsa (e-mail: helene8@yandex.ru)
Ph.D. in Sociology, Associate Professorm
Department of Economic Security,
St. Petersburg State University of Economics (Saint-Petersburg, Russia)

INTRODUCING DIGITALIZATION IN FORENSIC AND ECONOMIC EXPERTISE

The purpose of the study is to identify factors that affect the quality of forensic economic examination and to consider the ways to neutralize those using digital technologies. The subject of the study is the application of digital technologies to the work of an expert economist. The research methods were the analysis of scientific literature and judicial practice of Russian and foreign researchers, analysis of websites of expert institutions, comparison of expert activities, data aggregation, classification of types and methods of forensic economic examination, description of the expert's activities. The article presents the types and objects of forensic economic examinations in accordance with current regulatory legal acts.

The developments in forensic economic examinations are considered. The potential for introducing modern end-to-end digital technologies into the work of expert economists is analyzed and seven components of technological progress in the field identified. The factors influencing the quality of the forensic economic examination are identified. The measures to minimize and neutralize the threats to expert activity in the context of digitalization are proposed.

Keywords: forensic economic expertise, expert, economic security, digitalization.

DOI: 10.31857/S020736760021867-2

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff, eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 dpi для тоновых изображений и не менее 600 dpi для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присылать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
2) в меню «**Мои публикации**» станет активной кнопка «**Добавление Публикации**», нажав на которую, Вы автоматически попадете на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Сохранить и отправить**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper.ru.html>

Оформить подписку на журнал «Общество и экономика» можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gaugn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie/>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 18.09.2022 г.

Тираж 150 экз. Зак. 12/9а. Цена свободная

70*100¹/₁₆. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук
Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.
Тел. (499)-128-79-16
E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»